

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

На правах рукописи

Долгорукова Наталья Михайловна

**«Лэ» Марии Французской в контексте
литературы ее времени**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература Европы)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель – д. ф. н. Евдокимова Л. В.

Москва – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	4
<u>ГЛАВА I. Время истории, время авантюры: Гальфрид, Вас, Мария</u>	26
<i>I.1. «Inter historiam et argumentum et fabulam»: контуры литературной теории на рубеже XII века</i>	<i>27</i>
<i>I.2. Вымысел в средневековой историографии: Гальфрид и Вас</i>	<i>42</i>
<i>I.3. Вас и Мария Французская: от историографии к поэзии</i>	<i>60</i>
<u>ГЛАВА II. Бретонская интертекстуальность: Мария Французская и Кретьен де Труа</u>	70
<u>ГЛАВА III. «Лэ» Марии Французской: бретонские сказания и влияние трубадуров</u>	96
<u>ГЛАВА IV. Ближайшие наследники Марии Французской и судьба жанра лэ в конце XII – начале XIII вв.</u>	142
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	154
<u>ПРИЛОЖЕНИЕ I</u>	157
<u>ПРИЛОЖЕНИЕ II</u>	158

<u>ПРИЛОЖЕНИЕ III</u>	159

<u>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК</u>	166

ВВЕДЕНИЕ

Мария Французская (Marie de France) – один из самых знаменитых авторов французского Средневековья; книг и статей о ней существует очень много. Тем не менее, пока еще не написано ни одного исследования, с достаточной полнотой раскрывающего избранную нами тему, – лэ Марии Французской в контексте литературы ее времени. Между тем такое исследование представляется крайне важным. Оно позволяет указать на зависимость ее лэ от литературной теории XII века, в том числе, от актуальных в то время дискуссий о соотношении «правды» и «вымысла». И, кроме того, дает возможность по-новому объяснить, по какой причине Мария решила обратиться к кельтским сказаниям, пересказав их на народном французском языке.

Сопоставление лэ с куртуазными лирическими песнями трубадуров – ее современников, позволит во многих случаях назвать источники образов, метафор или художественных форм, к которым она обращается, а также оценить степень влияния куртуазной культуры на ее творчество. Сравнение ее лэ со стихотворной хроникой Васа способно, как мы полагаем, пролить свет на самый ее замысел, состоявший в создании сборника из двенадцати лэ.

Наконец, изучение лэ в связи с латинскими трактатами, писавшимися при дворе Генриха II Плантагенета, или романами ее современника Кретьена де Труа позволяет воссоздать общий интеллектуальный климат, в котором творила Мария, а тем самым и выявить важные социальные и культурные импульсы, которые оказывали на нее воздействие.

Как мы уже говорили, о Марии Французской написано немало работ: она привлекает внимание исследователей всего мира на протяжении вот уже четырех столетий. Если в начале внимание ученых

занимал вопрос о возможных авторах двенадцати лэ¹ и еще двух произведений, с XVIII века приписываемых Марии Французской, то теперь практически никто не сомневается в том, что сборник лэ принадлежит именно ей², как и французский перевод очень популярного в Средние века собрания басен «Ромул» и религиозно-дидактическая поэма-видение «Чистилище св. Патрика» – предположительно перевод трактата английского монаха цистерцианца Генриха Солтрейского «*Tractatus de Purgatoris sancti Patrici*»³.

В последние десятилетия исследования творчества Марии Французской сконцентрированы главным образом на нескольких основных проблемах.

Существует немало важных – в том числе и для нашей работы – исследований, посвященных изучению кельтских и, шире, фольклорных мотивов в ее лэ. Здесь в первую очередь надо отметить две работы знаменитого кельтолога начала XX века Т.П. Кросса, в которых он сравнивает мотивы, встречающиеся в двух лэ Марии, с мотивами ирландских саг⁴. Упомянем, кроме того, работы французских медиэвистов

¹ См., например, книгу Рихарда Баума, который считает, что Мария не является автором приписываемых ей сочинений: *Baum R. Recherches sur les oeuvres attribuées à Marie de France. Heidelberg, 1968.*

² Только одна из пяти дошедших до нас рукописей лэ Марии Французской содержит тексты всех двенадцати лэ и Пролога, открывающего повествование – так называемая рукопись Н – British Museum, ms. Harley 978 f° 118-160.

³ См., например, статью в Словаре французской литературы: *Dictionnaire des lettres française. Vol. 4 Le Moyen Age. P., 1964. P. 499.*

⁴ *Cross T.P. The celtic origin of the lay of Yonec // Revue celtique. 1910. Vol. 31. P. 413-471; Cross T.P. The celtic elements in the lays of Lanval and Graelant // Modern Philology. 1915. Vol. 12. P. 585-644.* Ср. его же «Указатель мотивов раннеирландской литературы (*Cross T.P. Motif-index of Early Irish Literature. New York, 1969*). См. также: *Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Guigemar // Medium Aevum. 1962. Vol. 31, №.3. P. 176-187; Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Yonec // Etudes Celtique. 1961. Vol. 9. P. 501-520.*

Люсьена Фуле и Шарля Фулона, а также отдельные статьи, посвященные анализу кельтских мотивов в ряде лэ Марии: У.Т. Холмса, Р.Н. Илингворфа, Е. Брюггера, И. Понтфарси, О.М. Джонстона, П. Джонина и др.⁵

Что касается влияния фольклорной традиции на «Лэ» Марии и произведения ее современников, отметим здесь классические работы Эрнста Хепффнера, работы медиєвиста и издателя Марии Французской Лоренс Арф-Ланкнер, а также отдельные статьи М.Х. Фергюсон, Ф. Суарда и др.⁶

⁵ Foulet L. Marie de France et les lais bretons // Zeitschrift für romanische Philologie. 1905. Vol. 29. P.19–56, 293–322; Foulon Ch. Marie de France et la Bretagne // Annales de Bretagne. 1950. Vol. 71. P. 330–344; Holmes U.T. A Welsh motif in Guigemar // Studies in Philology. 1942. Vol. 39. P. 11–14; Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Guigemar // Medium Aevum. 1962. Vol. 31, № 3. P. 176–187; Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Yonec // Études celtiques. 1961. Vol. 9. P. 501–502; Brugger E. The celtic element in the lays of Lanval and Graelent // Modern Philology. 1914. Vol. 12. P. 585–644; Pontfarcy Y. de. Le Lai des deus amanz et la survie en Normandie d'un mythe celtique authentique // Actes du 14e Congrès international arthurien. Rennes, 1985. T.2. P. 500–508; Johnston O. M. Sources of the lay of the Yonec // Publications of the Modern Language Association. 1905. Vol. 20. P. 332–338; Jonin P. Merveilleux celtique et symbolisme universel dans Guigemar de Marie de France // Mélanges Jeanne Wathelet-Willem / éd. Jacques de Caluwé. Liège, 1978. P. 239–255; Jonin P. Merveilleux et voyage dans le lai de Guigemar // Senefiance. 1976. Vol. 2. P. 275–287.

⁶ Hoepffner E. Marie de France et les lais anonymes // Studi medievali. 1931. Vol. 4. P. 1–13; Hoepffner E. La géographie et l'histoire dans les Lais de Marie de France // Romania. 1930. Vol. 56. P.1–32; Hoepffner E. Les Lais de Marie de France. P., 1971; Harf-Lancner L. La reine ou la fée: l'itinéraire du héros dans les Lais de Marie de France // Amour et merveille: les "lais" de Marie de France / éd. Jean Dufournet. P., 1995. P. 81–108; Harf-Lancner L. Les fées au Moyen Âge. Morgane et Mélusine. La naissance des fées, P., 1984; Ferguson M. H. Folklore in the Lais of Marie de France // The Romanic Review. 1966. Vol. 57. P. 3–24; Suard F. L'utilisation des éléments folkloriques dans le lai du Frêne // Cahiers de civilisation medieval. 1978. Vol. 21. P. 43–52; Suard F. Bisclavret et les contes du loup-

Авторов многих исследований привлекает концепция любви в сборнике лэ. Однако в них, на наш взгляд, часто недооценивается влияние куртуазной культуры на Марию Французскую. Так, Ф. Менар отмечает: «Хотя лэ Марии Французской и свойственен легкий налет куртуазности, в сущности, им глубоко чужда идеальная *fin'amors*»⁷. Исследователь крайне осторожен в выводах и считает, что в лэ прослеживаются традиции фольклорной сказки, однако ощущается и «налет» куртуазной традиции с «психологическими» описаниями чувств, свойственных ряду героев рыцарских романов и куртуазных новелл⁸. Другие исследователи, касавшиеся этой темы, приходят к сходным заключениям. Так, автор статьи «Куртуазная идеология в лэ Марии Французской» Б. Винд отмечает, что в лэ нет «настоящей куртуазной любви»; поэтессе, полагает он, абсолютно чужда куртуазная казуистика. По его выводам, в лэ Марии женщина играет столь скромную роль, что едва ли можно говорить о воздействии на нее куртуазной культуры⁹. «Элидюк» Марии Французской назван здесь «анти-куртуазным лэ»; в заключении делается вывод о том, что хотя куртуазный «аспект» и присутствует в лэ Марии, все же

garou: essai d'interprétation // *Mélanges de langue et littérature françaises du Moyen Âge et de la Renaissance offerts à Monsieur Charles Foulon*. Rennes, 1980. T. 2. P. 267–276.

⁷ *Ménard Ph.* Les lais de Marie de France, Contes d'amour et d'aventure du Moyen-Age. P., 1979. P.136

⁸ В своей обзорной книге Ф. Менар касается и других проблем: таких, как происхождение жанра лэ, соотношение анонимных лэ и лэ Марии; он анализирует, кроме того, возможность влияния на нее романов «античного цикла», а также фольклорных произведений.

⁹ *Wind B.H.* L'idéologie courtoise dans les lais de Marie de France // *Mélanges de linguistique romane et de philologie médiévale offerts à M. Maurice Delbouille, professeur à l'Université de Liège*. P., 1964. T. 2. P. 741

«куртуазное начало не стоит в центре» сборника и не составляет его смысла¹⁰.

Авторы целого ряда статей сравнивают лэ Марии с произведениями античной и/или средневековой литературы: особенным вниманием пользуются «Метаморфозы» Овидия¹¹, средневековые хроники и романы – «История бриттов» Гальфрида Монмутского, «История англо» Гэймара, «Роман о Бруте» Васа, «Роман о Фивах», «Роман об Энее», романы о Тристане, романы Кретьена де Труа, «Галеран Бретонский»¹².

¹⁰ Op. cit. P. 748. Упомянем еще одно исследование, автор которого, касаясь куртуазного аспекта лэ, без всяких оснований модернизирует средневековый материал. Сборник лэ назван здесь «Куртуазной Комедией»; предлагается типологическая классификация героев лэ, в которой есть «интроверты» и «сдержанные пуритане», «развращенные сенсуалисты» и «развращенные идеалисты», «отличные спортсмены» и «спортсменки». См.: *Damon S. F. Marie de France psychologist of courtly love // PUBLICATIONS OF THE MODERN LANGUAGE ASSOCIATION. 1929. Vol. 44. P. 968–996*. Еще одно модернизирующее исследование подобного рода: *Bloch R.H. The Anonymous Marie de France. Chicago; London, 2003*. Здесь речь заходит об эпистемологии и экзистенции, вспоминаются имена Фрейда и Ролана Барта; Мария именуется не иначе как средневековый Джойс и экзистенциальный писатель. Блох рассматривает жанровую систему средневековой литературы в рамках гендерной школы, однозначно увязывая тот или иной жанр с гендером адресата: так, шансон де жест или фэблию апеллировали к мужчинам, тогда как лэ и романы сочинялись для женщин.

¹¹ См., например, следующие статьи: *Cargo R.T. Marie de France's Le Laustic and Ovid's Metamorphoses // Comparative Literature. Vol. 18, No. 2. P. 162–166*; *Getz S.H.K. Echoes and Reflections of Enigmatic Beauty in Ovid and Marie de France // Speculum. Vol. 73. No. 2. P. 372–396*; *Getz S.H.K. Echoes and Reflection: Memory and Memorials in Ovid and Marie de France. Amsterdam; New York, 2003*.

¹² См., например, следующие статьи: *Foulet L. Marie de France et la légende de Tristan // Zeitschrift für romanische Philologie. 1908. Vol. 32. P. 161–183, 257–289*; *Salverda de Grave J. J. Marie de France et Eneas // Neophilologus. 1925. Vol. 10. P. 56–58*; *Wilmotte M. Marie de France et Chrétien de Troyes // Romania. 1926. Vol. 52. P. 353–356*; *Hoepffner E. La géographie et l'histoire dans les Lais de Marie de France // Romania. 1930*.

Еще одна проблема, привлекавшая внимание исследователей, – жанровые контуры лэ и их соотношение с другими нарративными краткими формами. Эти вопросы рассматриваются, в частности, в монографии К. Рингер, в статьях Ч. Ли, О. Жодоня, Л.В. Евдокимовой и др.¹³.

Существует, наконец, группа работ, где с разной степенью глубины изучаются вопросы о степени эрудиции Марии Французской и о той интеллектуальной среде, в которой она жила и творила. М.Л. Занони убедительно доказывает, что Мария читала одно из сочинений Присциана¹⁴. В недавнее время К. Росси вновь вернулась – уже на новом этапе – к обсуждению гипотез о том, кем была Мария Французская, и в этой связи к вопросу о ее образованности и окружающей ее интеллектуальной среде¹⁵. Образовательная программа кентерберийских

Vol. 56. P.1–32; *Hoepffner E.* Les Lais de Marie de France dans Galeran de Bretagne et Guillaume de Dole // *Romania*. 1930. Vol. 56. P. 212–235; *Hoepffner E.* Marie de France et l'Eneas // *Studi medievali*. 1932. Vol. 5. P. 272–308; *Franc G.* Marie de France and the Tristram legend // *Publication of the Modern Language Association of America*. 1948. Vol.63, №2. P. 405–411; *Hofer St.* Zur Beurteilung der Lais de Marie de France // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1950. Vol. 66. P. 409–42; *Wolf-Bonvin R.* Du Lai du Freisne à Galeran de Bretagne. La fabrique des filles-fleurs // *Ce est li fruis selonc la letre. Mélanges offerts à Charles Méla / éd. Olivier Collet*. P., 2002. P. 571–590.

¹³ *Ringer K.* Die Lais. Zur Geschichte einer Gattung der altfranzösischen Kurzerzählung. F/a M., 1966; *Lee Ch.* Dinamica interna della narrativa breve antico-francese // *Medievo romanzo*. 1981–1983. T.8. P. 381–400; *Jodogne O.* Le fabliau. Bepols, 1975; *Evdokimova L.* Les dénominations génériques des récits brefs au XIIIe siècle et leur place dans le système des genres : quelques réflexions sur la notion du genre au Moyen Age // *Etudes médiévales*. 2001.T. 3. P.210–219. Ср. также: *Dubuis R.* Les formes narratives brèves // *Grundriss der romanischen Literatur des Mittelalters*. T. VIII/ 1. Heidelberg, 1988.

¹⁴ *Zanoni M.L.* “Ceo testimoine Presciens”, Priscian and the Prologue to the Lais of Marie de France // *Traditio*. 1980. Vol. 36. P. 407–415.

¹⁵ *Rossi C.* Marie de France et les érudits de Cantorbéry. P., 2009.

интеллектуалов из окружения Томаса Бекета (Иоанн Солсберийский, Вальтер Мап, Петр Блуа и, возможно, Алан Лилльский) оказывается созвучной программе, которую поэтесса формулирует в эпилоге «Чистилища св. Патрика», и, как считает Росси, именно благодаря принадлежности к этой среде Мария обращается к темам, которые были так дороги архиепископу и его окружению (например, к теме забвения и памяти, одной из центральных в прологе к сборнику «Лэ»). Однако гипотеза Росси, заключающаяся в том, что Мария Французская была сестрой Томаса Бекета, не нашла поддержки у медиевистов¹⁶.

В «Новой истории французской литературы» творчество Марии вписывается в контекст современной ей провансальской лирики трубадуров и французской лирики труверов и рыцарских романов, однако, согласно данному исследованию, прямого влияния они на творчество Марии не оказали¹⁷.

В России творчеству Марии Французской до сих пор не было уделено должного внимания. В самом начале XX века А.А. Смирнов, ученик А.Н. Веселовского, избрал темой своего научного исследования лэ французской поэтессы. В своей книге «Из истории западно-европейской литературы» одну главу Смирнов посвящает лэ Марии. Здесь можно найти пересказы и анализ отдельных лэ поэтессы, их фольклорных мотивов. Смирнов приходит к выводу, что поэтесса вносит в народные источники довольно мало изменений. «Личная трактовка фольклорного сюжета у нее еще не вполне обособилась, не отделилась от народной

¹⁶ См., в частности, следующие рецензии на книгу: *Brucker Ch.* Comptes rendus // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2009. Vol. 52. P. 439–441; *White-Le Goff M.* Comptes rendus (par année de publication des ouvrages) // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*. 2009. URL : <http://crm.revues.org/index11761.html> (11.11. 2013).; Сычева (Долгорукова) Н.М. Рецензия на книгу: C.Rossi Marie de France et les érudits de Cantorbéry // *Вопросы литературы*. 2012. №2. С. 486–487. URL:<http://magazines.russ.ru/voplit/2012/2/s14.html> (11.11. 2013).

¹⁷ A New history of French literature / ed. by Denis Hollier. L., 1989. P.51.

формы его бытования»¹⁸. Есть, кроме того, небольшие главы в учебных пособиях по истории зарубежной и французской литератур, хрестоматиях, которые знакомят студентов с первой французской поэтессой и ее творчеством¹⁹.

Завершая обзор литературы, скажем о книгах, которые хотя и не были специально посвящены анализу лэ Марии Французской, однако представляют безусловный интерес для нашей работы. Это исследования по французской средневековой литературе Рето Беццолы, Доминика Буте²⁰ и Моше Лазара²¹.

Обзор критической литературы, посвященной творчеству Марии Французской, показывает, что вопрос о влиянии на нее куртуазной культуры и поэзии трубадуров до сих пор не получил достаточно глубокой и полной разработки. Не существует исследований, в которых «Лэ» Марии рассматривались бы в контексте современной ей литературной теории, в связи с важнейшими для этого времени категориями «правды» и «вымысла». Остались обойдены вниманием ученых и авторы латинских трактатов, проявлявшие интерес к прошлому Бретани, кельтским сказаниям и мифам, наконец, кодексу поведения

¹⁸ Смирнов А.А. Из истории западно-европейской литературы. М.; Л, 1965. С. 98.

¹⁹ См., например, следующие учебные пособия: *Луков Вл.* История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 74–75; *Ловернь-Ганьер К.* История французской литературы: Краткий курс: Précis de littérature française: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К. Ловернь-Ганьер, А. Попер, И. Сталлони, Ж. Ванье; под ред. Д. Берже; [пер. с франц. Т.А. Левиной; науч. ред. рус. текста Е.Д. Мурашкинцев]. М., 2007. С. 34–36; *Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия* / Сост. Б.И. Пуришев; предисл. и подг. к печати В.А. Лукова. 3-е изд., испр. М., 2004. С. 266–269.

²⁰ *Boutet D.* Histoire de la littérature française du Moyen Age. P., 2003; *Boutet D.* Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire. P., 1992.

²¹ *Lazar M.* Amours courtois et fin' Amors dans la littérature du XII siècle. P., 1964.

воспитанного светского человека; между тем привлечение этого сравнительного материала позволяет более полно воссоздать литературный и культурный контекст, в котором творила Мария. Эти лакуны и призвана восполнить диссертация.

В соответствии с таким замыслом в ней выделяются (помимо введения и заключения) четыре главы. Первая будет посвящена изучению лэ в связи с литературной теорией и категориями «правды и вымысла», а также важнейшими историографическими сочинениями о древней Бретани – произведениями Гальфрида Монмутского и Васа, в которых эти категории своеобразным образом претворялись; здесь же мы коснемся и произведений нескольких латинских писателей, живших при дворе Генриха II, которые по своей тематике также перекликались с лэ.

Во второй главе – «Бретонская интертекстуальность: Мария Французская и Кретьен де Труа» рассматриваются связи и диалог между текстами двух самых известных авторов XII века, творивших на французском языке – Марии и Кретьена. Третья глава - «Лэ» Марии Французской: бретонские сказания и влияние трубадуров» показывает, чем «Лэ» Марии обязаны лирике трубадуров. Наконец, четвертая и последняя глава – «Ближайшие наследники Марии Французской и судьба лэ в конце XII – начале XIII вв» - прослеживает эволюцию жанра лэ в XIII веке и рассматривает пример пародийного восприятия жанра анонимным автором начала XIII века.

Нам кажется необходимым предварить наше исследование сведениями о Марии Французской и анализом Пролога к ее сборнику «Лэ», который позволит читателю представить себе эрудицию этого автора и его поэтические принципы.

«MARIE AI NOM, SI SUI DE FRANCE»

Французы называют Марию своей первой поэтессой и «Сафо Средневековья»²², англичане – «первой женщиной-писателем нашей эры»²³ и «средневековой Джейн Остин»²⁴, ряд ученых считают ее создательницей особого жанра средневековой куртуазной литературы - нарративного лэ²⁵, при этом количество сведений о самой поэтессе и ее жизни ничтожно мало. Собственно, все, что нам достоверно известно о ней, уже заключено в имени – Marie de France, Мария родом из Франции²⁶. Одно из своих произведений – французский перевод сборника басен – Мария заключает эпилогом, где и говорит:

Al finement de cest escrit,
qu'en Romanz ai traitié et dit,
me numerai pur remembrance:
Marie ai num, si sui de France²⁷.

В конце этого текста,
который я написала на романском
диалекте, я назову себя для потомства:
Мария мое имя, я из Франции.

²² *Dinaux A.* Trouvères, jongleurs et ménestrels du Nord de la France et du Midi de la Belgique. II. Trouvères de la Flandre et du Tournaisis. P., 1839. P. 310.

²³ *Фаулз Дж.* Кротовые норы / пер. с англ. И. Бессмертной, И.Тогоевой. М., 2003. С. 260.

²⁴ *Damon S.F.* Marie de France psychologist of courtly love // PUBLICATIONS OF THE MODERN LANGUAGE ASSOCIATION. 1929. Vol. 44. P. 968.

²⁵ См., например: *Hoepffner E.* La géographie et l'histoire dans les *Lais* de Marie de France //Romania. 1930. Vol. 56. P.1.

²⁶ Однако не будем забывать, что в XII веке под «France» понималась не Франция в ее современных границах, но лишь незначительный по территории домен французских королей – «Ile de France».

²⁷ Цит. по: *Mickel E. J.* Marie de France. New York, 1974. P. 143. Все прозаические и стихотворные переводы, кроме особо оговоренных случаев, выполнены автором данной работы.

Уже в этих строчках можно отметить проявление авторского сознания, отличающее произведения поэтессы от фольклорных текстов, которые, как было отмечено выше, составляют основу ее творений. Марии важно остаться в памяти следующих поколений, она ценит себя и свой труд.

Были выдвинуты многочисленные гипотезы, в которых поэтесса отождествлялась с другими образованными женщинами XII века (например, с Марией Шампанской, покровительницей Кретьена де Труа, с Марией де Бомон, Марией де Мелан, с Марией Булонской, абатиссой Ромси²⁸). Однако достоверным является лишь то, что Мария родилась во Франции, «но зрелую пору своей жизни провела в Англии, ибо, не говоря о других признаках, лингвистический анализ показывает, что она писала на литературном языке Иль-де-Франса с небольшой примесью англо-норманских черт»²⁹. Не вызывает сомнений и высокая образованность Марии, знавшей несколько языков, в том числе и латинский, владение которым в Средние века отличало духовных лиц. Поэтому некоторые ученые видят в Марии сводную сестру короля Генриха II Плантагенета (1154–1189), впоследствии настоятельницу шефтсберийского аббатства³⁰.

С достаточной достоверностью ученые называют хронологические границы ее творчества: Мария Французская писала свои произведения

²⁸ См. *Knapton A.* A la recherche de Marie de France // *Romance Notes*. 1978. Vol. 19. P. 1–6.

²⁹ *Смирнов А.А.* Из истории западно-европейской литературы. М.; Л., 1965. С. 92; *Foulet L.* English words in the Lais of Marie de France // *Modern Language Notes*. 1905 Vol. 20, №4., P. 109–111.

³⁰ См., например, в *Dictionnaire des lettres française*. Vol. 4 Le Moyen Age. 1964. P. 499; http://www.bautz.de/bbkl/m/marie_d_france.shtml; эту же гипотезу, которая сегодня считается наиболее весомой, поддерживает в своем публицистическом эссе Джон Фаулз: *Фаулз Дж.* Цит.соч. С. 266–267.

между 1160 и 1210 гг.³¹. Что же касается датировки отдельных ее творений, здесь однозначной точки зрения выработано не было. Так, некоторые исследователи считают, что лэ были созданы между 1160 и 1170 гг., далее Мария занималась переводом басен, а «Чистилище св. Патрика» она создала после 1208 г.³². Филипп Вальтер, выпустивший в 2000 году издание лэ Марии, полагает, что они были созданы между 1160 и 1180 гг.³³. В более раннем издании ее лэ называется только верхняя граница их создания – это 1189 год, потом следовала работа над баснями, а «Чистилище св. Патрика» было создано после 1189 г.³⁴. «Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age» признает годами создания басен временной промежуток между 1167 и 1189 гг. А.А. Смирнов высказывает мнение, что Мария Французская создавала свои лэ позднее, в самом конце 12 века³⁵.

Интересно отметить, что в своих лэ Мария ни разу не ссылается на произведения самого известного средневекового романиста и своего современника Кретьена де Труа. Автор одной из работ, посвященных французской поэте, делает из этого вывод, что лэ хронологически опережали романы Кретьена и были известны ему³⁶. Некоторые исследователи усматривают влияние жанра лэ на финальный эпизод кретьеновского романа «Эрек и Энида» (ок. 1170)³⁷ (к этой проблеме мы вернемся во второй главе нашего исследования).

³¹ *Mickel E. J. Marie de France. New York, 1974. P. 31.*

³² *Zanoni M.L. "Ceo testimoine Presciens", Priscian and the Prologue to the Lais of Marie de France*// *Traditio. 1980. Vol. 36. P. 411.*

³³ *Marie de France. Lais / Ed. Ph. Walter (edition bilingue). P., 2000. P. 7.*

³⁴ *Marie de France. Lais. Oxford., 1960. P. 10.*

³⁵ *Смирнов А.А. Из истории западно-европейской литературы. М.; Л., 1965. С. 103.*

³⁶ *Wilmotte M. Marie de France et Chrétien de Troyes // Romania. 1926. Vol. 52. P. 353-356.*

³⁷ *Mickel E. J. Marie de France. New York., 1974. P. 18.*

В завершении введения нам кажется уместным проанализировать Пролог к сборнику «Лэ» Марии Французской, который даст представление о круге чтения Марии и ее литературных предпочтениях, о творческих задачах, которые она перед собой ставила, создавая сборник лэ. Перевод Пролога и комментариев к нему поможет нам создать более объемный и многоаспектный образ этого автора.

Пролог состоит из пятидесяти шести строк, написанных, как и все двенадцать лэ, восьмисложником с парной рифмой³⁸

Ki Deus a duné, esciēnce	Тот, кому Бог даровал ум и красноречие,
E de parler bon'eloquence	Не должен их скрывать и таить,
Ne s'en deit taisir ne celer,	Но, напротив, должен с удовольствием
Ainz se deit volunters mustrer.	Являть эти дары миру.
Quant uns granz biens est mult	⁵ Когда некто произносит благое слово,
oïz,	Всякий внимлет ему с охотой.
Dunc a primes est il fluriz,	Такое слово подобно только что
E quant loëz est de plusurs,	распустившемуся цветку,
Dunc ad expandues ses flurs.	Аромат которого еще едва уловим.
Custume fu as anciēns,	Когда же люди хвалят это слово,
¹⁰ Ceo tes[ti]moine Preciēns,	¹⁰ Его можно сравнить с цветком,
Es livres ke jadis feseient	Полностью раскрывшим свою чашу
Assez oscurement diseient	И наполняющим воздух благовонием.
Pur ceus ki a venir esteient	Как свидетельствует Присциан,
E ki aprendre les deveient,	В древние времена книги часто писались
K'i peüssent gloser la lettre	темно,
E de lur sen le surplus mettre.	¹⁵ Поскольку считалось, что потомки,
Li philosophe le saveient	Которые будут по ним учиться,
E par eus memes entendeient,	Смогут постичь их глубокий смысл.
Cum plus trespasserunt le tens,	Это знали древние мудрецы.
²⁰ Plus serreient sutil de sens	Им было ведомо,

³⁸ Пролог на русский язык до сих пор не переводился. Стихотворный перевод Пролога, выполненный автором настоящего исследования, см. в Приложении III.

E plus se saveient garder
 De ceo k'i ert, a trespassez.
 Ki de vice se volt defendre
 Estudier deit e entendre
 E grevos'ovre comencier:
 Par [ceo] se puet plus esloignier
 E de grant dolur delivrer.
 Pur ceo començai a penser
 De aukune bone estoire faire
³⁰E de latin en romaunz traire;
 Mais ne me fust guaires de pris:
 Itant s'en sunt altre entremis.
 Des lais pensai k'oï aveie;
 Ne dutai pas, bien le saveie,
 Ke pur remembrance les firent
 Des aventures k'il oïrent
 Cil ki primes les comencierent
 E ki avant les enveierent.
 Plusurs en ai oï conter,
⁴⁰Ne[s] voil laisser nē oblïer;
 Rimez en ai e fait ditié,
 Soventes fiez en ai veillié.
 En l'honor de vus, nobles reis,
 Ki tant estes pruz e curteis,
 A ki tute joie se encline,
 E en ki quoez tuz biens racine,
 M'entremis des lais assembler,
 Par rime faire e raconter.
 En mun quoez pensoe e diseie,
⁵⁰Sire, ke[s] vos presentereie;
 Si vos les plaist a recevoir,
 Mult me ferez grant joie avoir,
 A tuz jurz mais en serrai lie.
 Ne me tenez a surquidie
 Si vos os faire icest present.

²⁰Что со временем,

Люди станут умнее

И легче сумеют понять и сохранить мудрость
былых времен.

Тот, кто хочет уберечься от порока,

Должен отдаться учению,

²⁵Взяться за трудное дело;

Только так можно освободиться от печали и
избежать беды.

Поэтому сначала я решила создать какую-
нибудь

Хорошую историю

Переведя ее с латинского языка на
романский.

³⁰Но этим я не стяжала бы похвалы,

Ведь многие другие делали то же самое.

Тогда я вспомнила о лэ, которые слышала
ранее.

Я твердо знала, что их первые сочинители,

Те, кто познакомил нас с ними,

³⁵Взялись распространять их для того,

Чтобы сохранить воспоминания

О приключениях, про которые им довелось
услышать.

Я тоже слышала много таких рассказов

И так как мне не хотелось,

⁴⁰Чтобы их предали забвению,

Я записала их, переложив стихами.

За этой работой я часто проводила бессонные
ночи.

Все это в вашу честь, благородный король,

Для вас, доблестный и любезный господин,

⁴⁵Перед кем все радостно склоняются,

В чьем сердце берет начало всякое благо,

Я принялась собирать лэ,

Ore oëz le comencement!

Записывать их и перелагать стихами.

В сердце своем я неустанно повторяла,

⁵⁰Что поднесу их вам в дар.

Если Вы не откажетесь его принять,

Доставите мне большую радость,

И я всегда буду счастлива.

Не считайте меня слишком самоуверенной за
то,

⁵⁵Что я осмелилась сделать вам этот подарок.

Итак, слушайте начало.

В первом смысловом фрагменте (ст. 1-4) Мария призывает всех одаренных людей являть свои таланты миру. На эти стихи, вне сомнения, должна была повлиять евангельская притча о таланте (Мф.25:18-28). Были у них и более близкие по времени источники. Так, в «Романе о Фивах» или «Романе о Трое» встречаются сходные сентенции, восходящие к евангельской притче: «Qui sages est nel deit celer, / mais pur ceo deit son sen monstrier / que, quant serra del siecle alez, / en seit puis toz jours remembrer»³⁹ или «Que nus ne deit son sens celer»⁴⁰.

Интересно также отметить, что красноречие (*bon' eloquence*) в Прологе трактуется Марией как Божий дар. Такое понимание ораторских способностей было присуще в античности Цицерону, который считал, что «в сравнении с природным даром искусство и обучение второстепенны: они способны лишь совершенствовать его, но ни в коем случае не

³⁹ «Тот, кто умен, не должен это скрывать, но должен выказывать свой ум, таким образом, чтобы по прошествии веков, сохранялась память о нем» – *Le Roman de Thèbes* / ed. Francine Mora-Lebrun. P., 1995. V.1.

⁴⁰ «Что мы не должны скрывать свой ум» - *Benoît de Sainte-Maure. Le Roman de Troie* / ed. Emmanuèle Baumgartner and Françoise Vielliard. P., 1998. V.1.

заменить»⁴¹. В Прологе Марии слышны, таким образом, отголоски идей Цицерона.

Следующий смысловой фрагмент (ст. 5-12), содержащий традиционную растительную метафору, довольно сложен для перевода. Филипп Вальтер, переводит его так: «Quand une bonne chose est bien répandue, / c'est tout d'abord parce qu'elle a fleuri; / et quand elle est louée par bien des gens, / c'est le signe que ses fleurs se sont épanouies» («Когда нечто благое распространяется, значит, оно расцвело, и когда его хвалят люди, это признак того, что цветы распустились»)⁴². Таким образом, смысл оказывается затемнен. В примечаниях к Прологу исследователь предлагает понимать под «цветами», упоминающимися в тексте, намек на «цветы риторики». Мы предлагаем несколько иную трактовку этого места, и вот чем это объясняется. Французское слово «fleur» в современных словарях имеет значение «цветок», но в словаре старофранцузского языка⁴³ первым значением слова является «odeur» (запах). В Средневековье считалось, что благоухание издают праведники, также его можно уловить в святых местах. Так, Бернард Клервоский (1090-1153 гг.) писал в «Проповедях на Песнь Песней» о благовонии как

⁴¹ См. Л.В. Евдокимова. *Natura, Ars, Imitatio*. Образ «совершенного поэта» в произведениях двух великих риторик. Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. М., 2002. С. 382 и далее.

⁴² Примерно такой же перевод, смысл которого, на наш взгляд, остается неясным, предлагается в англоязычных изданиях поэтессы. См., например, *The Lais of Marie de France*. Translated with an introduction by Glyn S. Burgess and Keith Busby. L. 2003. P. 41: “When a truly beneficial thing is heard by many people, it then enjoys its first blossom, but if it is widely praised its flowers are in full bloom” (“Когда нечто действительно благое услышано многими людьми, тогда это доставляет удовольствие своим первым цветением (?), но если оно широко восхваляется, значит, оно расцвело целиком”).

⁴³ *Godefroy F. Dictionnaire l'ancienne langue française et des tous ses dialects du IX au XV siècle*. T. 4ième. P., 1885. P. 32.

знаке мистического восхождения души к Богу. Благовоние можно вдыхать при приближении к праведникам или даже при одном воспоминании о них, при чтении священного писания. В одной из проповедей святой Бернард пишет, что и ожидание встречи с Богом становится для грешника «благовонием»: «Но я грешник и мне предстоит пройти долгий путь, ибо грешники так далеки от спасения. Однако я не буду роптать, я утешусь запахом благовоний. Для праведника радость заключена во Всевышнем, и он вкушает то, что я только вдыхаю. Грешник лишь ожидает то, что праведник уже созерцает, и это ожидание есть запах, которым он дышит...»⁴⁴. Таким образом, на наш взгляд, мысль Марии заключается в следующем: благое слово подобно цветку, источающему благовоние, которое, проникая в людские сердца, наполняет их радостью.

Третий смысловой отрезок (ст. 13-22), который мы предлагаем выделить, содержит ссылку на Присциана⁴⁵ и его утверждение, что древние авторы специально писали свои книги «темно», дабы потомки смогли обнаружить в них скрытый смысл. Представление о том, что у произведения есть несколько смыслов (буквальный, аллегорический, тропологический и анагогический), восходит к трактатам св. Августина и является типичным для средневековой экзегетики. Распространялась оно также и на «светские» тексты. Не нужно забывать, что произведения языческих античных авторов в то время можно было понимать

⁴⁴ «Mais je suis pecheur, et il me reste un long chemin à faire, car le salut est bien éloigné des pecheurs. Cependant, je ne murmurerai pas, je me consolerais à l'odeur des parfums. Pour le juste, il se réjouira dans le Seigneur, goûtant ce que je ne fais qu'odorier. Le pecheur attend celui que le juste contemple, et cette attente est l'odeur qu'il respire...» – см. в диссертации: *Evdokimova L. Livre et roman. L'opposition de la forme-vers et de la forme-prose au XIIIe siecle. P. 91*

⁴⁵ Присциан (Præciens) – латинский грамматик VI века, автор одного из самых популярных учебников латинского языка в Средние Века – т.н. *Institutiones Grammaticae* («Грамматические наставления»).

исключительно аллегорически, поэтому средневековые авторы считали «античных поэтов философами, которые в иносказательной форме открывают читателям моральные и богословские истины»⁴⁶. Ссылка Марии на Присциана заинтересовала целый ряд исследователей, так как мысль о том, что античные авторы писали книги темно, в «Грамматических наставлениях» Присциана не была обнаружена. М.Л. Дзанони посвятила комментарий к этому месту Пролога содержательную статью⁴⁷. Она обнаружила один трактат Присциана, менее известный сегодня, но в Средние века, несомненно, пользовавшийся популярностью – *Praeexercitamina* («Подготовительные упражнения»). Он состоит из нескольких глав, в одной из которых Присциан приводит различные цитаты из античных авторов, снабжая их комментариями. В них содержатся тезисы, являющиеся непосредственным источником для некоторых идей, которые мы находим в Прологе Марии: красноречие поэта и его польза для общества, труд как лучшее средство избавиться от пороков. Все это позволяет с уверенностью заключить, что Мария не только хорошо знала этот трактат Присциана, но ссылаясь именно на него в своем Прологе. Что же касается ссылки Марии на мысль Присциана о затемненном смысле античных текстов, М.Л. Дзанони находит ей весьма убедительное объяснение. В одном из своих комментариев Присциан следующим образом ссылается на Платона: «*Plato dicebat Musas in animis esse ingeniosorum*»⁴⁸. Не вызывает сомнений, что Присциан пользовался

⁴⁶ Евдокимова Л.В. «Историческое зеркало» Жана де Винье: перевод – комментарий // Культура интерпретации до начала Нового времени. М., 2009. С. 300–329.

⁴⁷ Zanoni M.L. “Ceo testimoine Presciens”, Priscian and the Prologue to the *Lais* of Marie de France // *Traditio*. 1980. Vol. 36. P. 407–415.

⁴⁸ «Платон говорил, что Музы [обитают] в душах [людей] талантливых / остроумных» (лат).

классической латынью, где слово «ingeniosus» обозначает «щедро одаренный от природы, талантливый, изобретательный, остроумный». Однако к XII веку слово получило ряд дополнительных значений, в числе которых оказалось: «иносказательный, имеющий скрытый смысл»⁴⁹. Таким образом, по мысли М.Л. Дзанони, Мария поняла цитату Присциана в том смысле, что Платон намеренно писал иносказательно, и, передавая в Прологе мысль Присциана, употребила слово «*oscurement*» («*obscur*») – «темный»⁵⁰.

В следующем фрагменте Пролога (ст.23-26) мы встречаемся с мыслью о том, что труд, главным образом интеллектуальный, является наилучшим средством от искушающих человека соблазнов, праздности, лени и бед. Это утверждение традиционно как для античных, так и для средневековых авторов. Что касается античности, то, видимо, лучшим примером цитаты на интересующую нас тему будет цитата из «Лекарства от любви» Овидия – ведь это единственное произведение, на которое Мария прямо ссылается в одном из своих лэ⁵¹: «Праздность – почва и

⁴⁹ Интересно в этой связи посмотреть перевод старофранцузского слова «engien»: 1) ум, талант; 2) ловкость, проворство, сноровка; 3) хитрость, средство; 5) обман...

⁵⁰ Что касается современного французского языка, то слово «*ingénieux*» сохраняет многозначность: 1) изобретательный, находчивый, искусный; 2) замысловатый, хитроумный, ловко придуманный, ловко сделанный. Отметим также, что испанское слово «*ingenioso*», однокоренное с нашим, стало, как известно, эпитетом знаменитого идальго Дон Кихота Ламанчского. Из множества значений Н.М. Любимов, переводчик романа, выбрал «хитроумный». Другой переводчик начала XX в. (М.В. Ватсон) предложила слово «остроумно – изобретательный».

⁵¹ В лэ «Гуижимар» Мария говорит: «*Le livre Ovide, ou il enseigne / Coment chascun s'amur estreine...*» («В книге Овидия, где он учит, как каждый может излечиться от любви»). Бесспорно, речь идет о «Лекарстве от любви». Не случайно XII век, время, когда творила Мария, называют «Овидианским возрождением». См. Hermann Braet. “Note sur Marie de France et Ovide (lai de Guigemar, v. 233 – 244)”.

корм для возжеленного зла. / Если избудешь ты лень – посрамишь Купидоновы стрелы...» (Пер. М.Л. Гаспарова)⁵².

В строках 27-42 Мария рассказывает историю создания своих лэ. Происхождение и путь заимствования слова «лэ» не совсем ясны. Многие исследователи предполагают бретонское происхождение слова и сравнивают его с древнеирландским «*laid*» («поэма, стихотворение, метрическое сочинение, песня»)⁵³. Считается, что первое его упоминание – это запись на маргиналии рукописи IX века из области Ульстер: «...для меня дрозд поет свое лэ (*loïd*)»⁵⁴. Согласно этимологическому словарю, «лэ – средневековая поэма; изначально слово обозначало «музыкальные композиции, исполняющиеся жонглерами Великобритании». В XII веке слово заимствуется из среднеирландского языка и соответствует значению современного ирландского слова «лэ» (*laid*) – «песня», «поэма»⁵⁵. Англо-саксонское слово с тем же корнем - «*laic*» соответствует готскому «*laik*», имеющему значение «танец»⁵⁶. Это слово широко представлено и в германских языках (*liet*, *liod*, *lēop*, *ljoð* и пр.) со значением «стих, строфа, песнь». Соотносится с латинским «*laus*»

Mélange Jeanne Wathelet-Willem. Liège, 1978. P. 21-25; *Damian-Grint Peter*. The New Historians of the Twelfth-century Renaissance : Inventing Vernacular Authority. N.Y., 1999.

⁵² Овидий. Собрание сочинений. Т.1. Спб., 1994. С. 208.

⁵³ Celtic Culture: a historical encyclopedia / ed. J.Koch. Santa-Barbara, 2006. P. 262; Etymological Dictionary of Proto-Celtic by Ranko Matasović. Leiden; Boston, 2009. P. 246.

⁵⁴ Цит. по: *Maillard J*. Evolution et esthétique du lai lyrique des origins à la fin du XIVe siècle. Paris: Publication de l'Institut de Musicologie de l'Université de Paris, 1963. P. 24.

⁵⁵ *Bloch Oscar, Wartburg Walter von*. Dictionnaire étymologique de la langue française. 7ème éd. P., 1975. P. 358.

⁵⁶ *Hatzfeld A., Darmesteter A*. Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII – e siècle jusqu'a nos jours. T.2. G-Z. P., 1890. P.1369

(«хвала») и «lūdo» («играть», «танцевать» и др)⁵⁷. Считается, что «сначала англичане дали название лэ музыкальным произведениям, которые исполнялись бретонскими жонглерами»⁵⁸. Позже слово стало жанровой номинацией и в период Высокого Средневековья стало обозначать: 1) «песенную форму средневековой французской поэзии, характерную для труверов и развившуюся из религиозного песнопения», которая в XIII веке начинает сближаться с куртуазной любовной песнью⁵⁹; 2) «один из нарративных куртуазных жанров средневековой словесности»⁶⁰. Можно сказать, что в первом случае в лэ преобладает лирический элемент, тогда как во втором – нарративный. Оба жанра начинают распространяться с XII века. Первый остается популярным вплоть до XIV века, когда приобретает фиксированную форму⁶¹. Что касается нарративных лэ, то о них пойдет речь далее – в основной части нашей диссертации.

Итак, в Прологе Мария ссылается на некие лэ, которые она слышала и зарифмовала, чтобы они не были преданы забвению. Это были, видимо, небольшие лирико-эпические песни, которые исполняли бретонские (кельтские) жонглеры.

Последний смысловой фрагмент (ст.43-56), который представляется уместным выделить, содержит характерное как для античной, так и для средневековой литературы комплиментарное посвящение влиятельной особе, меценату. Мария, по всей видимости, обращается к английскому

⁵⁷ Etymological Dictionary of Proto-Celtic by Ranko Matasović. Leiden; Boston, 2009. P. 246.

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ Подробнее об этой форме см. *Евдокимова Л.В.* Французская поэзия позднего средневековья (XIV- первая треть XV в.). М., 1990. С. 10 и далее.

⁶⁰ *Абрамова М. А.* Лэ (ле) / Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 432.

⁶¹ См. о ней, в частности: *Зюмтор Поль.* Опыт построения средневековой поэтики / пер. с фр. И.К. Стаф. Спб., 2003. С. 277. См. также: *Евдокимова Л.В.* Французская поэзия позднего Средневековья. М., 1990.

королю Генриху II Плантагенету, мужу Альеноры Аквитанской, которая была покровительницей многих просвещенных и талантливых людей того времени.

Заканчивая анализ основных тем и идей пролога, попытаемся определить его место в ряду подобных сочинений того времени и их влияние друг на друга. Средневековые латинские поэтики начали появляться лишь с последней трети XII в. («Наука стихотворческая» Матвея Вандомского – ок. 1175 г., «Новая поэтика» Гальфрида Винсальвского – ок. 1208-1214), поэтому они вряд ли могли оказать влияние на пролог Марии. С уверенностью можно сказать, что ей были доступны ряд античных и позднеантичных трактатов (например, Цицерона, Присциана), в которых были представлены разделы о содержании, о стихе, о стиле; возможно, трактаты христианских писателей (так, Хунт убежден во влиянии на пролог Марии «De doctrina Christiana» Августина). Многие мысли, являющиеся традиционными для античных и средневековых трактатов и прологов, Мария Французская скорее всего позаимствовала из них.

Итак, на пролог безусловное влияние оказали мотивы и образы, пришедшие в Средневековье от античных авторов; однако Мария, творившая уже в другое время, использовала в своем произведении и новые христианские идеи. Здесь она заявляет о себе как об авторе, осознающем свою писательскую задачу и значение своего труда и, как и другие средневековые создатели прологов, устанавливает связь между собой и адресатом, одновременно давая ему первые сведения о предмете и задачах своего сообщения.

ГЛАВА I

Время истории, время авантюры: Гальфрид, Вас, Мария

Изучение творчества Марии Французской в контексте современной ей литературы на латинском и народных языках, использующей «бретонский материал», позволяет понять, в чем заключался ее общий замысел при составлении сборника лэ, а также указать на некоторые черты его реализации, которые пока еще не привлекали внимания исследователей.

Одним из важнейших слагаемых этого контекста был знаменитый труд Васа, так называемый «Роман о Бруте»⁶², произведение, сочиненное при дворе Генриха II Плантагенета в 1155 году и являющееся переложением не менее знаменитой «Истории королей Британии»⁶³ Гальфрида Монмутского. Сам Вас называет «Брута» и свой источник то «деяниями бретонцев», *les gestes des Bretons* (ст. 14859), то «историей»: «так говорит история» (*ço dit l'estoire*; ст. 1597), «как напоминает история» (*si cum l'estoire recorde*; ст. 231), «так говорит история деяний» (*ço dit l'estoire de la geste*; ст. 10360). Заметим, что историей будет называть Вас и свое второе сочинение, «Роман о Роллоне»⁶⁴.

Мы не можем полностью согласиться с А.Д. Михайловым, который писал, что слово «роман», которое Вас использует в последней строке «Брута» («*Fist mestre Wace cest romanz*»; ст. 14866), «указывало на жанр (не-жеста) и на язык»⁶⁵ (не-латинский, а новый, «романский»). Из

⁶² Под словом «роман» в данном контексте понимается произведение, написанное на романском языке, в отличие от произведений, созданных на латыни.

⁶³ В русском переводе *Historia regum Britanniae* получила название «История бриттов»: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

⁶⁴ *Wace. Le Roman de Rou. Tome I. V.4. P. 3.P.*, 1971.

⁶⁵ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976 (2006). С. 15.

приведенных цитат следует, скорее, что «песни о деяниях» не противопоставлялись «романам», – в данном случае Вас подчеркивает лишь, что переложил латинскую «Историю» Гальфрида на народный, романский, язык, называя свой труд то «жестой», то «историей», то «романом».

Прежде чем обратиться к сравнению трех основных произведений, которые будут интересоваться нас в этой главе, – «Истории королей Британии» Гальфрида, «Романа о Бруте» Васа и сборника «Лэ» Марии Французской – представляется необходимым дать краткий экскурс в историю тесно связанных между собой понятий «*historia*», «*argumentum*» и «*fabula*». Определения этих понятий, как мы убедимся далее, оказывало существенное влияние на авторов различных повествовательных произведений XII века и в том числе на их представления об «истории».

«*Inter historiam et argumentum et fabulam*»: контуры литературной теории на рубеже XII века

Как известно, в IV веке до нашей эры Аристотель в трактате о поэтике противопоставил историю и поэзию: «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории – ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном (1451b)»⁶⁶. «Поэтика» еще не получила известность к XII веку, однако, отталкиваясь от мысли Аристотеля, противопоставляющей историю и поэзию (литературу, вымысел) по функции (говорить о единичном или об общем), попытаемся понять, с какими нарративными категориями связана «история» в

⁶⁶ Аристотель. Поэтика. Собрание сочинений. Т.4. М., 1983. С. 655.

латинской средневековой теоретической мысли и как эти категории соотносятся между собой. Не претендуя на исчерпывающее исследование этой темы, остановимся на трех латинских авторах V-XII вв., которые отвечают тем или иным способом на поставленный нами вопрос: Исидор Севильский, Макробий и Вальтер Мап.

Как пишет Б. Гене, уже «классическая риторика различала *historia*, которая повествует об истинном, *argumentum*, который рассказывает не правду, а нечто правдоподобное, и *fabula*, – рассказ, который не содержит ни правды, ни правдоподобия»⁶⁷. Когда Гене говорит о «классической риторике», он имеет в виду, главным образом, трех латинских авторов: Цицерона с его трактатами «Об ораторе» и «О нахождении», Квинтилиана с его «Наставлением оратору» и анонимного автора «Риторики для Геренния». Все три автора различают три типа повествования в зависимости от степени его истинности и предлагают противопоставить, «как делают и многие другие менее известные авторы, пишущие на ту же тему, три категории: «fabula», «argumentum», «historia». *Fabula* – это не только вымышленное повествование, но и такое повествование, которое содержит не встречающиеся в действительности нарративные элементы: говорящих животных, превращения человека в растение или животное и пр. *Argumentum* – также вымышленное повествование, но отличающееся правдоподобием, наконец, *historia* описывает события, которые и в самом деле произошли. Литературные жанры, сформированные под влиянием упомянутых категорий – трагедия или песнь (соотносящееся с *fabula*), комедия (связанная с *argumentum*), наконец, историография, основывающаяся на действительных событиях, *res gestae*»⁶⁸. Это противопоставление, представляющееся довольно четким в передаче

⁶⁷ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 22.

⁶⁸ Sargent-Baur B.N. Veraces historiae aut fallaces fabulae? // Text and intertext in Medieval arthurian literature. New York, 1996. P. 27.

современных исследователей, оказывается более сложным, менее прямолинейным, если обратиться к непосредственному сравнению средневековых авторов и попытаться передать их мысль с наибольшей полнотой, ничего не опуская.

Исидор, имевший на средневековых писателей огромное влияние, уделяет в своих «Этимологиях» немало места противопоставлению и сравнению трех упомянутых видов повествования. В первой книге «Этимологий» («Грамматика», глава XLIV : «О родах истории») он, в частности, пишет : «Также и между историею, рассказом и баснею есть различие. Ведь истории – это то, что на самом деле случилось, рассказы (argumenta) – то, что хоть и не произошло, однако же могло быть, а басни – то, чего не было и быть не могло, ибо они не согласны с природой»⁶⁹. Этой последней Исидор посвящает отдельную главу (XL, «О басне»): «Слово басня (fabula) поэты произвели от слова «повествуя» (fando), поскольку басни рассказывают не о том, что произошло, но о том, что создано одной лишь речью»⁷⁰.

Продолжая свою мысль, Исидор говорит и о функциях басен: «некоторые басни поэты сочинили ради развлечения, другие – для

⁶⁹ *Исидор Севильский. Этимологии или Начала в XX книгах. Книги I-III : Семь свободных искусств / изд. подготовил Л.А. Харитонов. СПб., 2006. С. 65. Здесь цитируем перевод Л.А. Харитонova с изменениями. (« Item inter historiam et argumentam et fabulam interesse. Nam historiae sunt res verae quae factae sunt ; argumenta sunt quae etsi facta non sunt, fieri tamen possunt ; fabulae vero sunt quae nec factae sunt nec fieri possunt, quia contra naturam sunt » (URL.: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/1.shtml> (12/06/2012)). Далее мы даем свой перевод цитат из «Этимологий».*

⁷⁰ Там же. С. 63. (« Fabulas poetae a fando nominaverunt, quia non sunt res factae, sed tantum loquendo fictae » (URL.: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/1.shtml> (12/06/2012)).

объяснения природы вещей, третьи – для изображения людских нравов»⁷¹. Басни, сочиненные для развлечения, предназначены простым людям (в качестве примера Исидор упоминает здесь комедии Плавта и Теренция, сюжеты которых вымышлены и в этом смысле сближаются с его определением «басни», то есть, вымысла). Басни, созданные для объяснения природы вещей, повествуют о животных и природных явлениях, как существующих, так и не существующих (например, о гиппокентавре – получеловеке и полуконе). Наконец, басни о нравах повествуют о них «так, чтобы посредством некоторого вымышленного рассказа, обладающего однако подлинным смыслом, прийти к некому заключению, ради которого басня и была написана»⁷².

Итак, Исидор идет вслед за классической риторической мыслью, резюмирует ее основные идеи и повторяет ее троичное деление, упоминая «историю», «аргумент» и «басню», вымышленное повествование. Отметим однако, что один из видов басен, сочиненных «для изображения нравов», – вымышленный рассказ, содержащий некий «подлинный смысл», – отчасти сближается с историей, содержащий рассказ о том, что случилось на самом деле (*res verae quae factae sunt*). Укажем также, что функция басен, сочиненных для развлечения, совпадает с той, которую Жан Бодель, аррасский трувер XII века, считал присущей «бретонским сказаниям»: «Бретонские повести пусты и *развлекательны...*», в отличие от повестей о Риме, которые «учат нас разумению» и рассказов о

⁷¹ Там же. (« Fabulas poetae quasdam delectandi causa finxerunt, quasdam ad naturam rerum, nonnullas ad mores hominum interpretati sunt » (URL.: <http://www.thelatinlibrary.com/isidore/1.shtml> (12/06/2012)).

⁷² Там же. С. 64. («...quod totum utique ad mores fingitur ut ad rem, quae intenditur, ficta quidem narratione, sed veraci significatione veniatur » (<http://www.thelatinlibrary.com/isidore/1.shtml> (12/06/2012)).

Франции, которые «всегда правдивы»⁷³, о чем мы читаем в прологе «Песни о саксонцах».

Макробий, известный и цитируемый на протяжении всего Средневековья латинский автор V века, вносит свой вклад в развитие классической риторической мысли во введении к «Комментарию на сон Сципиона»⁷⁴. Труд Макробия был известен Исидору Севильскому⁷⁵, «Этимологии» которого «содержат множество отсылок к «Комментарию», в особенности, третья книга, которую Исидор посвящает астрономии»⁷⁶. Мы попытаемся проследить, что отличает литературную мысль Макробия от мысли Исидора и классической риторической традиции.

В самом начале «Комментария» Макробий оправдывает использование вымысла и, более конкретно, снов в произведениях философов, в частности, Платона. При этом вымысел (Макробий использует здесь ожидаемое слово «fabula»⁷⁷) определяется им следующим образом: «Басни, коих имя открыто заявляет, что они суть вымысел, были изобретены в одном случае, чтобы только доставить

⁷³ Jehan Bodel. Chanson des Saisnes. vv. 6-11. P. 3.

⁷⁴ О классификации вымысла у Макробия, а также о категориях «fabula», «argumentum», и «historia» см. книгу: Mehtonen P. Old Concepts and New Poetics. *Historia, Argumentum, and Fabula in the Twelfth-and Early Thirteenth-Century Latin Poetics of Fiction*. Helsinki, 1996. P. 120. О разных видах вымысла, которые обсуждает Макробий, ср. также: Лукасик В.Ю. Миф до Ренессанса. Античная мифология во французской поэзии позднего Средневековья. М., 2010. С. 44.

⁷⁵ Macrobe. Commentaire au songe de Scipion. P. LXVII.

⁷⁶ Op.cit.

⁷⁷ Мы не можем согласиться с переводом «fabula» словом «сказка», который предложен М.С. Петровой в статье «Полемика эпикурейцев и платоников о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях»: Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С.166.

удовольствие слушателям, в другом – чтобы подвигнуть их к более нравственной жизни»⁷⁸. Итак, Макробий говорит о двух функциях басни и вымысла; первая – *delectare* – совпадает с функцией басен, которые Исидор считал предназначенными «для развлечения»; вторая – *docere* – с функцией басен, изображающих людские нравы. Далее Макробий развивает это положение, одновременно иллюстрируя его примерами: всякий вымысел, цель которого заключается лишь в том, чтобы доставлять удовольствие читателям (*totum fabularum genus, quod solas aurium delicias profitetur*) – как, например, комедии Менандра, практически все произведения Петрония и некоторые произведения Апулея⁷⁹ – не достоин пера философа и не должен присутствовать в философских сочинениях.

Произведения, включающие вымысел, но преследующие цель подвигнуть читателей к более нравственной жизни, в свою очередь, делятся на две группы: «в некоторых баснях повествование (*argumentum*) полностью вымышлено, и вся сюжетная канва соткана из одного обмана, – как, например, в баснях Эзопа, известных утонченностью вымысла; в других же баснях повествование (*argumentum*) основано на твердой истине, но сама эта истина предстает в соединении с чем-то придуманным и сочиненным, – в таких случаях говорят не о басне (*fabula*), но о некоем «недостоверном повествовании» (*narratio fabulosa*)»⁸⁰.

⁷⁸ Op.cit. P. 6: «Fabulae, quarum nomen indicat falsi professionem, aut tantum conciliandae auribus uoluptatis aut adhortationis quoque in bonam frugem gratia repertae sunt».

⁷⁹ То обстоятельство, что Апулей обращался к вымыслу, весьма удивляет Макробия.

⁸⁰ Op.cit. P. 6–7: «In quibusdam enim et argumentum ex ficto locatur et per mendacia ipse relationis ordo contextitur, ut sunt illae Aesopio fabulae elegantia fictionis illustres, at in aliis argumentum quidem fundatur ueri soliditate, sed haec ipsa ueritas per quaedam composita et ficta profertur, et hoc iam uocatur narratio fabulosa, non fabula».

У Макробия встречается, таким образом, то же слово, *argumentum*, которое век спустя будет использовать Исидор, не являющееся здесь однако отдельной нарративной категорией. В то же время он вводит определение нового вида повествования – *narratio fabulosa*⁸¹. Здесь примерами служат ритуальные орфические и гесиодические мистерии, мистические культы пифагорейцев, посвященные происхождению богов и их деяниям.

В свою очередь, повествования этого последнего типа подразделяются на две подгруппы. Ведь даже если повествование (*argumentum*) основано на истине, оно может содержать нечто гнусное, отвратительное и непристойное, – например, рассказ об изменах богов или о Сатурне, отсекающем фаллос у своего отца; повествования такого рода философы предпочитают избегать в своих книгах. Бывает, напротив, что в повествовании нет ничего непристойного, речь идет лишь о достойных событиях и лицах; такого рода «недостовверные рассказы» допускается использовать в сочинениях философов⁸².

Таким образом, Макробий предлагает многочленную классификацию родов вымысла, различающихся как степенью удаления от «правды», действительно случившегося, так и по функции и степени благопристойности. В его классификации границы между вымыслом и

⁸¹ В своей статье «Полемика эпикурейцев и платоников о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях» М.С. Петрова предлагает переводить словосочетание «*narratio fabulosa*» словом «сказания», см. в кн.: Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С.161.

⁸² Op.cit. P.7: «Aut enim contextio narrationis per turpia et indigna numinibus ac monstro similia componitur, ut di adulteri, Saturnus pudenda Caeli patris abscidens et ipse rursus a filioregni potito in uincla coniectus – quod genus totum philosophi nescire malunt ; aut sacrarum rerum notio sub pio figmentorum uelamine honestis et tecta rebus et uestita nominibus enuntiatur. Et hoc est solum figmenti genus quod cautio de diuinis rerbus philosophantis admittit».

«правдой» предстают менее четкими, более размытыми, чем у Исидора. В Средние века эта классификация, вне сомнений, служила опорой для авторов, использовавших легендарный или фольклорный материал, поскольку позволяла находить в нем и часть «правды», и моральный смысл.

В XII веке, который получил у медиевистов название «культурного ренессанса»⁸³, успех «Комментария на сон Сципиона» достигает своего апогея, о чем свидетельствует количество списков и манускриптов, содержащих это произведение»⁸⁴. Не случайно Кретьен де Труа цитирует автора «Комментария» в своем первом романе «Эрек и Энида», возможно созданном при дворе Генриха II Плантагенета:

[Et] sor l'autre Erec seoir fist,
 Qui fu vestuz d'un drap de moire.
 Lisant trovomes en l'estoire
 La descriçtion de la robe,
 Si en trai a garant Macrobe
 Qui ou descrire mist s'entente,
 Que l'en ne die que je mente.
 Macrobe m'enseigne a descrivre ,
 Si con je l'ai trové el livre
 L'ovre dou drap et le portrait⁸⁵.

...В дивном одеяньи
 Сидел Эрек. Я описание
 Его в истории нашел
 И у Макробия прочел,
 Кого в свидетели беру я,
 Что здесь не путаю, не вру я
 И все, что изложить сумею,
 Лишь почерпнул в его труде я⁸⁶.

Имя Макробия упоминается Кретьеном де Труа в соседстве со словом «история» и выступает гарантом истинности повествования;

⁸³ *Haskins Ch. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge M.A.; London. 1971.*

⁸⁴ *Op.cit.* P. LXIX.

⁸⁵ *Chrétien de Troyes. Romans. P., 1994. vv. 6726 – 6735. P. 275-276.*

⁸⁶ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес / Изд. под. В.Б. Микушевич, А.Д. Михайлов, Н.Я. Рыкова. М., 1980. С. 205.*

Кретьен прямо заявляет, что автор «Комментария» научил его искусству описания, «*Macrobe m'enseigne a describe*».

Несколько десятилетий спустя Гильом де Лоррис также вспомнит Макробия в прологе к «Роману о Розе» и, подобно Кретьену, сделает его гарантом истинности своего рассказа:

Maintes genz cuident qu'en songe	Привыкли сон считать обманом,
N'ait se fable non et mençonge.	Покрытым сказочным туманом;
Mais on puet tel songe songier	Однако можно видеть сны,
Qui ne sont mie mençongier,	Где знаки тайные даны –
Ainz sont après bien aparant.	Грядущей жизни откровенья.
Si em puis traire a garant	Макробий в том не знал сомненья.
Un auctor qui ot non Macrobes,	Он толковал подробно сон,
Qui ne tint pas songes a lobes,	Который видел Сципион.
Ançois escrit l'avision	А кто считает сны за басни,
Qui avint au roi Scipion.	Не уважать меня те властны,
Quiconques cuit ne qui que die	Но открывается и мне,
Qu'il est folece et musardie	Что тайны видим мы во сне,
De croire que songes aveigne,	А не химеры лишь пустые
Qui ce voudra, por fol m'en teigne,	И не случайности простые ⁸⁸ .
Car androit moi ai ge creance	
Que songe sont senefiance... ⁸⁷	

Но вернемся к XII веку и к нашей теме: соотношению истории и других типов повествования. Вальтер Мап (1140 – ок. 1210), придворный Генриха II Плантагенета, еще более затушевывает различия между «историей» и вымыслом. В первой книге⁸⁹ своего главного и единственного труда, «О шутках придворных», Мап упоминает две нарративные категории, с которыми мы уже встречались у Исидора и в

⁸⁷ *Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Le Roman de la Rose. Vol. 1-16. P. 42.*

⁸⁸ *Гийом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе / пер. И.Б. Смирновой. М., 2007. С. 16.*

⁸⁹ Гл. XXXI, *De secta Valdesiorum*.

классической риторике, историю и басню, *historia* и *fabula* : «у нас есть истории, продолжающиеся от начала времен до наших дней, мы читаем также и басни»⁹⁰. По мнению Вальтера Мапа, мы ценим историю, поскольку находим в ней некий мистический смысл, *intellectus mysticus*, благодаря которому учимся чувству меры и смирению. В качестве примера Вальтер упоминает библейские истории – о Каине, о Содоме и Гоморре, об Иосифе и др. Что касается басен (таких, как сказание об Атридах и Фиесте, Пелопсе и Ликаоне, а также других, схожих с ними), они обладают той же функцией, что и истории, – наставлять: «басни также служат нам поучением»⁹¹. Поэтому, уверяет Вальтер Мап, не следует избегать чтения басен, ведь они имеют общую функцию с историей: «оба вида повествования подчиняются «общему закону и имеют одинаковую цель»⁹².

Итак, Вальтер Мап больше не настаивает на непреодолимом различии между историей и басней. Даже если эта разница существует, поскольку история основывается на истине (*ueritate nititur*), тогда как басня соткана из вымысла (*ficta contextit*), Вальтер склонен скорее не противопоставлять, а объединять эти две нарративные категории, поскольку цель и функция у них одна – наставлять: «И история, основанная на истине, и басня, что сплетена из вымысла, приносят счастье своим благополучным окончанием, ведь добродетель торжествует и осуждает нечестивцев на горестную смерть, – и та, и другая показывают, сколь отвратителен порок»⁹³.

⁹⁰ *W. Map. De Nugis Curialium*. P. 126 («... historias ab inicio ad nos usque deductas habemus, fabulas eciam legimus»).

⁹¹ *Op.cit.* («fabule nobis eciam commonitorie»).

⁹² *Op.cit.* («... unus utrimque narrationum mos et intencio »).

⁹³ *Op.cit.* (« Nam historia, que ueritate nititur, et fabula, que ficta contextit, et bonos fine florenti beant, ut ametur benignitas, et fedo malos dampnant interitu, uolentes inusiam reddere maliciam »). Интересно отметить, что примерно те же мысли будет высказывать еще один придворный историк Генриха II Плантагенета, Иоанн

Вальтер Мап, как ясно из того, что было сказано выше, проявлял интерес к кельтским сказаниям; к нему не были равнодушны и его современники Гервасий Тильберийский и Гираут де Барри – все эти клирики, прошедшие большую или меньшую часть жизни при дворе Генриха II Плантагенета. Как пишет Ж. Дюфурне, именно они «познакомили нормандских завоевателей с кельтской культурой и послужили удивительным примером встречи народной и ученой культур в XII в.»⁹⁴.

Порой между этими авторами и Марией Французской обнаруживаются определенные сюжетные и тематические схождения, притом что латинские авторы в целом все же известным образом дистанцируются от языческих сказаний кельтов. Нравственное – дидактическое и христианское – начало более явно проступало в их сочинениях, чем, например, в «Лэ» Марии. Последнее особенно заметно при сопоставлении одного из лэ с трактатом «Urbanus Magnus»⁹⁵, написанным латинскими стихами. Этот трактат позволяет предположить, что моральные и этические вопросы – своего рода кодекс поведения воспитанного (иными словами, куртуазного) горожанина – получали актуальность при дворе Генриха II и с разных точек зрения обсуждались писателями.

Сольсберийский. Так, в прологе к его «Металогикону» читаем следующее: «Я не обещаю, что все, написанное здесь, является истинным, пусть оно будет истинным или ложным, я удовольствуюсь тем, что написанное может послужить прославлению добродетели и предложить пример жизни». В «Поликратике» Иоанн развивает эту мысль: «Басни смешаны здесь с серьезными рассказами, а ложь с истиной, чтобы, в конечном счете, все сказанное с достаточным основанием полагалось на высшую истину». (Цит. по: Aurell M. *La légende du roi Arthur 550 – 1250*. Paris, 2007. P. 120).

⁹⁴ Dufournet J. Relire le *De Nugis Curialium* de Gautier Map // *Le Moyen Age*. XCV (1989). P. 521.

⁹⁵ «Великий учтивец», «Культурный человек».

В трактате «Urbanus Magnus» предположительно созданном придворным Даниэлем Бекклезианским⁹⁶, мы находим тот же мотив, что использует Мария в своем лэ о Ланвале: там Гениевра, жена короля Артура, предлагает вассалу, слуге мужа, любовь; рыцарь Ланваль в ответ на это предложение сообщает королеве о своей любви к другой даме, нарушая запрет на разглашение тайны и тем самым теряя свою возлюбленную. Разумеется, речь здесь идет о достаточно распространенном мотиве, представленном к тому же широко известной библейской историей об Иосифе и жене Потифара. Однако то обстоятельство, что автор этого трактата и Мария Французская жили в одно и то же время, по-видимому, в одной и той же среде, позволяет непосредственно сблизить их произведения, – в таком случае можно предположить, что эти авторы вступают друг с другом в своего рода диспут на моральную тему. Описывая ту же ситуацию, о которой идет речь в лэ о Ланвале, автор латинского трактата, как и другие клирики, писавшие на латинском языке, занимает значительно более строгую нравственную позицию: он решительно осуждает подобные связи, со всей непримиримостью советуя избегать порочащих страстей:

Si domini coniux in te sua lumina vertat,	Если супруга господина часто обращает на
Sepius, et turpes in te lasciviat ignes	тебя свой взгляд
Te faciens scire tecum se velle coire ;	И ласкает несправедливо горящим взором,
Si referat : « Tibi tota domus, dominusque	Давая понять, что хочет соития с тобой;
maritus	Если говорит: "Вся челядь и муж,
Serviet eternum, tu solus eris mea vita,	господин над нею,
Cuncta reges, que sunt domini tibi cuncta	Будут служить тебе вечно, ты один – моя
patescent » [...]	жизнь,
Consule me, genite ; que consulo corde	Всем будешь распоряжаться, всё, что

⁹⁶ *Danielis Becclesiensis. Urbanus Magnus. Dublin, 1939.*

seruntur ;	принадлежит хозяину, станет твоим " –
Inter dampna duo dampnum minus elige,	Спроси меня об этом сын; то, что я тебе
nate,	советую, сеется в сердце [твоем].
Sanius est tibi consilium simulare dolores,	Сын, между двух зол, выбирай меньшее;
Morbos sollicitos, sane sapienter abire,	Лучший совет тебе – сказать больным,
Quam te commaculet domine furiosa	Призвать на себя болезни, разумнее и
voluptas ⁹⁷ .	мудрее удалиться,
	Нежели допустить, чтобы тебя замарала
	необузданная страсть госпожи.

В соответствии со своими теоретическими рассуждениями о правде и вымысле, Вальтер Мап склонен, как кажется, более снисходительно относиться к сказаниям бретонцев; порой он просто пересказывает их, не вынося никакого суждения. Тем не менее иногда и его позиция кажется более скептической. Так, в рассказе о «Короле Герле» («De Herla rege»), Мап сообщает, что Герла, «король древнейших бретонцев»⁹⁸, был подменен карликом. Отметим, во-первых, что Вальтер Мап, как и Мария Французская в эпилоге лэ об Элидюке, дает бретонцам определение «древние» («ancien» у Марии; «antiquissimorum», в превосходной степени, у Вальтера); во-вторых, если верить рукописи S, сохранившей девять из двенадцати лэ Марии, Эквитан (главный герой одноименного лэ) был «господином карликов»: «D'Aquitain qui molt fu cortois, / Sire des Nains, justise et rois...» (S, fol. 44a)⁹⁹, – оба автора транслируют, таким образом, сходные сюжеты, причем в данном случае Мап не высказывает ни малейшего к ним недоверия.

В рассказе «О Николае Пипе, морском человеке» («De Nicholao Pipe homine equoreo») Мап замечает, что бретонцы живут в малой Бретани, «In

⁹⁷ *Danielis Becclesiensis*. Op.cit. Vol. 1896-1917. P. 64.

⁹⁸ *Map. W. De Nugis Curialium*. P. 26.

⁹⁹ *Le Texte Médiéval. De la variante à la recreation*. P. 2012. P. 138-139.

Britania minori»¹⁰⁰ – это место действия и страна, упоминающаяся в таких лэ Марии, как «Гижмар» (v. 315) и «Элидюк» (v. 30)

Однако в рассказе «О мальчике Эудоне, обманутом дьяволом» («*De Eudone puero a demone decepto*»¹⁰¹; «Шутки придворных», глава 4) Вальтер уже более скептичен: он очевидным образом высмеивает легковверных людей, которые боятся оленей так же, как и воров:

«*Nec ait et infremuit, totoque stupidus hesit horrore. Nec mirum ; horrent enim, ut aiunt, quibus de nocte proximi sunt fures aut cerue. De cerue, nescio rationem, sed fures horripilationem non faciunt, sed qui cum eis comitantur demones*»¹⁰².

Он сказал это и заревел, и замер, остолбнев от полного ужаса. И не удивительно: ведь воры и олени, как говорится, пугают «тех, кто ближе к ночи» [запоздалых путников]. Олени – уж не знаю по какой причине, а ужас внушают воры не сами по себе, а демоны, что им сопутствуют.

Мап здесь явно иронизирует над сказаниями кельтов-язычников, противопоставляя их ложные и надуманные страхи тому, чего по истине следует бояться, согласно христианской вере. В этом отношении он противостоит Марии Французской, у которой олень сохраняет свои сказочные, восходящие к кельтской мифологии, функции (лэ «Гижмар»).

Пересказывает бретонские сказания и Гервасий Тильберийский (ок. 1155–1234), – однако он выносит им, пусть и имплицитно, нравственную и христианскую оценку. В его латинском трактате «Императорские досуги» («*Otia imperialia*») можно найти «часто довольно забавные указания, относящиеся к кельтским легендам и к артуровскому циклу. Гервасий, например, иронически сообщает, что лесники в его

¹⁰⁰ *W. Map. De Nugis Curialium*. P. 370.

¹⁰¹ Пример взят из курса лекций Жана-Ива Тийетта, прочитанного им в Университете Женевы в 2007-2008 уч.гг.

¹⁰² *W. Map. De Nugis Curialium*. P. 318.

стране в дни грома и бури думают, будто это король Артур скачет со своей дьявольской свитой охотников и трубит в рог. В другом месте он заявляет, что король Артур на самом деле не умер, но находится в пещере, расположенной на склоне Этны, – там его видел-де конюх епископа из Катании»¹⁰³. На склоне Этны, как считали в Средние века, был расположен спуск в ад, – туда и помещает Гervасий язычника Артура внося, таким образом, в легенду о нем христианскую оценку.

Итак, латинские авторы середины XII века, жившие при дворе Генриха II, не без любопытства относились к кельтским сказаниям и фольклору; в этом отношении их интересы были близки к тем, что отразились в «Лэ» Марии Французской; при всем различии между Марией, с одной стороны, и упомянутыми латинскими писателями, с другой, очевидно, что они принадлежат к одному и тому же культурному и интеллектуальному кругу.

Подведем предварительные итоги. Нечеткость разграничения «правды» и вымысла, частичное или полное совпадение их функций, а также возможность объединить их в одном и том же произведении оказались значимыми для самых разных писателей, речь о которых шла в этой главе, – для Вальтера Мапа и, как мы убедимся далее, для Гальфрида Монмутского, Васа и Марии Французской. Однако доля вымышленных и «правдивых» элементов, а также характер их соединения были различными у каждого автора.

¹⁰³ Dictionnaire des lettres française. P., 1992. P. 517–518.

Вымысел в средневековой историографии: Гальфрид и Вас

В начале артуровской литературы, литературы, основанной на «бретонском материале», был Гальфрид Монмутский (Galfridus Monemutensis), галло-нормандский клирик, который создал в Англии, около 1138 года, во время правления Генриха I, историю королей Британии, «*Historia Regum Britanniae*», «хронику, написанную латинской прозой, которая отличалась от современных ей хроник как оригинальностью концепции, так и важностью ее последующей рецепции»¹⁰⁴. Эта хроника, по словам современных историков, «заложила основы псевдоисторической традиции, связанной с «бриттским» периодом истории острова»¹⁰⁵, и «сохранила заметное влияние вплоть до раннего Нового времени»¹⁰⁶. «Историю королей Британии» Гальфрид начинал с появления на острове Брута, короля-эпонима, прибывшего на Альбион после падения Трои, а заканчивал Кадвалладром, почившим в год 689 по Рождеству Христову. Как пишет А.Д. Михайлов, это была первая дошедшая до нас развернутая попытка сведения воедино «существующих легенд и конструирования на их основе биографии героя»¹⁰⁷, – короля Артура.

«История королей Британии» дошла до нас в более чем 200 манускриптах XII-XV вв.¹⁰⁸, подарила английским королям прославленных троянских предков и вписала историю бретонской нации в

¹⁰⁴ *La geste du roi Arthur*. P.7.

¹⁰⁵ Мереминский С.Г. Формирование английской исторической традиции во 2-й пол. XI – 1-й пол. XII вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 10-11.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Михайлов А.Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы. М. 2006. С. 48.

¹⁰⁸ 56 манускриптов датируются XII в.

историю античного мира¹⁰⁹. Вообще говоря, попытки «продления» местной истории в «доавгустинову» эпоху начинают предприниматься в Англии и до Гальфрида, с самого начала XII в., что приводит к увеличению интереса к истории «кельтских» церквей и кельтских святых. В контексте этого движения была воспринята и «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, который попытался создать принципиально новую версию «церковной» истории острова, в центре которой находилась «бриттская» церковь. Однако его концепция в целом, в отличие от отдельных элементов, не была принята в английском историописании¹¹⁰.

Самый известный критик Гальфрида, – его младший современник «английский» историк Уильям Ньюбургский, посвящает, в конце XII века, несколько едких строк пролога своей хроники *Historia regum Anglicarum* «Истории королей Британии» и ее сочинителю. Подход Уильяма к созданию нортумбрийской «модели» английской истории можно назвать «научным» и «критическим». В начале своего труда он также вспоминает Беду и Гильду, славных историков, честность и правдивость которых «вполне доказана»¹¹¹, однако сетует на то, что «в наше время появился некий автор, ради заглаживания позора бриттов насочинявший о них смехотворных вымыслов¹¹² и в бесстыдной лживости вознесший их гораздо выше доблестных македонян и римлян»¹¹³. Следующий фрагмент, благодаря которому мы узнаем, как понимает историю Уильям

¹⁰⁹ *La geste du roi Arthur*. P. 8.

¹¹⁰ Мереминский С.Г. Формирование английской исторической традиции во 2-й пол. XI – 1-й пол. XII вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2006. С. 18.

¹¹¹ Уильям Ньюбургский. Пролог к хронике «*Historia regum Anglicarum*» (вступ. ст., пер. с лат. яз., коммент. И.Ф. Афанасьева) // Средние века. 2010. Вып. 71. С. 111.

¹¹² *Ridicula figmenta*.

¹¹³ Уильям Ньюбургский. Пролог к хронике «*Historia regum Anglicarum*» (вступ. ст., пер. с лат. яз., коммент. И.Ф. Афанасьева) // Средние века. 2010. Вып. 71. С. 111.

Ньюбургский, также содержит замечания автора о том, что Гальфриду было дано прозвище «Артур», «ибо рассказы об Артуре, частично собранные им среди древних преданий бриттов, частично придуманные им самим, скрасил латинским языком, дабы им можно было приписать благородное имя истории»¹¹⁴. Итак, под историей Уильям понимает правдивое повествование на латинском языке и противопоставляет пустые вымыслы (*fabularum vanitatem*) истинной истории, следуя в этом за античной риторической традицией, о которой мы упоминали выше: «Всякий, кто хоть немного знаком с древней историей, решив почитать книгу, которую Гальфрид называет «Историей бриттов»¹¹⁵, не усомнится, что все в ней – бесстыжая и дерзкая ложь. Ибо только тот, кто не изучал истинную историю, безразлично допускает пустые вымыслы»¹¹⁶. На вопрос о том, зачем Гальфрид сочинял и выдумывал, Уильям предлагает два ответа: «... либо из необузданного желания лгать, либо для того, чтобы угодить бриттам, большинство из которых, говорят, настолько глупы, что до сих пор ждут пришествия Артура и слышать не хотят о его смерти»¹¹⁷. Сказать об этой вере бриттов нам еще предоставится возможность; отметим сейчас, что ниже Уильям Ньюбургский резюмирует содержание книги Гальфрида, разбивая и осмеивая все лживые рассказы историка бриттов. Особое внимание «английский» историк уделяет истории короля Артура: «После смерти Утерпендрагона ему якобы наследовал в королевстве Британии его сын Артур, четвертый после Вортигерна, подобно тому, как наш Беда указывает, что покровитель Августина Этельберт был четвертым правителем королевства англичан после Хенгиста. Таким образом, правление Артура и приход Августина в Британию должны были бы совпасть по времени.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ *Britonum historia* (в винительном падеже).

¹¹⁶ Там же. С. 112.

¹¹⁷ Там же. С. 113.

Даже слепой по здоров размышлении увидит, насколько подлинная историческая истина опровергает хитросплетения лжи»¹¹⁸.

Упомянув описание придворного праздника, о котором мы скажем ниже в другой связи, Уильям уличает Гальфрида Монмутского в еще одной исторической ошибке: «Затем Гальфрид с триумфом возвращает Артура в Британию, где он с подвластными ему королями и князьями устраивает славный праздник, на котором присутствуют три архиепископа бриттов, а именно – Лондона, Карлиона и Йорка, – только, вот, у бриттов никогда не было ни одного архиепископа»¹¹⁹. Следующий аргумент – апелляция к многочисленным историкам, которые ни разу не упомянули короля Артура в своих сочинениях: «... каким образом древние историографы, для которых важнейшей заботой было не упустить ничего достопамятного и которые, как мы знаем, сохраняли ради памяти даже незначительное, могли обойти молчанием несравненного мужа и его невообразимые деяния? Почему, спрашиваю, умолчали они о правителе Британии Артуре, превзошедшем Александра Великого, и его деяниях...?»¹²⁰. Отметим, что еще один читатель Гальфрида, современный ему историк Жирауд де Барри (Giraud de Barri, ок.1145-1223), объясняет, почему, скажем, Гильда ни словом не обмолвился о короле Артуре: после того, как Артур убил брата Гильды, святой был так разъярен, что бросил в море все прекрасные книги, в которых говорилось о славных подвигах короля»¹²¹. Однако там же Жирауд упоминает «нашего знаменитого, *famosus*, чтобы не сказать вымышленного, *fabulosus*, Артура»¹²², делая, таким образом, короля персонажем басен и сказок, – тем самым относя к выдумкам и «Историю»

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. С. 114.

¹²⁰ Там же. С. 115.

¹²¹ Aurell M. La légende du roi Arthur 550 – 1250. P., 2007. P. 122.

¹²² Op. cit.

Гальфрида и отождествляя ее с «*historia fabulosa*», «недостовой историей»¹²³ – новой, гибридной повествовательной категорией, которая явно отсылает к *narratio fabulosa* («недостовому повествованию») Макробия; последнее, напомним, содержит ядро истины, сокрытое под вымыслом повествовательной ткани.

Еще одна причина описания Гальфридом славных подвигов и деяний Артура, по мнению Уильяма Ньюбургского, – страх перед бриттами: «И из-за страха перед бриттами он не осмелился сказать, что Артур умер, и глупые бритты действительно до сих пор ждут его прихода»¹²⁴.

В самом начале книги Гальфрида мы узнаем следующее: «Архидиакон Оксенфордский Вальтер, муж отменно сведущий в искусстве красноречия и в иноземной *истории*, предложил мне некую весьма древнюю книгу на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении всех наших властителей начиная с Брута, первого короля бритов, и кончая Кадвалладром, сыном Кадваллона»¹²⁵. Итак, муж, сведущий в иноземных сказаниях, предлагает Гальфриду некую древнюю книгу, в существовании которой мы не можем быть уверены, но которая, если верить Гальфриду, повествовала о чередой королей, правящих Британией. Как уже говорилось, ссылаясь на Гильдаса и Беду, которые-де ничего не писали о древних королях этой страны, Гальфрид решает заполнить лакуну и посвящает добрую часть своей «Истории» рассказу о

¹²³ Op. cit.

¹²⁴ Уильям Ньюбургский. Пролог к хронике «*Historia regum Anglicarum*» (вступ. ст., пер. с лат. яз., коммент. И.Ф. Афанасьева) // Средние века. 2010. Вып. 71. С. 115.

¹²⁵ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 5. (Geoffrey of Monmouth, p. 5: «Walter Oxenefordensis archidiaconus, uir in oratoria arte atque in exoticis hystoriis eruditus, quendam Britannici sermonis librum uetustissimum qui a Bruto primo rege Britonum usque ad Cadualadrum filium Caduallonis actus omnium continue et ex ordine perpulcris orationibus proponebat»).

рождении и подвигах славного короля Артура, победителя саксов и угрозы для римлян, обращаясь к якобы обнаруженной книге.

Популярность Гальфрида и его последующая рецепция обуславливались тем, что «долгое время англо-нормандские авторы располагали о далеком прошлом страны лишь информацией, сообщаемой в сочинениях некоторых античных историков, Беды... Ситуация резко изменилась с опубликованием «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского. Это сочинение ввело в оборот массу абсолютно новой информации о ранней истории «королевства бриттов», не поддававшейся проверке со стороны других авторитетов. Кроме того, Гальфрид подверг ревизии многие аспекты исторической традиции, и английской, и валлийской, касающиеся истории Британии в составе Римской империи, а также англосаксонского завоевания. Тем самым, он стремился подчеркнуть превосходство бриттов над другими народами в военной, политической и моральной сферах. В частности, одним из признаков отсталости англосаксов для него было даже существование у них политической раздробленности. Напротив, большинство других англо-нормандских авторов рассматривало существование нескольких англосаксонских королевств в ранний период как особенность их политического строя, совсем не обязательно свидетельствовавшую о его несовершенстве»¹²⁶.

Итак, вооружившись древними сказаниями, услышанными от Вальтера Оксфордского, о чем Гальфрид еще раз скажет, завершая последнюю, одиннадцатую книгу¹²⁷, он пишет свою *Историю*, и эта

¹²⁶ Мереминский С.Г. Формирование английской исторической традиции во 2-й пол. XI – 1-й пол. XII вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 18.

¹²⁷ «Ne hoc quidem, consul auguste, Galfridus Monemutensis tacebit, sed ut in praefato Britannico sermone inuenit et a Waltero Oxenefordensi, in multis *historiis* peritissimo uiro, audiuit...». В русском пер. замечание Гальфрида о Вальтере как

история претендует на то, чтобы быть истинной: «...я настоятельно советую умолчать о бриттских королях, ибо они (речь идет о современных Гальфриду историках Карадоке Ланкарванском, Уильяме Мальмсберийском и Генрихе Хантингдонском, - Н.Д.) не располагают той книгой на языке бриттов, которая, будучи привезена из армориканской Британии архидиаконом Оксенфордским Вальтером, *правдиво* сообщает *историю* их и которую, чтя память названных в ней властителей, я постарался перевести на латинский язык»¹²⁸.

Таким образом, автор первого текста, дающего начало артуровской литературе, представляет его как перевод на латынь некой правдивой истории, написанной на языке бриттов. На его «историографическую претензию» работают и стилистические особенности текста, отдающие предпочтение рассказу перед погодными записями и анналами, и следование правилам латинской риторики, и длинный пролог-посвящение, и входящее в пролог заявление о намерении написать «историю королей Британии» и, наконец, название произведения, которое мы узнаем из последних строк «Жизни Мерлина», еще одного труда Гальфрида Монмутского: «Ваших вождей воспевал и оставил книжку, что ныне // Славится в мире во всем под названьем «Деянья бритонов»¹²⁹.

Несмотря на историографические притязания, присутствовавшие в прологе и вступительных главах книги Гальфрида, в самом ее тексте строгость и сдержанность исторического начала тесно переплетается с

знатоке историй опущено, см.: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 122.

¹²⁸ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М. 1984. С. 137. (Geoffrey of Monmouth, p. 281: «... quos de regibus Britonum Britonum tacere iubeo, cum non habeant librum illum Britannici sermonis quem Walterus Oxenefordensis archidiaconus ex Britannia aduexit, quem de *historia* eorum *ueraciter* editum in honore praedictorum principum hoc modo in Latinum sermonem transferre curaui »).

¹²⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 170.

литературностью¹³⁰. Как писал А.Д. Михайлов, Гальфрид «был довольно своеобразным» историком. «Рассказывая об исторических судьбах кельтов, он многое сочинил, придумал, нафантазировал. Важно, какие источники он использовал, на какую традицию ориентировался, но еще важнее, что он стремился решить не только политические и исторические задачи, но и задачи художественные»¹³¹, пусть последнее ему удавалось не так хорошо, как хотелось бы, и пусть многие современные историки будут считать, что труд Гальфрида лишен «изысканной поэтической формы»¹³². «История бриттов» даже как занимательное чтение обладало существенным преимуществом перед рыцарским романом, поскольку читателю предоставлялась возможность поверить, что все, о чем он читает, происходило на самом деле»¹³³. Итак, заключает А.Д. Михайлов, «Гальфрид не создал историографической традиции [...], он был прежде всего писателем. Поэтому его выдумки и баснословия обогатили прежде всего литературу, а книга его по праву заняла заметное место среди других литературных памятников Средневековья»¹³⁴.

Тем не менее некоторые эпизоды этого сочинения явно выдержаны в довольно сухом и строгом стиле, – который, быть может, должен был свидетельствовать о правдивости того, о чем повествует автор. К таким эпизодам относится рассказ о зачатии короля Артура. Он имеет, разумеется, фольклорную основу: напоминает о зачатии Александра

¹³⁰ О стиле истории Гальфрида Монмутского в сравнении с другими средневековыми историографиями см. статью: *Tillette J.-Y. Opus oratorium. L'écriture de l'histoire et l'exigence littéraire dans le Moyen Age latin // L'oeuvre littéraire du Moyen Age aux yeux de l'historien et du philologue*, éd. L. Evdokimova et V. Smirnova, P., à paraître.

¹³¹ *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. М., 1984. С. 204.

¹³² *Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья*. М., 2010. С. 400.

¹³³ Там же.

¹³⁴ *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. М., 1984. С. 227.

Великого последним правителем Египта фараоном Нектанебом¹³⁵ (сравнение Артура с Александром, пусть и имплицитно, присутствует в книге Гальфрида), и о чудесном зачатии не менее славного Геракла Зевсом, принявшим облик Амфитриона, мужа Алкмены; подобные рассказы знает и кельтская фольклорная традиция¹³⁶.

Однако фольклорный в своей основе рассказ изложен сухо и лаконично, без каких-либо живописных деталей. Показательно, в частности, что он весьма краток. В современном издании «Истории бриттов» (с момента, когда Утерпендрагон, будущий отец Артура, видит Ингерну, до момента, когда она становится его женой и у них рождается двое детей, Артур и Анна) он занимает около восьмидесяти строк (§137-138)¹³⁷. Физическую красоту Ингерны Гальфрид характеризует одной фразой, правда, с превосходной степенью: она «своей красотой затмевала всех женщин Британии»¹³⁸. Описание вспыхнувшего чувства короля тоже довольно лаконично и конкретно, еще лишено куртуазной лексики: «Когда король увидел ее между другими женщинами, он сразу возгорелся такой страстью к ней, что, позабыв об остальных, все свое внимание отдал ей одной»¹³⁹. Мерлин, советчик и помощник короля Утерпендрагона, благодаря волшебным травам наделяет короля внешностью мужа Ингерны, и он благополучно проводит с любимой женщиной ночь, во время которой и был зачат Артур. Этот рассказ у Гальфрида лишен диалогов между персонажами, его стиль – стиль

¹³⁵ Aurell M. La légende du roi Arthur 550 – 1250. P., 2007. P. 119.

¹³⁶ Подробнее об этом см.: Aurell M. La légende du roi Arthur 550 – 1250. P., 2007. P. 132-133.

¹³⁷ Geoffrey of Monmouth. Op.cit. P. 182-184.

¹³⁸ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 92. (Geoffrey of Monmouth. P. 185: « cuius pulcritudo mulieres totius Britanniae superabat »).

¹³⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 92. (Geoffrey of Monmouth. P. 185: « Cumque inter alias inspexisset eam rex, subito incaluit amore illius ita ut postpositis ceteris totam intentionem suam circa eam uerteret »).

хрониста, сухого и беспристрастного рассказа о деяниях, которые совершаются, чтобы Артур появился на свет: «Именно в эту ночь зачала она прославленного Артура, который, чтобы прославиться, свершил деяния редкостной доблести»¹⁴⁰.

В столь же строгом и лаконичном стиле Гальфрид заканчивает и историю короля Артура: «Но смертельную рану получил и сам прославленный король Артур, который, будучи переправлен для лечения на остров Аваллона, оставил после себя корону Британии Константину, своему родичу и сыну наместика Корнубии Кадора. Случилось же это в пятьсот сорок втором году от воплощения господ»¹⁴¹.

Пройдет менее двадцати лет и в 1155 году у нашего текста появится вольный перевод. Его автором станет историограф Генриха II Плантагенета и старший современник Марии Французской – Вас (Wace). Свой роман, насчитывающий пятнадцать тысяч стихов, Вас, по преданию, посвятит Альеноре Аквитанской, жене Генриха II¹⁴². По словам А.Д. Михайлова, «первые романы были либо стихотворными переделками на французском языке книги Монмута (напомним, что первые Плантагенеты и по языку, и по культуре, и по пристрастиям были французами), либо парафразами поэм Вергилия, Стация или латинских перелагателей Гомера. Все эти переводы и переделки можно было бы

¹⁴⁰ *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 94. (Geoffrey of Monmouth. P. 187: «Concepit quoque eadem nocte celeberrimum uirum illum Arturum, qui postmodum ut celebris foret mira probitate promeruit»).

¹⁴¹ *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 124. (Geoffrey of Monmouth, p. 253: «Sed et inclitus ille rex Arturus letaliter uulneratus est ; qui illinc ad sananda uulnera sua in insulam Auallonis euectus Constantino cognato suo et filio Cadoris ducis Cornubiae diadema Britanniae concessit anno ab incarnatione Domini .dxlii.. »).

¹⁴² Об этом нам сообщает средневековый переводчик «Брута» на английский язык, Леймон (Layamon). См.: *Le Roman de Brut de Wace* // Publié par Ivor Arnold. P. : Société des anciens textes français, MCMXXXVIII. P. LXXVIII.

назвать «историческими романами», хотя чувство историзма в них отсутствовало»¹⁴³. Лишенный чувства историзма, один из первых романов, как и история Гальфрида Монмутского, не был лишен претензии на историческую достоверность и истинность повествования. «Роман о Бруте», играл роль «прототекста»¹⁴⁴, – это было «первое сочинение на французском языке, в какой-то степени посвященное артуровской легенде, которая начала распространяться благодаря «Истории» Гальфрида Монмутского»¹⁴⁵. Вас, следуя за «Историей» Гальфрида, настаивает на неразрывной связи классического античного мира и мира древних бретонцев, древней Трои с новой Троей, *Troie Nove* – будущим Лондоном. Таким образом, труд Васа вписывается, вместе с «Историей бриттов» Гальфрида и двумя современными ему романами, «Романом об Энее» и «Романом о Трое» Бенуа де Сент-Мора, творившего, как и Вас, при дворе Генриха II Плантагенета и сменившего автора «Брута» на должности королевского историографа, «в новую современную перспективу, в соответствии с которой франкоязычный мир XII века наследует культуру и политическую власть греко-римского мира, переместившегося с востока на запад»¹⁴⁶, о чем будет говорить и Кретьен де Труа в знаменитом фрагменте из пролога к своему «Клижесу»:

Ce nos ont nostre livre apris
Que Grece ot de chevalerie
Le premier los et de clergie,
Puis vint chevalerie a Rome
Et de la clergie la somme,

Нам книги древние порукой:
Обязаны своей наукой
Мы Греции, сомнений нет;
Оттуда воссиял нам свет.
Велит признать нам справедливость

¹⁴³ Михайлов А.Д. Роман и повесть высокого средневековья // До Франсуа Вийона, до Марселя Пруста. Т. III. М. 2011. С. 59.

¹⁴⁴ Boutet D. Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire. P., 1992. P. 9.

¹⁴⁵ Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge. Ouvrage préparé par Robert Bossuat, Louis Pichard et Guy Raynaud de Lage. P., 1992 (1964). P. 1498.

¹⁴⁶ La geste du roi Arthur. P. 8.

Qui or est en France venue¹⁴⁷.

За ней ученость и учтивость,
Которые воспринял Рим
И был весьма привержен к ним.
В своем благом соединенье
Они нашли распространенье
У нас во Франции теперь¹⁴⁸.

Такая перспектива *translatio imperii et studii* должна была подтвердить, что предками королей анжуйской династии были троянцы¹⁴⁹.

У Васа эпизод зачатия Артура разрастается, обогащается новыми подробностями. Скажем для начала, что он посвятит этому эпизоду 264 стиха¹⁵⁰. Он сохраняет превосходную характеристику Ижерны : «не было краше ее во всем королевстве», *n'en ot plus bele en tut le regne* (v. 24), но добавляет к ним, однако, еще два стиха, которые впоследствии очень часто будут характеризовать женщин в куртуазной литературе XII-XIV вв: «была вежественна, красива, разумна // и из благородного рода», *curteise esteit e bele e sage, / e si esteit de grant parage* (vv. 25-26). Еще одна деталь или, точнее, мотив, которым мы обязаны Васу, ибо его нет у Гальфрида Монмутского, и который также будет путешествовать по средневековым литературам, – это мотив вспыхнувшей любви героя к

¹⁴⁷ *Chrétien de Troyes. Romans. P., 1994. vv. 30 – 35. P. 291–292.*

¹⁴⁸ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 213.*

¹⁴⁹ См. *Curtius E.R., La littérature européenne et le Moyen Age latin / trad. de l'Allemagne par Jean Bréjoux. P., 1991 (1956). P. 598–599; Boutet D. Histoire de la littérature française du Moyen Age. P.: Honoré Champion, 2003. P. 42; Boutet D. Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire. P.: Champion, 1992. P. 440–446. Отметим, также, что существует миф о троянском происхождении и французской династии. Фредегер в своей «Книге истории франков» (*Liber Historiae Francorum*), написанной около 660 года, был первым, кто возвел франков к троянцам, поскольку их прародитель Франсион, основатель Парижа, был троянским князем и кузеном Энея.*

¹⁵⁰ *La geste du roi Arthur. P. 29–43.*

женщине, которую он ни разу не видел, но о красоте которой узнал по слухам:

Li reis en ot oï parler,	Король слышал о ней,
e mult l'aveit oï löer;	Слышал все те похвалы, которые ей
ainz que nul semblant en feïst,	воздавали;
veire asez ainz qu'il la veïst,	Такая хвала шла о женщине,
l'ot il cuveitie e amee,	Что еще до того, как проявить к ней
kar merveilles esteit loee. (vv. 27-32)	малейший признак интереса
	И даже до того, как ее увидеть,
	Король возжелал ее и почувствовал к ней
	любовь.

Эта цитата, на наш взгляд, свидетельствует, что мотив любви, внушенной рассказами, который у Гальфрида отсутствует, не дает нам права говорить о том, что любовное чувство поразило отца Артура, «подобно солнечному удару»¹⁵¹, как писал об этом А.Д. Михайлов.

Отметим, прежде чем вернуться к сравнению Гальфрида и Васа, что данный мотив позаимствует у Васа Мария Французская, описывая вспыхнувшую любовь короля Эквитана к жене своего вассала, о которой тот узнал лишь по слухам :

El reialme n'aveit sa per.	Она не имела равных в королевстве.
Li reisl'oï sovent löer.	Король часто слышал похвалы в ее адрес,
Soventes feiz la salua ;	Посылал ей приветы и подарки.
de ses aveirs li enveia.	Уже до того, как ее увидел,
Senz veüe la conveita... (vv. 41-45).	Начал ее желать...

¹⁵¹ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006. С. 39.

Все, кто читал «Брута», сходятся во мнении, что Вас – «скорее романист, чем историк»¹⁵². Текст «Брута» более риторичен, чем его латинский оригинал, причем восьмисложный стих, которым пишет Вас, органически сочетается с использованием многих риторических приемов и известной живописностью; так, добиваясь ритмических эффектов, Вас то и дело использует повторы, перечисления и анафору: «пьет ли он, ест ли он, // говорит ли он, молчит ли он» («se il manjot, se il beveit, / se il parlot, se il taiseit», vv. 35-36) или:

Vit les valees, vit les plainnes, [...], Vit les eues, vit les rivages, Vit les champs, vit les praeries, Vit les porz, vit les pescheries, Vit sun pople multepleier, Vit les terres bien guaainier... (vv. 1210-1216)	Видит равнины и долины, [...], Видит озера и реки, Видит поля, видит луга, Видит гавани, видит рыбные заводы, Видит, как множится его народ, Видит ухоженные земли...

Сходные риторические пассажи мы будем встречать и далее, на протяжении всего текста, например:

Ne puis aler, ne puis venir, ne puis lever, ne puis culchier, ne puis beivre, ne puis mangier... (vv. 109-112)	Я не могу ни ходить, ни ездить, Ни бодрствовать, ни спать, Ни пить, ни есть...

Сравнение других эпизодов из «Истории» Гальфрида и романа Васа дает сходные результаты: рассказ Васа во многих случаях богаче, он более расцвечен и, можно сказать, еще дальше удаляется от строгого

¹⁵² Wace. Le Roman de Brut / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. LXXXVII.

исторического повествования, чем его латинский оригинал. Так, там, где Гальфрид довольствуется одной фразой, описывая город-крепость Тинтаголь¹⁵³ («... он (муж Ингерны, - Н.Д.) отослал ее в город Тинтаголь, расположенный на берегу моря, так как считал его наиболее надежным убежищем»¹⁵⁴), Вас предлагает читателю целую картину:

Tintajiel ert bien defensible :
n'esteit par nul engin pernabile ;
de faleise est clos e de mer ;
ki sul la porte puet garder,
mar i avra dute ne reguart
que hum i entre d'autre part.
(vv.73-80)

Тинтажель очень хорошо защищен,
Ни одна машина не может его разрушить.
Замок защищен скалами и морем.
Достаточно охранять вход в крепость,
Чтобы ничего не опасаться,
Поскольку других доступов у замка нет.

В отличие от Гальфрида, Вас включает в свое повествование диалоги между Утером и Ульфином (ст. 105-128), а также длинные монологи самого короля (ст. 202-225), его советника Ульфина и Мерлина, который у Васа, принимает внешность Бретеля и описан куда более подробно, чем в латинском оригинале (ст. 149-174).

Отметим, наконец, еще две важные детали, отсутствовавшие у Гальфрида и впервые появляющиеся у Васа. Во-первых, Вас впервые вводит в свой роман мотив круглого стола, который устанавливает король Артур и о котором бретонцы рассказывают так много басен:

Pur les nobles baruns qu'il ot,
dunt chascuns mielldre estre quidot

Для благородных сеньоров,
Которые его окружали и каждый из

¹⁵³ Сохранено название города-крепости Тинтажеля, принятое в русском переводе «Истории бриттов».

¹⁵⁴ *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. М., 1984. С. 93. (Geoffrey of Monmouth, p. 185: «posuit eam in oppido Tintagol in littore maris, quod pro tuciori refugio habebat»).

chascuns se teneit a meillur,
ne nul n'en saveit le peiur –
fist Artur la Rōunde Table
dunt Bretun diēnt mainte fable.
(vv.1019-1024)

которых считал себя лучше других, –
Поэтому очень сложно было определить
худшего, –
Артур сделал Круглый стол,
О котором бретонцы рассказывают
множество басен.

Во-вторых, как и Гальфрид, заканчивая рассказ о правлении короля Артура, и называя год его отъезда на остров Авалон, Вас сообщает несколько значительных деталей: упоминает бретонцев и их веру в возвращение короля, напоминает о себе и своем нежелании верить в его исчезновение, поскольку-де не знает ничего сверх уже рассказанного, наконец, добавляет эмоционально окрашенное сожаление о том, что Артур был бездетным:

Arthur, si la geste ne ment,
fud el cors nafrez mortelment ;
en Avalon se fist porter
pur ses plaies medicinier.
Encore i est, Bretun l'atendent
sicum il diēnt e entendent ;
de la vendra, encore puet vivre.
Maistre Wace, ki fist cest livre,
ne volt plus dire de sa fin
qu'en dist li prophetes Merlin ;
Merlin dist d'Arthur – si ot dreit –
que sa mort dutuse serreit.
Li prophetes dist verité :
tut tens en ad l'um puis duté,
e dutera, ço crei, tut dis,
se il est morz u il est vis.
Porter se fist en Avalun
pur veir puis l'Incarnatiun

Артур, если жеста говорит истину,
Был смертельно ранен и увезен на
Авалон, чтобы найти там исцеление от
ран.
Он до сих пор находится там,
И бретонцы ждут его возвращения,
Как они говорят и верят.
Именно оттуда он вернется,
Возможно, что он еще жив.
Мэтр Вас, который составил эту книгу,
Не хочет говорить ничего больше о
кончине Артура,
Ведь на самом деле никто не знает,
Мертв ли он или жив.
Пророк говорит истину : всегда
спрашивали и всегда будут спрашивать,
Жив ли Артур или мертв.
На самом деле, король был отправлен на

cinc cenz e quarante douz anz
 Damage fud qu'il n'ot enfanz :
 al fiz Cador, a Costentin,
 de Cornüaille, sun cusin,
 livra sun regne si li dist
 qu'il fust reis tant qu'il revenist.
 (vv. 4435-4458)

остров Авалон в год пятьсот сорок второй
 после пришествия Христа.
 Какое горе, что у него не было детей !
 Константину, своему кузену, сыну Кадора
 Корнуэльльского,
 Вверил Артур управление своим
 королевством до его возвращения.

Однако есть и опущения. Мы не можем согласиться с издателем «Брута» Ивором Арнольдом в том, что эти опущения «редки и незначительны: несколько имен второстепенных персонажей, римских генералов, саксонских предводителей; имена епископов бриттов времен короля Артура, генеалогия королей Бретани»¹⁵⁵. Одно опущение можно считать и серьезным, и значительным: Вас исключил из своего перевода пророчества Мерлина о будущем Британии и ее королей, которые Гальфрид вставил в шестую книгу своей «Истории»¹⁵⁶. Возможно, Вас совершенно искренен, когда он признается, почему не хочет передавать пророчества Мерлина:

Dunc dist Merlin les prophecies
 Que vus avez, ço creï, oïes,
 Des reis ki a venir esteient,
 Ki la terre tenir deveient.
 Ne vuil sun livre translater
 Quant jo nel sai interpreter...¹⁵⁷

Итак, Мерлин изрек пророчества,
 Которых, я думаю, вам доводилось
 слышать,
 О королях, которые придут к власти
 И будут владеть землями.
 Я не хочу переводить его (Гальфрида, –
 Н.Д.) книгу,

¹⁵⁵ Wace. *Le Roman de Brut* / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. LXXIX.

¹⁵⁶ Подробнее о пророчествах и о причинах такого опущения Васа см. в статье: Veyseyre G. «Metre en roman» les prophéties de Merlin. Voies et détours de l'interprétation dans trois traductions de l'*Historia Regum Britannie* // *Moult obscures paroles. Etudes sur la prophétie médiévale* / dir. R. Trachsler. P., 2007. P. 107–166.

¹⁵⁷ Wace. *Le Roman de Brut* / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. 399.

Так как я не знаю, как ее интерпретировать.

(vv. 7535-7540)

Пророчества, действительно, были очень темными, однако не нужно забывать и о том, что Вас писал для менее образованной публики и, как и всякий автор того времени, писавший на народном языке, стремился упростить содержание своего труда.

Итак, очевидно, что диффузность категорий «правды» и «вымысла», значимая для литературной теории XII века (о чем мы писали в начале этой главы) имеет значение и для Гальфрида, и для его последователя Васа. Последний еще более стирает границу между ними, сближая свой роман с «недостоверным повествованием» (*narratio fabulosa*), истинным в своей основе, но содержащим множество вымышленных элементов. Разумеется, в случае Васа, этот сдвиг коррелирует с его обращением к стихотворной форме романа на народном языке и, тем самым, к новой аудитории. Как и другие переводчики, создававшие вольные переложения латинских текстов, Вас разъясняет и упрощает оригинал, одновременно его амплифицируя. Как и другие авторы, передающие прозу стихами, Вас вводит в свой текст дополнительные детали, эпитеты, описания, прямую речь, – все это органично встраивается в стихотворное повествование, к этому его располагает избранная им стихотворная повествовательная форма¹⁵⁸. В то же время нельзя сказать, что работа Васа сводится к той, что обычно осуществляли создатели таких переводов: сравнительно с ними, Вас значительно усиливает сказочную составляющую своего переложения, вводя туда такие дополнения, которые не были востребованы только лишь задачами средневекового переводчика. Есть

¹⁵⁸ См. Евдокимова Л.В. У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века, Москва. 1997; Евдокимова Л.В. От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века : опыт типологии. М. 2011.

основания полагать, что осуществленный им сдвиг в понимании «правды» и «вымысла» не остался незамеченным и Марией Французской.

Вас и Мария Французская: от историографии к поэзии

Мария Французская, автор сборника лиро-эпических поэм о любви и приключениях, «Лэ» (*Lais*), знала и читала роман Васа «Брут» (*Brut*). Как показал Эрнест Хёпффнер, Мария обязана Васу «практически всеми историческими и географическими названиями»¹⁵⁹, используемыми в ее «Лэ», описанием бури в лэ «Элидюке» (ст. 813-28)¹⁶⁰, историей любви короля Эквитана к прекрасной даме, жене своего вассала (о чем мы упоминали выше) и некоторыми другими эпизодами. На наш взгляд и общий замысел Марии, так сказать, ее литературный проект, состоявший в создании сборника двенадцати лэ, посвященных приключениям бретонцев, возник под влиянием того же Васа. Этот замысел сформулирован в общем прологе, открывающем сборник «Лэ», а также в прологах и эпилогах отдельных лэ. Здесь Мария обсуждает стоящий перед ней выбор: к каким сюжетам лучше обратиться? Поначалу она предполагает создать какую-нибудь «хорошую историю», переведя ее с латинского на романский язык, что, как помним, и предпринял Вас в своем «Романе о Бруте». По-видимому, не случайно в общем прологе к «Лэ» Мария упоминает переводную «историю»¹⁶¹ – возможно, создавая пролог, она помнила и думала о Гальфриде, Васе и их «истории» бретонцев:

¹⁵⁹ Hoepffner E. « La géographie et l'histoire dans les *Lais* de Marie de France ». *Romania*. P., 5. 1930. P. 32.

¹⁶⁰ См. Hoepffner E. *Les Lais de Marie de France*. P., 1971. P. 96.

¹⁶¹ Отметим, что это единственный случай употребления Марией слова «история» во всем сборнике «Лэ».

Pur ceo començai a penser	Поэтому сначала я решила создать какую-
d'alkune bone estoire faire	нибудь
e de Latin en Romanz traire;	Хорошую историю
mais ne me fust guaires de pris:	Переведа ее с латинского языка на романский.
itant s'en sunt altre entremis ¹⁶² .	Но этим я не стяжала бы похвалы,
	Ведь многие другие делали то же самое.

Упоминаемые «другие» авторы – как мы предполагаем – Вас и его современники, сочинившие «Роман об Энее» и «Роман о Трое», а также, быть может, молодой Кретьен де Труа – переводчик басен Овидия из «Метаморфоз», – заставляют Марию отказаться от ее первоначального замысла – от того, чтобы вслед за ними создавать вольные переводы *историй* с латинского на народный, романский язык. Ее мысль обращается к лэ, которые ей доводилось слышать: «Des lais pensai qu'oïz aveie»¹⁶³.

Мария Французская вводит лэ во французскую литературу. Некоторые исследователи даже считают, что ее можно назвать создательницей нового средневекового жанра – бретонского лэ. Такая точка зрения остается гипотезой, поскольку точные датировки для средневековых произведений часто проблематичны; тем не менее с

¹⁶² Lais de Marie de France, traduits, présentés et annotés par Laurence Harf-Lancner, texte édité par Karl Warnke. P., 1990. vv. 28-32. P. 24.

¹⁶³ Lais de Marie de France. *Op.cit.* v. 33. P. 24. Приведем классическое определение жанра лэ французского исследователя XIX века Гастона Париса: «Это рассказы о любви и приключениях, где часто фигурируют феи, чудеса и превращения; не раз здесь говорится о стране бессмертия – острове Авалон, куда феи уводят и где удерживают героев; там упоминается Артур, двор которого иногда является местом действия, а также Тристан... Большой частью это осколки древней мифологии, обыкновенно непонятые и почти неузнаваемые; персонажи кельтских рассказов естественно превратились в рыцарей; в общем, там доминирует нежный и меланхолический тон...» (*Paris G. La littérature française au moyen âge*. P. 1888. P. 91).

уверенностью можно утверждать, что Мария была не первой, кто упоминал лэ в литературе XII века, – первым был Вас. Именно он, описывая торжества при дворе славного короля Артура, говорит о лэ и приводит при этом их перечень:

Mult out a la curt junglëurs,	Двор был полон жонглерами,
chantëurs, estrumentëurs :	певцами, музыкантами;
mult pëussiez oïr chançons,	много можно было слышать песен, ротруанжей
rotrüenges e novels suns,	и новых мелодий,
vïelëures, lais de note,	звуков виолы, напевов лэ,
lais de vïeles, lais de rotes,	лэ, что игрались на виоле, роте, арфе, флейте,
lais de harpes, lais de frestels,	звуки лиры, бубна, свирели, псалтериума,
lires, tympes e chalemels,	кимвала и кифары.
symphonies, psalteriuns,	
monacordes, timbres, coruns ¹⁶⁴ .	

Итак, согласно Васу, лэ исполняют под аккомпанемент виолы и роты, арфы и флейты, о чем Мария Французская также упоминает в эпилоге одного из своих лэ:

...fu Guigemar li lais trovez,	Сочинили лэ о Гижмаре,
que hum fait en harpe et en rote ;	которое исполняется на арфе и роте,
bone en est a oïr la note ¹⁶⁵ .	музыку эту приятно слушать.

Такое исполнение, следовательно, было распространенным в XII веке. Что касается самих лэ, даже если слово употреблялось до Марии, можно с уверенностью утверждать, что она была единственной, кто создал сборник из двенадцати бретонских лэ, двенадцати рассказах о

¹⁶⁴ La geste du roi Arthur. vv. 1717–1726. P. 116.

¹⁶⁵ Lais de Marie de France. *Op.cit.* Vol. 884–886. P. 70.

приключениях, образующих единое целое, «куртуазную комедию»¹⁶⁶, как назвал сборник «Лэ» С.Ф. Дамон.

Из пролога мы узнаем также, что, услышав лэ, поэтесса перевела их стихами (Мария, как и Вас, использует распространённый в литературе XII века восьмисложник с парной рифмовкой), чтобы сохранить от забвения, *pur remembrance* и чтобы увековечить приключения, о которых повествовали услышанные Марией лэ: «...que pur remembrance les firent / *des aventures qu'il oïrent...*»¹⁶⁷.

В процитированных нами строках пролога появляется одно из ключевых слов для жанра лэ – «авантюра». Слово, которое Гальфрид Монмутский еще не употреблял в своей «Истории»¹⁶⁸, и которое впервые появится в хронике Васа, в отрывке, который мы приведем чуть ниже.

Что касается сборника «Лэ» Марии Французской, слово «авантюра», приключение, впервые появится в прологе и будет повторяться во многих лэ. Поэтесса настаивает на том, что пишет о приключениях как в прологах, так и в эпилогах восьми¹⁶⁹ лэ из двенадцати, а именно, в «Ясени», «Бисклавре», «Эквитане», «Йонеке», «Ланвале», «Двух влюбленных», «Соловье» и «Элидюке». По мысли

¹⁶⁶ Damon S.F. Marie de France psychologist of courtly love // *PUBLICATIONS OF THE MODERN LANGUAGE ASSOCIATION*. 1929. Vol. 44. P. 995.

¹⁶⁷ Op.cit. vv. 35-36.

¹⁶⁸ Как пишет Доминик Буте, «История бриттов» не знает никаких приключений, само слово еще не вошло в литературу к этому времени...» (*Formes littéraires et conscience historique aux origines de la littérature française (1100-1250)*. P., 1999. P. 88).

¹⁶⁹ В девяти, если посмотреть версию «Жимолости», которую предлагает нам манускрипт S. Ср.: манускрипт Н: «Que la verité vus en cunt» (v. 3), S: «Que l'aventure vos acont» (v. 3). Подробнее о манускриптах Н и S см.: Demaules M. Note sur le texte et sur la traduction // *Tristan et Yseut. Les premières versions européennes*. P., 1995. P. 1298–1305. Издание «Жимолости» по манускрипту S см. в книге: Demaules M. Le manuscrit de Paris (S) // *Tristan et Yseut. Les premières versions européennes*. P., 1995. P. 1306–1307.

Марии, каждое лэ есть не что иное, как приключение, рассказ о котором сохранили древние бретонцы. Добавим, что эти бретонцы являются одновременно протагонистами лэ и участниками приключений, произошедших в стародавние времена (Мария использует наречие *jadis*). Двенадцать лэ образуют рассказ об их приключениях. Но почему Мария Французская выбирает именно это число?

Как известно, очень часто композиция средневекового произведения строится на числах, – этот прием, сначала «использующийся в латинской литературе, переходит и в литературы на народном языке»¹⁷⁰: пять книг «Утешения Философией» Боэция, сто песен «Божественной Комедии» Данте, «Сто баллад» Кристины Пизанской, второй средневековой поэтессы XV века, которую часто сравнивают с Марией Французской¹⁷¹, «Пятнадцать радостей брака», сто новелл «Декамерона» Боккаччо и т.д.

На этом фоне выбор Марии Французской, предпочитающей двенадцать круглым цифрам, кратным пяти или десяти, и цифрам, имеющим символическое значение в средневековой теологии и философии (три, семь, девять), кажется удивительным. Конечно, Мария могла предпочесть число двенадцать, памятуя о двенадцати апостолах или двенадцати знаках зодиака, однако в сборнике «Лэ» мы не найдем ни отсылок к библейским текстам, ни к астролого-астрономическим трактатам. Двенадцать приключений бретонцев, как кажется, напоминают о двенадцати годах мира, установившихся в царстве короля Артура после его возвращения в Англию. Здесь Вас уверяет, что это время было ознаменовано многими чудесными приключениями:

¹⁷⁰ Curtius E.R. La littérature européenne et le Moyen Age latin, trad. de l'Allemagne par Jean Bréjoux. 1991 (1956). P. 795–796.

¹⁷¹ См., например, статью: Paupert A., «Deux femmes auteurs au Moyen Age. Marie de France et Christine de Pizan» // *Revue de la BNF*. 2011. № 39. P. 6–13.

...en cele pais que jo di –
 ne sai si vus l'avez oï –
 furent les merveilles provees
 e les aventures trovees
 que d'Arthur sunt [tant] recuntees
 que a fable sunt aturnees:
 [ne tut mençunge ne tut veir,
 ne tut folie ne tut saveir,]
 tant unt li cuntëur cunté
 e li fablëur tant fablé
 pur lur cuntes enbeleter,
 unt tut fait fables sembler¹⁷².

Во время этого мира, –
 Не знаю, слышали ли вы об этом, -
 Произошли все эти чудеса и все эти
 приключения,
 Которые так часто
 Рассказывают об Артуре,
 Что теперь все принимают их за басни:
 [хоть эти басни – не полная ложь и не
 только вымысел,
 не одна лишь глупость, но и не настоящая
 мудрость].
 Сказители столь часто их рассказывали,
 И сочинители столько насочиняли,
 Чтобы приукрасить эти рассказы,
 Что все они кажутся выдумками.

Обратим внимание на характеристику басен, входящую в приведенную цитату, – она, как кажется, перекликается с тем определением «недостоверного повествования» (*narratio fabulosa*), которое мы приводили выше. Вас здесь, с одной стороны, явно оправдывается перед теми, кто счел бы его повествование слишком далеким от истории, настаивая на неполной лживости басен. С другой стороны, стремясь предстать историком, он опускает самый рассказ о чудесах, случившихся во время двенадцатилетнего мира, и ограничивается только кратким упоминанием о них¹⁷³. Мария, как мы

¹⁷² Д. Буте отмечает, что упоминаемые здесь чудеса и приключения «представляют собой разрозненные, несвязанные между собой отрывки, отсылающие нас к миру «басен», рассказу о которых нет места в тексте, претендующем на историографическую ценность», – замечание, которое в виду всего вышеизложенного, быть может, сформулировано с излишней остротой. *Op.cit.* vv. 1059-1070. P. 82- 84.

¹⁷³ *Boutet D. Formes littéraires et conscience historique aux origines de la littérature française (1100-1250). P., 1999. P. 88.* Отметим, что такое же отношение к «чудесам» Вас демонстрирует в другом знаменитом фрагменте, на этот раз, в своем втором романе

предполагаем, в отличие от своего старшего современника, решает осветить именно эту, приключенческую, сторону жизни древних бретонцев, которым Вас уже создал литературную славу, – посвятив свой сборник лэ не описанию военных деяний, но приключениям бретонцев, *les aventures des Bretons*. Мария движется еще дальше в том же направлении, которое наметили ее старшие современники – Гальфрид Монмутский и Вас: в сборнике ее «Лэ» оппозиция «правды» и «вымысла» окончательно стирается. Не случайно она, как мы отмечали, обращается за географическими сведениями к квази-историческому повествованию Васа, вставляя их в свой сказочный рассказ о приключениях бретонцев, – эти приключения разворачиваются тем самым в реальных, исторически достоверных координатах.

В приведенной цитате у Васа слово «авантюра» неразрывно связано с другим словом, «чудо», – эти два слова в «Бруте» становятся практически взаимозаменяемыми, точно так же, как в «Лэ» Марии Французской, например, в лэ о Бисклавре:

о Ру: Вас отправляется в знаменитую Броселианду в поисках чудес, руководствуясь многочисленными баснями бретонцев об этом волшебном месте, однако не обнаруживает там ровным счетом ничего и называет себя дураком:

Le seut l'en les fees veir,
 se li Breton nos dient veir,
 e altres mer(e)veilles plusors ;
 aires i selt avoir *d'ostors*
 e de grant cers mult grant plenté,
 mais vilain ont *tot* deserté.
 La alai jo merveilles querre,
 vi la forest e vi la terre,
 merveilles quis, mais nes trovai,
 fol m'en revinc, fol i alai;
 fol i alai, fol m'en revinc,
 folie quis, por fol me tinc. (vv. 6387-6398)

(*Wace. Le Roman de Rou* / publié par A.J. Holden. T. II. P., , 1971. P. 121–122.)

La dame oï cele merveille,
de poür fu tute vermeille.
De l'aventure s'efrea¹⁷⁴.

Дама услышала о таком чуде,
Густо покраснела,
Приключение повергло ее в сильный
страх.

В том же лэ Мария в очередной раз сближает «приключение» и «чудо»:

Meinte merveille avum veüe
ki en Bretaigne est avenue¹⁷⁵...

Много видели чудес
Приключившихся в Бретани...

Обратим внимание и на то, что Вас в «Бруте» подсказал Марии и рифму «vermeille-merveille», которой она охотно воспользовалась в приведенных нами стихах:

Tute ert de sanc l'erbe vermeille
E ço n'esteit mie merveille...¹⁷⁶

Вся трава была красной от крови,
И в этом не было ничего удивительного...

Но вернемся к замыслу Марии. Конечно, нельзя сказать, что одному году мира в хронике Васа соответствует одно лэ в сборнике Марии. Мы предполагаем, что Мария Французская, «которая уделила немало времени чтению Васа»¹⁷⁷, решает, так сказать, заполнить лакуну в романе Васа и описать тот период мира в государстве короля Артура, когда бретонцы отдыхали от войн.

¹⁷⁴ Lais de Marie de France. *Op.cit.* vv. 97–99. P. 120.

¹⁷⁵ *Ibid.* vv. 259–260. P. 128.

¹⁷⁶ Wace. Le Roman de Brut / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. 216

¹⁷⁷ Hoepffner E. Les Lais de Marie de France. P., 1971. P. 58, 96.

Наше предположение косвенно подтверждается составом одной рукописи XIII века, включающей роман Васа¹⁷⁸. Переписчик обрывает роман «Брут» на месте, когда «Артур устанавливает мир во всем королевстве, чтобы вставить в текст романы Кретьена де Труа в качестве истинного свидетельства правления Артура»¹⁷⁹ и чтобы показать древних бретонцев с куртуазной стороны, рассказав о приключениях и чудесах, происходивших с ними. Если этот переписчик счел возможным дополнить повествование Васа приключенческими романами Кретьена, мы можем предположить, что и Мария Французская написала свои двенадцать лэ в дополнение к его хронике, освещая жизнь бретонцев, их нравы и их чудесные приключения.

При этом важно отметить, что Мария проводит четкую границу между «историей», *estoire*, и своими повестями. Слово «*estoire*» Мария Французская употребит лишь однажды, в прологе к сборнику «Лэ»:

Pur ceo començai a penser
d'alkune bone *estoire* faire
e de Latin en Romanz traire...¹⁸⁰

Поэтому сначала я решила
создать какую-нибудь хорошую историю
Переведя ее с латинского языка на
романский.

Итак, Мария ассоциирует историю с переводами латинских жест и хроник, ей она противопоставляет свои лэ, рассказы, которые она слышала (устный источник) и записала.

Писатели второй половины XII века – в частности, те, кто работал с так называемым «бретонским материалом» – сохраняют традиционное

¹⁷⁸ Речь идет о манускрипте ms. Bibl. nat., fr. 1450, датированным второй четвертью XIII в.

¹⁷⁹ *Walters L. Le rôle du scribe dans l'organisation des manuscrits des romans de Chrétien de Troyes // Romania. 1985. T. 106, n°3-4. P. 304.*

¹⁸⁰ *Lais de Marie de France. Op.cit. vv. 28-30. P. 24.*

для Средних веков противопоставление «правды» и «вымысла». «История королей Британии» Гальфрида Монмутского и «Роман о Бруте» Васа иллюстрируют начальные стадии размывания этих категорий. Однако ни Гальфрид, ни Вас, ни Мария еще не решаются сократить кажущийся непреодолимым разрыв. Французской литературе понадобится еще восемь веков, чтобы автор смог сказать: «история эта совершенно истинна, поскольку я ее выдумал от начала и до конца».

Изучение «Лэ» Марии Французской в контексте историографических сочинений ее старших современников позволило нам пролить свет на ее общий замысел, состоявший в том, чтобы дополнить квази-историческое сочинение Васа о военных деяниях и подвигах бретонцев рассказом об их нравах и чудесных приключениях.

ГЛАВА II

Бретонская интертекстуальность: Мария Французская и Кретьен де Труа

В предыдущей главе мы попытались показать, чем Мария обязана Васу как «переводчику» Гальфрида Монмутского. Поставим перед собой задачу в настоящей главе сопоставить «Лэ» Марии Французской с произведениями ее, быть может, самого знаменитого современника, автора романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, Кретьена де Труа.

О творчестве Марии, как и о творчестве Кретьена, написано очень много, о сопоставлении творчества Марии и Кретьена – на удивление мало. Возможно, это объясняется тем, что ни Мария, ни Кретьен ни разу не упомянули друг друга на страницах своих произведений. Некоторые ученые касаются в своих работах сходств и различий между этими авторами¹⁸¹, однако на сегодняшний день нет ни одной монографии, посвященной их систематическому сопоставлению¹⁸².

Э. Хепффнер, рассуждая о том, знала ли Мария Французская ранние вольные переводы Кретьена де Труа из Овидия (например, «Филомену»), замечает, что это «очень возможно, хотя у нас и нет прямых свидетельств

¹⁸¹ См., например: *Hoepffner E.* Les Lais de Marie de France. P., 1971 ; *Mickel E.J.*, Marie de France. New York, 1974 ; *Margaret M. Pelan.* L'influence du Brut de Wace sur les romancieres francais de son temps. Genève, 1974; *Ménard Ph.* Les Lais de Marie de France. Contes d'amour et d'aventure du Moyen Age. P., 1997; *Bloch R.H.* The anonymous Marie de France. L., 2003, а также статью: *Wilmotte M.* Marie de France et Chrétien de Troyes // Romania. 1926. Vol. 52. P. 353-356, где Вильмот высказывает мнение, в соответствии с которым один из пассажей в лэ Марии Французской «Гижмар» – заимствование нескольких стихов из романа Кретьена де Труа «Клижес». Вильмот обвиняет Марию в плагиате у Кретьена и у других авторов. Мы не можем согласиться с этой гипотезой и выскажем свою точку зрения в этой главе.

¹⁸² По данным сайта www.Arlima.net (22.12.2013).

на этот счет»¹⁸³, однако на вопрос о том, была ли она знакома с новым типом артуровского романа, созданным тем же автором, исследователь отвечает отрицательно¹⁸⁴.

Э. Микел, автор исследования «Мария Французская», которое появилось во второй половине XX века¹⁸⁵, мимоходом затрагивает вопрос о влиянии, которые два автора оказывали друг на друга, и приходит к выводу, что «отсутствие каких-либо ссылок у Марии Французской на произведения Кретьена де Труа неопровержимым образом свидетельствует, что «Лэ» хронологически предшествовали его романам»¹⁸⁶. Напротив, многие исследователи Кретьена отмечают¹⁸⁷, что ему произведения Марии были знакомы, – об этом свидетельствует один из эпизодов романа «Эрек и Энида», в котором упоминается «Песнь радости» (*le Lai de Joie*)¹⁸⁸. Такова, в частности, точка зрения Э. Микела, согласно которому, однако, влияние Марии на Кретьена ограничивается этим эпизодом, о котором речь пойдет ниже.

М. Пелан в своей обобщающей работе о влиянии Васа на современных ему французских романистов¹⁸⁹ посвящает отдельные главы Марии Французской и Кретьену де Труа, но не дает развернутого сопоставительного анализа, который мог бы пролить свет на интересующую нас проблему; что касается Филиппа Менара, автора известной и ставшей классической монографии о Марии Французской, то он отмечает лишь то, что Мария не обладала виртуозностью Кретьена де

¹⁸³ Hoepffner E. Les Lais de Marie de France. P., 1971. P. 53.

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ Mickel E.J. Marie de France. New York. 1974.

¹⁸⁶ Mickel E.J. *Op.cit.* P. 18.

¹⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸ Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 189; Chrétien de Troyes. Romans. P., 1994. v. 6180. P. 258.

¹⁸⁹ Margaret M. Pelan. L'influence du Brut de Wace sur les romanciers français de son temps. Genève., 1974.

Труа¹⁹⁰, хотя их отношение к чудесам имело известное сходство, – оба пишут об этом предмете с юмором и иронией¹⁹¹.

Наконец, Р.Х. Блох, современный американский исследователь творчества Марии Французской, подчеркивает несходство Марии и ее современников, – авторов романа о Тристане и Кретьена де Труа¹⁹²; впрочем, этот тезис в его работе не достаточно аргументирован и развернут; главное отличие Марии от Кретьена, полагает он, в том, что Мария «была женщиной»¹⁹³.

На наш взгляд, существующие работы недостаточно полно описывают связи между Марией и Кретьеном – двумя «самыми известными и оригинальными французскими авторами времен правления Генриха II»¹⁹⁴. Есть основание полагать, что Кретьен де Труа оказывал на Марию Французскую непосредственное влияние; в этой главе мы попытаемся показать, в чем оно проявлялось. Между произведениями обоих авторов, помимо этого, прослеживаются и многочисленные косвенные переклички или взаимные отсылки, – иначе говоря, интертекстуальные связи, – которым и будет уделено внимание в настоящей главе.

Как мы уже отмечали, в прологе к сборнику лэ Мария отказывается от того, чтобы посвятить себя переводам с латыни, – поскольку их создается слишком много; переводя с латыни, она не снискала бы себе литературной славы; при этом она могла думать как об авторах романа так называемого «античного цикла» (романы об Александре, о Трое и об

¹⁹⁰ *Ménard Ph.* Les Lais de Marie de France. Contes d'amour et d'aventure du Moyen Age. P., 1997. P. 210.

¹⁹¹ *Ménard Ph.* Les Lais de Marie de France. Contes d'amour et d'aventure du Moyen Age. P., 1997. P. 189.

¹⁹² *Bloch R.H.* The anonymous Marie de France. L., 2003. P. 23, 52, 311, 315.

¹⁹³ *Bloch R.H.* Op.cit. P. 23, 52, 311, 318.

¹⁹⁴ *M. Aurell.* Op.cit. P. 170.

Энее), так и о вольных переводах Овидия молодого Кретъена де Труа. О том, что в молодости (по крайней мере, до создания своего второго романа) Кретъен перелагал Овидия мы узнаем из его знаменитого пролога к этому самому второму роману, «Клижесу»:

Cil qui fist d'Erec et d'Enide,	Воспев Эрека и Эниду,
Et les comandemenz d'Ovide	Ученым людям не в обиду
Et l'art d'amors en romanz mist,	Овидиев канон услад
Et le mors de l'espaule fist,	Переложив на новый лад ¹⁹⁶ ,
Dou roi Marc et d'Iseut la Blonde,	Поведавший в подобном роде
Et de la hupe et de l'aronde	О соловье и об удоде,
Et dou rousignol la muance... ¹⁹⁵	И как надкушено плечо,
	И как любила горячо
	Изольда пылкого Тристана... ¹⁹⁷

Итак, перед нами список произведений молодого Кретъена. Его открывает «Эрек и Энида» – первый и единственный роман, где автор называет себя «Кретъен *de Труа*»: «Por ce dit Crestiens *de Troies*» (v. 9).

Чему служит это добавление? Как полагает Р.Р. Беццола, «если Кретъен в «Эреке и Эниде» называет себя «из Труа», нужно полагать, что, создавая этот первый роман, он находился не в Труа»¹⁹⁸. Заметим, что точно такой же прием использует и Мария, называя себя «Мария *из*

¹⁹⁵ *Chrétien de Troyes*. Op.cit. vv. 1-7. P. 291.

¹⁹⁶ В русском переводе пропущен важный для нашей работы стих – «Et les comandemenz d'Ovide» – «И наставления Овидия».

¹⁹⁷ *Кретъен де Труа*. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 212-213. Нужно заметить, что здесь В.Б. Микушевич довольно сильно отступает от оригинала, где сказано «о короле Марке и Изольде Белокурой».

¹⁹⁸ *Bezzola R.R.* Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500-1200), deuxième partie, La société féodale et la transformation de la littérature de cour. Genève; Paris, 1984. P. 310.

Франции», когда пишет в Англии при дворе Генриха II Плантагенета свои «Лэ».

Можем ли мы предположить, что молодой Кретьен, создавая свой первый роман, как и Мария, находился в Англии? Процитируем слова французского историка-медиевиста М. Аурелля, высказывающегося на этот счет: «Мы никогда не сможем сказать с абсолютной уверенностью, бывал ли Кретьен де Труа при дворе Генриха II и Элионоры Аквитанской и пользовался ли их покровительством. Достоверным тем не менее является тот факт, что Кретьен был очень хорошо осведомлен о политической жизни и географии империи Плантагенетов, обитатели которой вызывали у Кретьена уважение и восхищение»¹⁹⁹. К такому выводу Аурелль приходит, анализируя стих 6634 из «Эрека и Эниды»: «к этому двору влечет меня мое сердце»²⁰⁰, «*Que vers la cort li cuers me tire*» – о чем Кретьен скажет перед тем, как дать перечень народов, находящихся под властью Генриха II:

Que vers la cort li cuers me tire,
 Qui ja estoit tote essemblee.
 De mainte diverse contree
 I ot contes et dus et rois,
 Normanz, Bretons, Escoz, Irois ;
 D'Engleterre et de Cornuaille
 I ot moult riche baronaille ;
 Et de Gales jusqu'en Anjou,
 Ne ou Mainne ne en Poitou
 N'ot chevalier de grant affaire
 Ne riche dame debonaire,
 Que les meillors et les plus gentes
 Ne fussent a la cort a Nantes,

А впрочем речь хочу начать я
 О том, как здесь со всей земли
 Собрались графы, короли
 И герцоги – вся знать – нормандцы,
 Бретонцы, скотты и ирландцы,
 Бароны знатные сошлись
 Из Англии и Корвалиса.
 Ведь от Валлиса до Анжу,
 Ни в Мэне и ни в Пуату
 И рыцаря мы не нашли бы,
 И дамы встретить не могли бы,
 Которые бы поленились
 И в Нант тотчас не устремились,

¹⁹⁹ М. Aurell. *Op.cit.* P. 185.

²⁰⁰ Данный стих пропущен в русском переводе романа.

Si con li rois les ot mandez.²⁰¹

Заслышав королевский зов.²⁰²

«Можно утверждать с большой вероятностью, – продолжает М. Аурелль, – что Кретьен де Труа бывал в Англии и Нормандии, владениях, весьма любимых королем»²⁰³. Итак, как кажется, стих 6634 важен по смыслу и не случайно появляется именно в «Эреке и Эниде». Приведем еще одну цитату из Аурелля, где он продолжает свою мысль: «возможно также, что, проезжая по Нормандии или Англии, Кретьен де Труа, которого с охотой принимали северо-французские сеньоры, мог повстречаться с Генрихом II и людьми из его окружения»²⁰⁴.

На возможность пребывания Кретьена при дворе Генриха II указывают и другие обстоятельства. Кретьен, напомним, был автором лирических песен; по выражению Р.Р. Беццолы, он был первым поэтом, на творчество «которого несомненное влияние оказала лирика трубадуров»²⁰⁵. Тот же исследователь отмечает, что в двух кансонах Кретьена, «дошедших до нас, явно заметно влияние Бернарта де Вентадорна, произведения которого, а, возможно, и его самого, он должен был знать...»²⁰⁶; об этом последнем поэте достоверно известно, что он жил при дворе Платагенетов. Беццолла делает предположение, что «встреча двух поэтов могла произойти в Англии в 1155 г.»²⁰⁷. Итак, вслед за Р.Р. Беццолла и М. Ауреллем, мы считаем, что Кретьен бывал при дворе Генриха II. Была ли там в это же время Мария Французская? Это представляется возможным, и молодой Кретьен мог видеть даму Марию, по крайней мере, слышать о ней и ее лэ.

²⁰¹ *Chrétien de Troyes. Op.cit.* vv. 6634-6647. P. 272–273.

²⁰² *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 202.*

²⁰³ *M. Aurell. Op.cit.*

²⁰⁴ *M. Aurell. Op.cit.* P. 186.

²⁰⁵ *Bezzola R.R. Op.cit.* P. 388.

²⁰⁶ *Bezzola R.R. Op.cit.*

²⁰⁷ *Bezzola R.R. Op.cit.*

Если сделанные выше предположения справедливы, Кретьен де Труа мог писать свой первый роман «Эрек и Энида» (или его часть) в Англии. Напомним, что на основании текстологического анализа современная датировка создания «Эрека и Эниды» – приблизительно 1170 г.²⁰⁸ Многими исследователями признается²⁰⁹, что к этому времени Мария Французская уже закончила свой сборник «Лэ» и общий пролог к нему, влияние которого нельзя не заметить в строках 15-18 «Эрека и Эниды» (пусть оба автора при этом и используют распространенный топос):

Мария Французская:

Ki Deus a duné, esciēnce
E de parler bon'eloquence
Ne s'en deit taisir ne celer,
Ainz se deit volunters mustrer.²¹⁰

Тот, кому Бог даровал ум и красноречие,
Не должен их скрывать и таить,
Но, напротив, должен с охотой
Являть эти дары миру.

Кретьен де Труа:

...qu'em puet prover et savoir
Que cil ne fait mie savoir
Qui sa sciēce n'abandone
Tant con Dex la grace l'en done.²¹¹

Можно доказать и удостоверить,
что тот неразумен,
кто скрывает свое искусство,
Хотя Бог и предоставил ему сей дар.

Но этим влияние лэ Марии на первый роман Кретьена, на наш взгляд, не ограничивается. Остановимся на эпизоде, где Кретьен перечисляет гостей, прибывших на свадьбу Эрека и Эниды. Среди них есть:

²⁰⁸ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976 (2006). С. 114.

²⁰⁹ Burgess G.S. Marie de France. Text and context. USA, 1987. P. 8 ; Hofer S. Chrétien de Troyes : Leben und Werke des altfranzösischen Epikers. Graz; Cologne, 1954. P. 47–48.

²¹⁰ Lais de Marie de France. *Op.cit.* vv. 1-4. P. 22.

²¹¹ Chrétien de Troyes. *Op.cit.* vv. 15-18. P. 61.

Et Guilemers ses frere i vint,
De l'ile d'Avalon fu sire ;
De cestui avons oï dire
Qu'il fu amis Morgain la fee,
Et ce fu veritez provee²¹².

И Гвигомар, достойный брат,
Чье царство – Остров Авалон,
Считали многие, что он
Возлюбленный Морганы, феи,
И не было молвы вернее.²¹³

Имя Гвигомор отсылает нас к лэ Марии о Гвижемаре, а упоминание острова Авалона и феи-возлюбленной рыцаря намекает на сюжет лэ Марии о Ланвале. Итак, можно предположить, что Кретьен, упоминая среди гостей Гвигомара, хозяина Авалона, мог думать о двух лэ Марии или, оговорим это, об их источниках, которые могли быть общими у двух средневековых авторов XII века.

В «Эреке и Эниде» есть еще один важный для нас эпизод, который получил название «Песня радости» и о котором мы уже сказали несколько слов выше. Эпизод заслуживает того, чтобы мы остановились на нем подробнее. В конце романа Эрек освобождает некоего рыцаря из вертограда, где рыцарь пребывает, дав обет своей госпоже:

Et dist que plevi li avoie
Que ja mes de ceanz n'istrie
Tant que chevaliers i venist
Qui par armes me conquēist.²¹⁴

В саду остаться вместе с ней,
Не выйдя из него до дня,
Когда придет сразить меня
Тот, кто окажется сильнее.²¹⁵

Эрек успешно справляется с этой задачей, которая оказывается выполнимой, если за дело берется настоящий рыцарь, и Кретьен заканчивает эпизод следующими словами:

²¹² *Chrétien de Troyes. Op.cit. vv. 1950-1954. P. 122.*

²¹³ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 63–64.*

²¹⁴ *Chrétien de Troyes. Op.cit. vv. 6067-6070. P. 254.*

²¹⁵ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 185.*

Et les dames un lai troverent
Que le Lai de Joie apelerent,
Mais n'est gaires li laiz seüz²¹⁶.

А дамы, что туда пришли,
Рассказ в стихах о нем сложили
И «песней радости» решили
Назвать свое повествованье.²¹⁷

Не является ли это высказывание еще одним указанием на даму Марию Французскую, которая слагает лэ, и лэ эти пользуются повсеместной известностью?

Осмелимся даже предположить, что Кретьен мог иметь в виду и конкретное лэ Марии, «Лэ о Несчастном» или «Четыре горести», где дама сочиняет лэ о рыцаре, который больше не мог испытывать радость: «*ne puis nule joie avoir*», как говорит он сам о себе. Главная героиня «Лэ о несчастном», такая же прекрасная безжалостная дама, как и героиня «Песни радости», не может отдать предпочтения ни одному из четырех влюбленных в нее рыцарей. Дело кончается турниром, на котором трое рыцарей погибают, а один ранен так неудачно, что больше не может испытывать радостей любви. Чтобы утешить его, наказанная судьбой дама сочиняет лэ о потерянной радости, «Лэ о несчастном».

Вернемся теперь к анализу списка произведений молодого Кретьена в прологе к «Клижесу». После «Эрека и Эниды» поэт вспоминает о переложениях ряда сочинений Овидия, а также свою версию легенды о Тристане и Изольде.

Наиболее известное произведение из переведенных Кретьеном – *l'art d'amors*, – переложение «Науки любви» Овидия, ныне утраченное.

Не менее известным произведением, к которому обращался переводчик Кретьен, были «Метаморфозы» Овидия. Кретьен упоминает два своих перевода из «Метаморфоз». Один – рассказ о том, «как

²¹⁶ *Chrétien de Troyes. Op.cit. vv. 6179-6181. P. 258.*

²¹⁷ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 188–189. В оригинале последний стих перевода отсутствует, вместо него Кретьен говорит о том, что «это лэ осталось неизвестным».*

надкушено плечо», как считается, отсылает к истории Пелопа, о которой рассказывается в IV книге. Отметим, однако, что у Овидия этот рассказ слишком краток, чтобы послужить основой для отдельного произведения. Можно предположить, что Кретьен обращался к комментированному тексту «Метаморфоз», включавшему цитаты из других античных авторов, которые дополняли рассказ Овидия (такие сведения содержались, в частности, в одном из мифографов II века²¹⁸). Это произведение Кретьена также не сохранилось.

Другой перевод из «Метаморфоз» – рассказ «о соловье и об удоде», иначе говоря, история Филомены – вольное переложение еще одного эпизода из той же VI книги, причем любопытно, что у Овидия изложение двух упомянутых мифов следует непосредственно друг за другом; можно ли полагать, что Кретьен располагал только этой книгой «Метаморфоз»? В настоящее время у нас слишком мало данных, чтобы ответить на этот вопрос.

Судьба этого последнего перевода оказалась сложнее двух предыдущих. Так называемая «Филомена» Кретьена дошла до нас как вставка в рукопись «Морализованного Овидия» (первая треть XIV века). К «Филомене» у нас еще будет возможность обратиться; сейчас напомним только, что Терей здесь превращается в удода, а две сестры – Филомена и Прокна – в ласточку и соловья соответственно.

Добавим несколько слов о последнем произведении Овидия, упомянутом Кретьеном де Труа – *les commandementz d'Ovide*, «наставления Овидия».

²¹⁸ Hyginus Mythographus floruit ca. 180: URL.:

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost02/Hyginus/hyg_fcip.html:
LXXXIII. PELOPS.

Pelops Tantali et Diones Atlantis filiae filius cum esset in epulis deorum a Tantalo caesus, bracchium eius Ceres consumpsit, qui a deorum numine uitam recepit; cui cum cetera membra ut fuerant coissent, umero non perpetuo eburneum eius loco Ceres aptauit.

Э. Хепффнер в свое время предположил, что «наставления» или «поучения», упомянутые рядом с «Наукой любви», отсылают к другому сочинению Овидия, – «*Remedia amoris*», «Лекарство от любви». Хепффнер полагает, что вольный перевод названия, которое Кретьен дает своему переводу, сближает его с Марией Французской, которая в лэ «Гвижемар», уже упоминавшемся нами выше, в следующих стихах говорит о «Лекарстве от любви»:

...le livre d'Ovide, u il enseigne	...книгу Овидия, где он наставляет
coment chascuns s'amur estreigne... ²¹⁹	как каждому бороться с любовью...

Как пишет Э. Хепффнер, «удивительно, что Мария дает книге латинского поэта такое же, неточное и неожиданное, название, которое дает ей Кретьен в знаменитом перечислении своих произведений в начале романа «Клижес»²²⁰.

Если предположения Хепффнера справедливы, можно утверждать, что сама Мария, скорее всего, знала и читала «Лекарство от любви» Овидия лишь в переводе Кретьена де Труа и что именно о нем и о его переводах с латыни она думала, сочиняя эти уже упоминавшееся нами выше строки пролога к «Лэ»:

Поэтому сначала я решила создать какую-нибудь
Хорошую историю
Переведя ее с латинского языка на романский.
Но этим я не стяжала бы похвалы,
Ведь многие другие делали то же самое.

²¹⁹ *Marie de France*. Op.cit. vv. 239-240. P. 38.

²²⁰ *Hoepffner E.* Op.cit. P. 53.

Если Мария знала «наставления Овидия», переложенные Кретьеном, она могла знать и другие его переводы, – например, «Филомену».

Уже Э. Хепффнер сближал трагическую любовь двух влюбленных из одноименного лэ Марии и «повесть о Пираме и Фисбе, изложенную в «Метаморфозах» Овидия»²²¹, хотя история, рассказанная Марией в лэ, кардинально отличается от латинской и, если и напоминает любовь Пирама и Фисбы, то только финальной трагической смертью влюбленных. Однако, по нашему мнению, такой печальный финал настолько часто встречается в литературе, что никак не может свидетельствовать в пользу сближения этих двух произведений. Мы, в свою очередь, предлагаем сопоставить то же лэ о «Двух влюбленных», точнее, эпизод, описывающий отношения отца с его дочерью – главной героиней лэ – с отношениями между Филоменой и ее отцом так, как они описаны в повести Кретьена. Посмотрим, для начала, как Мария Французская описывает отеческую любовь в своем лэ:

... mes li reis ne la volt doner,
car ne s'en poeit consirer.
Li reis n'aveit altre retur :
pres de li esteit nuit e jur ;
cunfortez fu par la meschine,
puis que perdue ot la reïne.
Plusur a mal li aturnerent ;
li suen meïsme l'en blasmerent.
Quant il oï qu'um en parla,
mult fu dolenz, mult l'en pesa.²²²

...но король никому не хотел отдавать
свою дочь,
поскольку не мог этому покориться.
Она была его единственной отрадой,
Он проводил с ней дни и ночи,
Поскольку она его утешала,
После того, как он потерял королеву.
Многие видели в этом нечто дурное
И даже близкие люди порицали за это
короля.
Когда король узнал, что люди заговорили
об этом,

²²¹ Hoepffner E. Op.cit. P. 125.

²²² Marie de France. Op.cit. vv. 27-36. P. 168–170.

Сделался печален и скорбен.

Современные комментаторы «Лэ» часто усматривают в этом пассаже «тему инцеста, как она представлена в «Ослиной коже» (народная сказка) или сказке о девушке с отрезанными руками, – сюжете, которой Филипп де Бомануар использовал в своем романе «Манекин»²²³ (XIII в.).

Однако, на наш взгляд, прежде чем сравнивать этот роман с фольклорными источниками, надо обратиться к творчеству современных Марии авторов и вспомнить, как Кретьен описывает отца Филомены, поведение которого могло послужить отличным образцом и для Марии Французской, и – позднее – для Филиппа де Бомануара:

An ma fille sont tuit mi eise,
Par li vif je tant solemant,
Car n'ai autre sostenement.
Se vos li sole me tolez,
Ma vie acorchier me volez.
De ce vos faz seür et cert
Que ma fille me garde et sert
Et nuit et jor et soir et main ;
N'i leisse autrui metre la main,
N'a mon lever n'a mon couchier.
Ma douce fille m'a tant chier
Qu'ele me chauce, elle me vest,
Et son servise tant me plect
Que se ne fust ses reconforz,
Grant pieç'à a que je fusse morz²²⁴.

Моя дочь – моя единственная отрада,
Я живу только ради нее,
Она – моя единственная опора.
Не отнимайте ее у меня,
Иначе моя жизнь оборвется.
Я уверяю вас в том,
Что моя дочь заботится обо мне и
оберегает меня
Днем и ночью, утром и вечером,
Никому не позволяет она служить мне ни
утром, ни вечером.
Моя прекрасная девочка так меня любит,
что обувает и одевает меня.
Ее забота так дорога мне,
что без этого утешения,
я давно бы умер.

²²³ См., например, комментарии Филиппа Вальтера к билингвальному изданию Марии Французской 2000 г.: *Marie de France. Lais*. P., 2000. P. 460.

²²⁴ *Chrétien de Troyes. Op.cit.* vv. 364-378. P. 1238–1239.

Итак, и в том и в другом случае перед нами модель отношений, при которой дочь и ее отец проводят друг с другом дни и ночи напролет, дочь является единственной отрадой и утешением (оба автора используют однокоренное слово, «гесонфорз» – Кретьен, «сунфортез» – Мария) для старого отца, без нее он не может представить свою жизнь.

Итак, у нас есть основания полагать, что модель отношений, описанная Кретьеном, повлияла на Марию и ее лэ о «Двух влюбленных», и что тема инцеста отступает на второй план у обоих авторов, возможно, и не исчезая окончательно.

Еще одно интертекстуальное сближение на которое, как мы полагаем, необходимо указать, можно заметить между «Филоменой» Кретьена и лэ Марии «Соловей»²²⁵. Уже само название лэ могло быть навеяно Марии «Филоменой» – историей о превращении (метаморфозах) трех людей в трех птиц, одной из которых был соловей. Однако это лэ Марии сближает с кретьеновской «Филоменой» и еще один эпизод. Напомним, что, несчастная Филомена, будучи не в состоянии поведать историю своих бедствий, вышивает на полотне рассказ о них, *tote sa mesaventure* (v. 1098) и отправляет его своей старшей сестре, чтобы та узнала обо всем. Все, что с ней произошло, было написано на ткани, «*tot ot escrit an la cortine*»²²⁶. Главная героиня лэ Марии «Соловей» – неудачно вышедшая замуж и полюбившая своего молодого соседа дама, – потеряв надежду любить и быть любимой, сходным образом передает рассказ о случившемся несчастье своему возлюбленному:

En une piece de samit,

В полотно из шелка,

²²⁵ О средневековых обработках истории Филомены см. в статье: *Quérue D. Silence et mort du rossignol: les réécritures médiévales de l'histoire de Philomèle // Philomèle. Figures du rossignol dans la tradition littéraire et artistique / éd. Véronique Gély, Jean-Louis Haquette et Anne Tomiche. Clermont-Ferrand, 2006. P. 73-88.*

²²⁶ *Op.cit.* v. 1131. P. 1258.

a or brusedé e tut escrit,
a l'oiselet envelopé²²⁷.

На котором она написала их историю золотыми
буквами,
Завернула она птицу (речь идет о соловье. – Н.Д.).

Таким образом, главная героиня лэ Марии Французской использует тот же способ сообщения о несчастье своему другу, который использовала главная героиня «Филомены» Кретьена де Труа.

Итак, мы осмелимся утверждать, что именно об этих вольных переводах Овидия, принадлежащих Кретьену, – то есть рассказах о различных метаморфозах героев – думала Мария, говоря в прологе к сборнику «Лэ» о том, что переводов с латыни становится все больше и больше.

Именно этим переводам из Овидия, этим, позволим себе такое выражение, «латинским метаморфозам», Мария решает противопоставить новые, «бретонские метаморфозы» своих лэ. Действительно, в ряде рассказов Марии главной темой становится метаморфоза главного героя в животное или птицу. В лэ о «Йонеке» главный герой – рыцарь-птица; в лэ о «Бисклавре» – рыцарь-волк, вервульф.

Таким образом, благодаря Марии Французской «бретонские метаморфозы» заменяют латинские, но до конца не порывают со своими античными корнями, беря их за модель, образец для подражания.

Обратимся еще раз к списку произведений молодого Кретьена. Последним в перечне Кретьен де Труа называет свою историю о Тристане и Изольде, в русском переводе – рассказ о том «...как любила горячо / Изольда пылкого Тристана»²²⁸. Итак, к античным сюжетам добавляется бретонский сюжет. К сожалению, эта работа Кретьена была утрачена и не дошла до нас, от нее у нас остались лишь два имени: не Тристана и

²²⁷ *Marie de France. Op.cit.* vv. 135-137. P. 216.

²²⁸ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 212–213.*

Изольды, как это следует из русского перевода, но Марка и Изольды, как говорит Кретьен де Труа: «dou roi Marc et d'Iseut la Blonde».

Как мы помним, Мария Французская также внесла свою лепту в создание истории Тристана и Изольды. Речь идет о «Жимолости» – самом коротком из всех двенадцати лэ Марии.

У этого маленького лэ Марии самая сложная композиция: в начале поэтесса сообщает, что желает рассказать нам лэ, которое называют «Жимолость» и которое она сама много раз слышала и даже читала (*l'ai trouvé en escrit*). Все последующее повествование – история бедствий Тристана и рассказ о его встрече с королевой Изольдой. Далее Мария говорит, что, вспоминая об этой встрече, Тристан сочинил лэ, чтобы в новой разлуке хранить память о любимой. Ниже поэтесса сообщает нам название лэ Тристана на двух языках: *Gotelef l'apelent en engleis, / Chevrefoil le nument Franceis*²²⁹, при этом само лэ Тристана отсутствует. Следуя тексту Марии, можно сделать вывод, что у лэ «Жимолость» было, по меньшей мере, три «редакции»: сначала лэ сочинил Тристан, чтобы, исполняя его на арфе, вспоминать о встрече с любимой; позже лэ стали исполнять многочисленные странствующие певцы-жонглеры (в этой «редакции» оно пользовалось большой популярностью, так как часто упоминается в средневековых романах²³⁰); поэтесса слышала его исполнение, читала его в «книге» и, наконец, создала свое собственное лэ.

²²⁹ «Gotelef его называют среди англичан, Chevrefoil его именуют французы»

²³⁰ Вспомним, например, следующие строки из «Романа о Лисе», где Лис, прикинувшись иностранным жонглером, перечисляет свой репертуар: «Но приносить хотейт утех // Моим искусством я для всех, // Брать в лэ бретонском верный тон // И знать про Мерлин и Нотон, // Король Артур, святой Брендан, // Про жимолость и про Тристан». // - «А знаешь про Изольду лэ?» // - «Йес, йес, - тот молвит, - сильвупле!» (пер. А. Наймана) – Роман о Лисе. М., 1987. С. 83.

О чем же это лэ? Мария, в отличие от Кретьена, в прологе представляет сюжет своей истории о Тристане и Изольде следующим образом:

...de Tristram e de la reïne,
de lur amur ki tant fu fine...

О Тристане и королеве,
Об их любви, которая была столь
чистой...

С. Хофер обратил внимание на то, что Кретьен избегает называть имена двух столь знаменитых любовников, заменяя имя Тристана именем мужа Изольды – короля Марка²³¹. Хотя кретьеновский роман о Марке и Изольде не дошел до нас, мы можем предположить, что версия легенды Кретьена существенно отличалась от версии, данной Марией Французской в лэ о «Жимолости», которое воспевало любовь-адультер Тристана и королевы, – скорее всего два средневековых автора кардинально разошлись в трактовке легенды о Тристане и Изольде.

Обратим в этой связи внимание и на тот факт, что второй роман Кретьена де Труа, пролог к которому стал предметом нашего анализа в настоящей главе, часто называют «Анти-Тристаном» или «Нео-Тристаном»²³², поскольку в нем Кретьен много раз намекает и прямо говорит о своем негативном отношении к роману об Изольде и Тристане. Приведем несколько примеров спора Кретьена де Труа с легендой о Тристане и Изольде на лингвистическом и сюжетном уровнях.

В истории зарождения любви между родителями Клижеса, которая не случайно происходит на корабле, есть такие строки:

La reïne garde s'en prent

Обоих что-то удручает.

²³¹ Hofer S. *Op.cit.* P. 99-108, 112-114.

²³² Lazar M. *Amour courtois et «fin'amors» dans la littérature du XIIème siècle.* P., 1964.

Et voit l'un et l'autre sovent
 Descolorer et enpalir
 Et soupirer et tressaillir,
 Mais ne set por coi il le font
 Fors que por la mer ou il sont.²³³

Он бледен, и она бледна;
 И в нем и в ней болезнь видна,
 И королева в этой хвори
 Винить предпочитает море...²³⁴

Вспомним, что это же море (*lameir*) винила в своей хвори Изольда, и средневековые романисты, например, Готфрид Страсбургский, удивительно искусно обыгрывали омонимичность значений этого слова:

«Изольда, что терзает вас?
 Поведайте мне, не таясь».
 Изольда бедная в ответ:
 «Мне от *lameir* покоя нет.
Lameir мне душу извело,
Lameir мне причиняет зло».
 Не разобрал Тристан сперва,
 Что б эти значили слова.
 Он был в недоуменье
 Какое же значенье
Lameir в устах ее несет.
 Он стал раздумывать и вот:
 «*L'ameir* – любовь, *l'ameir* и горе,
 А вместе с тем *la mer* ведь море»,
 Из трех значений он на двух
 Остановился, чтобы вслух
 Не поминать Любовь.²³⁵

Кретьеновский Клижес превосходит в искусстве фехтования самого Тристана:

²³³ *Chrétien de Troyes. Op.cit.* vv. 541-546. P. 306.

²³⁴ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес.* М., 1980. С. 228–229.

²³⁵ Зарубежная литература средних веков. Хрестоматия/ сост. Б.И. Пуришев. М., 2004. С. 481- 482.

Cist ot le fust o tout l'escorce,
 Cist sot plus d'escremie et d'arc
 Que Tristanz li niés le roi Marc...²³⁶

Как фехтовальщик и стрелок
 Он превзойти Тристана мог.²³⁷

Фенисса, главная героиня романа Кретьена, несколько раз на протяжении романа сравнивает себя с Изольдой, и, как можно догадаться, это сравнение оказывается не в пользу последней:

Einz vodraie estre desmembree
 Que de nos .II. fust remembree
 L'amor d'Iseut et de Tristen,
 Dont tantes folies dist l'en
 Que hontes m'est a raconter.
 Je ne me porroie acorder
 A la vie qu'Ysez mena.
 Amors en lui trop vilena,
 Car li cors fu a dos rentiers
 Et li cuers iere a un entiers.
 Ensi tote sa vie usa
 C'onques les dos ne refusa.
 Ceste amors ne fu pas raisnable,
 Mais la moie est si veritable
 Que de mon cors ne de mon cuer
 N'iert partie faite a nul fuer.
 Ja voir mes cors n'iert garçoniers,
 Ja n'i avra .II. parçoniers.
 Qui a le cuer, cil ait le cors.
 Touz les autres en met defors.²³⁸

Скорей погибнуть соглашусь,
 Чем с ним разыгрывать решусь
 Роман Изольды и Тристана.
 Страшусь подобного романа.
 Судьба Изольды мне претит,
 Напоминать Изольду – стыд.
 Двоим она принадлежала,
 Тристана сердцем ублажала,
 А телом сладостным своим
 Служила все-таки двоим
 И ни с одним не порывала,
 С двоими век бы вековала.
 Любовь такая – мерзкий грех,
 Я не хочу таких утех;
 Я полагаю счастье цельно,
 И сердце с телом нераздельно,
 Двоих не стану веселить
 И самое себя делить;
 Кому душа, тому и тело, -
 Вот так любить бы я хотела.²³⁹

²³⁶ *Chrétien de Troyes. Op.cit. vv. 2742-2744. P. 373.*

²³⁷ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 295.*

²³⁸ *Chrétien de Troyes. Op.cit. vv. 3099 – 3118. P. 384.*

²³⁹ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 305–306.*

Ниже Фенисса вновь возвращается к этому сравнению с такой же категоричностью и нетерпимостью:

Se je vos aim et vos m'amez,
Ja n'en serez Tristanz clamez
Ne je ne serai ja Yseuz,
Car puis ne seroit l'amour preuz
Qu'il i avroit blasme ne vice.
Ja de mon cors n'avrez delice
Autre que vos or i avez
S'a apenser ne vos savez
Coment je puisse estre en emblee
De vostre uncle desasemlee
Si que ja mais ne me retruisse...²⁴⁰

Но даже если я любима,
Известный мне претит роман
Вы, слава Богу, не Тристан;
Отвергнута моей натурой
Любовь Изольды белокурой,
И кроме вас никто другой
Во век не насладится мной...²⁴¹

Поверить, что это говорит юная девушка, а не морализатор-Кретьен становится все сложнее, возникает чувство, что героиня пытается не столько убедить других, сколько самой поверить в свою правоту, непогрешимость и непохожесть на двух «скандальных» любовников, ставших притчей во языцех:

Ja ovec vos ensi n'irai,
Car lors seroit par tot le monde
Autresi com d'Yseut la Blonde
Et de Tristen de nos parlé.²⁴²

Изольде подражать не стану,
Вы тоже не чета Тристану.²⁴³

В «Клижесе» появится, даже дважды, и волшебное питье, сыгравшее поистине неоценимую роль в истории двух средневековых влюбленных, но вспомним в каких целях: первый раз – чтобы во время

²⁴⁰ *Chrétien de Troyes. Op.cit.* vv. 5195 – 5205. P. 448.

²⁴¹ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 368.*

²⁴² *Chrétien de Troyes. Op.cit.* vv. 5244 – 5247. P. 449–450.

²⁴³ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 370.*

брачной ночи опьянить наркотическим напитком короля Алиса, законного мужа Фениссы (и Кретьен испытывает настоящую радость при описании обманутого короля, употребляя развернутую анафору, начинающуюся словом «ничто», «neant»), второй – чтобы ввергнуть Фениссу в летаргический сон, таким образом обманув и убедив всех в ее смерти.

Мы не будем здесь подробно касаться вопроса о том, удалось ли Кретьену противопоставить Тристане и Изольде Клижеса и Фениссу, - история литературы сама дала на него красноречивый ответ.

Героиня Кретьена говорит много, ее речи полны риторики и патетики, но ее персонаж кажется искусственным и неживым, поскольку сам Кретьен говорит ее устами.

Не так в лэ Марии о Жимолости, единственном лэ, где французская поэтесса считает уместным показать слезы – слезы Тристана и королевы:

A tunc s'en part, sun ami lait ;
mes quant ceo vint al desevrer,
dunc comencierent a plurer.²⁴⁴

Приходит время расставанья,
И слезы в горький час прощанья
Влюбленные не могут скрыть.²⁴⁵

А когда в финальном эпизоде романа Кретьена Фениссу и Клижеса, подобно Изольде и Тристану, застают спящими, праведная Фенисса в страхе кричит:

Ele tressaut et si s'esveille
Et voit Bertran, si crie fort :
«Amis, amis! Nos sommes mort!
Vez ci Bertran! S'il vos eschape,
Chaü sommes en male trape,
Il dira qu'il nos a veüz».²⁴⁶

Кричит она: «Мой друг, беда!
Бертран пробрался к нам сюда,
Покуда мы беспечно спали.
Он улизнет, и мы пропали.
Конечно, выдаст нас пострел!»²⁴⁷

²⁴⁴ *Marie de France. Op.cit.* vv. 102 – 104. P. 266.

²⁴⁵ Стихотворный перевод принадлежит автору данной работы.

Чего же бояться нравственной и праведной Фениссе? Мы помним, как в подобной ситуации, в лесу Моруа, спали Тристан и Изольда – в одежде, разделенные мечом Тристана. Их вид смягчил даже Марка, увидевшего двух влюбленных и простивших их. Фенисса и Клижес спят нагие.

Итак, не остается сомнений в том, что Кретьен де Труа и Мария Французская излагали историю Тристана и Изольды совершенно различным образом.

Интертекстуальные связи прослеживаются, на наш взгляд, и между последним романом Кретьена и лэ Марии. Большинство критиков согласно с тем, что Кретьен де Труа пишет свой последний роман – «Персеваль, или Повесть о Граале» – около 1181 года²⁴⁸. К этому времени Кретьен уже мог познакомиться со сборником «Лэ» Марии, для которого *terminus ante quem* остается спорным, однако не выходит за пределы 1170-х годов²⁴⁹.

Как кажется, в этом романе Кретьен де Труа мог сослаться на один эпизод из лэ о «Соловье» Марии, уже упоминавшемся нами выше. Речь идет об эпизоде, в котором капля крови убитого злым мужем соловья окрашивает в алый цвет белую рубашку дамы. Посмотрим, как это описано у Марии Французской:

Sur la dame le cors geta,	Он бросил в даму тельце (убитого соловья, –
si que sun chainse ensanglenta	Н.Д.)
un poi desur le piz devant ²⁵⁰ .	Которое оставило пятно крови на рубашке

²⁴⁶ *Chrétien de Troyes. op.cit.* vv. 6386 – 6391. P. 485.

²⁴⁷ *Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М. 1980. С. 404.*

²⁴⁸ *Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. 1964 (1992). P. 276–277.*

²⁴⁹ *Burgess G.S. Op.cit.* P. 54.

²⁵⁰ *Marie de France. Op.cit.* vv. 117-119. P. 216.

дамы,

В том месте, где билось ее сердце.

Как писал Э. Хепфнер, «это пятно, каким бы маленьким оно ни было, [...] имеет, главным образом, символическое значение»²⁵¹. Не касаясь в общем виде ни масштабного вопроса о символизме средневековой литературы²⁵², ни того, что именно символизирует эта капля, подчеркнем, что сам эпизод, вне сомнений, символичен.

Как представляется, он мог служить отправной точкой для одной из сцен последнего романа Кретьена де Труа, – сцены, которая, пожалуй, является наиболее символической во всей французской литературе XII века.

Речь в ней идет о трех красных каплях крови убитой птицы, упавших на белый снег, при виде которых Персеваль в «Повести о Граале» вспоминает свою возлюбленную:

Qant Percevaus vit defolee
La noif sor coi la gente jut
Et lo sanc qui entor parut,
Si s'apoia desus sa lance
Por esgarder cele senblance.
Et li sanz et la nois ensamble
La fresche color li resamble
Qui est en la face s'amie,
Et panse tant que toz s'oblie,
Q'autresin estoit en son vis
Li vermauz sor lo blanc asis
Con ces .III. gotes de sanc furent

Когда Персеваль увидел следы на снегу,
В том месте, где лежал гусь,
И кровь, которая была повсюду,
Он опустил копье,
Чтобы посмотреть на это зрелище.
Поскольку кровь и снег
Напомнили ему свежий цвет
Лица его возлюбленной.
Задумавшись, он забыл обо всем.
Ведь точно так же у нее на лице
Алел красный цвет на белом фоне,
Как эти три капли крови на белом снегу.

²⁵¹ Hoepffner E. Op.cit. P. 142–143.

²⁵² О символизме средневековой литературы см., в частности: Ribard J. Le Moyen âge: littérature et symbolisme. P., 1984. P. 11.

Qui sor la blanche noif parurent²⁵³.

Итак, у обоих авторов красные капли крови, пролитые птицей, на белом фоне рубашки / снега, напоминают о любовных переживаниях героев. У Кретьена, вне сомнений, капли имеют метафорическое значение²⁵⁴.

Показательно, что анализируемый нами эпизод был широко известен и притягивал к себе внимание средневековых читателей, – именно его изобразил миниатюрист XIII века на одном из списков «Романе о Граале» (см. Приложение I).

Об этих трех каплях крови будет думать и современный французский писатель Кристиан Бобан²⁵⁵, создавая эти строки: «Три капли крови. Три красных слова на белом полотне жизни. [...] Поэзия начинается здесь, в этой главе, в конце XII века, на пятидесяти сантиметрах снега, в четырех фразах, в трех каплях крови. Поэзия, конец всех печалей, роза любви на снеге языка, цветок души на нити губ».

Говоря о последнем романе Кретьена де Труа, нельзя не сказать еще об одном возможном заимствовании из лэ Марии²⁵⁶. На этот раз речь идет не о мотиве, а всего лишь об одном слове – *surplus*.

В словаре Годфруа²⁵⁷ и Тоблер-Ломача²⁵⁸ мы можем найти перевод этого слова – «остальное», «то, что осталось», «(все) прочее».

²⁵³ *Chrétien de Troyes. Op.cit.* vv. 4128-4140. P. 1065.

²⁵⁴ См. предложенную Ж. Рибаром интерпретацию этого эпизода в цитируемой нами книге: *Ribard J. Op.cit.* P. 20-21.

²⁵⁵ Краткую информацию о нем см.: URL.: <http://www.evene.fr/celebre/biographie/christian-bobin-889.php>

²⁵⁶ Это наблюдение было высказано Мишелем Зэнком в его курсе лекций в Коллеж де Франс в 2008-2009 уч.г.

²⁵⁷ *Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle.* T. VI. Genève; P., 1982. P. 235-236.

Однако лучше понять значение этого слова нам поможет контекст, в котором употребляет его Кретьен. В начале романа мать Персеваля дает ему ряд наставлений, в числе прочих:

De pucele a molt qui la baisse.
Se lo baisier vos en consent,
Lo *soreplus* vos en desfant,
Se laisier lo volez por moi.²⁵⁹

Девушка позволяет многое тому, кто ее
целует,
Но даже если вы получите от нее поцелуй,
Остальное я Вам запрещаю,
Если Вам будет угодно отказаться от
этого ради меня.

Что касается Марии Французской, она уже успела поиграть с этим словом и его значением, используя тот же эвфемизм в той же ситуации, в лэ «Гижмар» :

Des ore est Guigemar a aise.
Ensemble gisent e parolent
e sovent baisent e acolent ;
bien lur covienge del *surplus*,
de ceo que li altre unt en us!²⁶⁰

Теперь Гижмар счастлив.
Они лежат в объятьях друг друга,
Обмениваются поцелуями и нежными
речами,
Что же касается остального, того, что
принято между влюбленными,
этим они и занимаются!

Итак, мы предположили, что Кретьен нашел это «остальное» в его специфическом эротическом значении у Марии²⁶¹. Однако и Мария Французская была не первой, кто употребил этот эвфемизм в литературе

²⁵⁸ Tobler-Lommatzsch A. Altfranzösisches Wörterbuch, bd I-XI, Weidmannsche Buchhandlung. Berlin, 1955-2002. P. 2018.

²⁵⁹ Chrétien de Troyes. *Op.cit.* vv. 510-513. P. 958.

²⁶⁰ Marie de France. *Op.cit.* vv. 530-534. P. 52.

²⁶¹ Ни в словаре Годфруа, ни в словаре Тоблер-Ломача не зафиксировано примера, в котором слово «surplus» имело бы такое специфическое эротическое значение, какое оно имеет в процитированных нами строках из Марии и Кретьена.

XII века. Скорее всего, она воспользовалась известной ей кансоной одного трубадура, некоторое время бывавшего при дворе Генриха II и посвящавшим свои песни Альеноре Аквитанской – Бернарта де Вентадорна.

О лирике трубадуров речь пойдет в следующей главе нашего исследования, пока же подведем промежуточные итоги.

Кретьен и Мария, два знаменитых автора XII века, жили во Франции и Англии, возможно, даже встречались. Их объединяет общность культурной атмосферы, царившей при дворе Генриха II, круг читательских интересов и писательских предпочтений.

В сборнике «Лэ» Марии Французской обнаруживаются многочисленные отсылки к произведениям Кретьена – в том числе несохранившимся; они позволяют рассматривать, среди прочего, некоторые повести Марии, посвященные сказочным превращениям людей в животных, как своеобразную «бретонскую» версию античных Овидиевских «Метаморфоз», переведенных молодым Кретьеном.

В свою очередь, Кретьен также не раз дает понять, что читал лэ Марии Французской; иной раз он прямо ссылается на лэ, как, например, в «Эреке и Эниде», иной раз развивает и усиливает встречающиеся в них образы и отдельные слова, как, например, в «Персевале», иной раз, как кажется, вступает с ней в полемику, как, например, в «Клижесе» или в несохранившемся романе о Тристане и Изольде.

ГЛАВА III

«Лэ» Марии Французской : бретонские сказания и влияние трубадуров

В этой главе мы продолжим исследование литературного контекста, в котором были созданы лэ Марии Французской, сопоставив их с лирическими поэмами ее современников – провансальских трубадуров. Бретонские сказания были известны в среде трубадуров. Так, Бернарт де Вентадорн упоминает веру бретонцев в грядущее возвращение короля Артура²⁶²; упоминает он и о своем «друге Тристане»²⁶³ и даже сравнивает силу своей любви с силой любви Тристана к белокурой Изольде, причем сравнение оказывается не в пользу последнего:

plus trac pena d'amor	Я страдаю из-за любви гораздо больше,
de Tristan l'amador,	Чем любовник Тристан, который
que.n sofri manhta dolor	Изведал столько мук
per Izeut la blonda. ²⁶⁴	Из-за Изольды Белокурой.

Подобным образом и Фолькет де Романс уверял, что Тристан никогда не любил прекрасную Изольду так, как он любит свою даму : «gez ainch no amet tan / Tristanz Ysolt la bella»²⁶⁵, – однако он идет еще дальше, ибо сравнивает себя не только с Тристаном, но и с Изольдой: «говоря по чести, я люблю Вас больше, / чем Изольда своего прекрасного

²⁶² «La dousa votz ai auzida» : Bernard de Ventadour. A bilingual edition of the songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston; New York., 1999. P.150.

²⁶³ *Op.cit.* P. 256.

²⁶⁴ *Op.cit.* P. 270.

²⁶⁵ *Falquet de Romans. L'œuvre poétique.* Aix-en-Provence., 1987. P. 62.

друга Тристана», «plus vos am ses engan / no fetz Yseutz son bon amic Tristan»²⁶⁶.

Пейре Видадь сравнивает себя с бретонцами, которые ждут и любят своего короля так же, как он ждет свою даму²⁶⁷; Маркабрюн сопоставляет себя с самим Артуром²⁶⁸; список можно продолжить.

Порой, однако, бретонские сказания вызывали у трубадуров насмешку и критику, о чем свидетельствуют несколько песен, в которых речь идет о бретонцах, короле Артур и других персонажах бретонского цикла. Так, Пейре Видадь в двух своих канцонах – «Ajostar e lassar» и «Pus tornatz sui en Proensa»²⁶⁹ пишет об уже упоминавшейся вере бретонцев в то, что король Артур не умер и однажды вернется к своему народу.

Все эти песни и встречающиеся в них имена Артура, Изольды и Тристана свидетельствуют, как кажется, что у трубадуров, как и у Марии Французской, бретонские сюжеты вызывали определенный интерес. Однако Мария, как нам представляется, была знакома не только с бретонскими сказаниями, но и с песнями нескольких провансальских поэтов – своих современников и – более того – испытывала их непосредственное влияние, отразившееся в ее сборнике «Лэ».

В заключительной части второй главы мы говорили о слове «surplus» – «остальное» в его эротическом значении у Марии Французской и Кретьена де Труа, предположив, что второй позаимствовал этот эвфемизм у первой. Сама Мария, скорее всего, нашла его в кансоне Бернарта де Вентадорна, бывавшего при дворе Генриха II и

²⁶⁶ *Op.cit.* P. 200.

²⁶⁷ *Peire Vidal. The songs.* N.Y., 2006. P. 39.

²⁶⁸ *Marcabru. A critical edition.* Cambridge, 2000. P. 84.

²⁶⁹ *The songs of Peire Vidal.* N.Y., 2006. P. 39, 62.

упоминавшего этого монарха в своих песнях²⁷⁰. Возможно, несколько песен Бернарта были посвящены жене Генриха, Альеноре, которую он называл в своих песнях «мой магнит», «Mos Azimans».

В кансоне «Be.m cuidei de chantar sofrir»²⁷¹ этот трубадур таким образом обращается к своей даме :

e car vos plac que.m fezetz tan d'onor
lo jorn que.m detz en baizan vostr' amor,
del *plus*, si.us platz, prendetz esgardamen.²⁷²

И поскольку Вам было угодно одарить
меня такой честью
В тот день, когда Вы подарили мне
поцелуй любви,
Подумайте, пожалуйста, и об остальном.

Бернарт с характерной для стиля некоторых трубадуров лаконичностью обходится лишь одним слогом («plus» вместо «surplus»), но налицо все слагаемые ситуации, обыгранной Марией и Кретьеном: употребление эвфемизма для обозначения соития и обязательное упоминание поцелуев, которые должны ему предшествовать.

Интересно отметить, что то же слово в той же ситуации появится еще раз у Пейре Видаля, который, видимо, позаимствовал этот мотив у своего старшего современника:

E.lh baizei a lairo
La boca e.l mento.
So n'ai agut e no mais re

И я украл у нее поцелуй,
В губы и подбородок,
Поэтому мне причитается нечто

²⁷⁰ « Si.l rei sui engles e.l ducs normans... », Bernart de Ventadorn. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston, New York. 1999. P.174.

²⁷¹ «Я так хотел удержаться от песни».

²⁷² *Bernart de Ventadorn*. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston; New York, 1999. P. 104.

E sui totz mortz, si.l *plus* rete.

большее,

И я умру, если она откажется от
остального.

Но вернемся к Марии и ее «surplus». Это слово еще раз встретится нам в сборнике «Лэ», в общем прологе, перевод и краткий анализ которого мы уже приводили во введении к данной работе. Процитируем еще раз интересующий нас фрагмент и уточним его перевод, чтобы понять, какое значение здесь вкладывает Мария Французская в слово «surplus»:

¹⁰Ceo tes[ti]moine Preciens,
Es livres ke jadis feseient
Assez oscurement diseient
Pur ceus ki a venir esteient
E ki aprendre les deveient,
K'i peüssent gloser la lettre
E de lur sen *le surplus* mettre.

Как свидетельствует Присциан,

В древние времена книги часто писались темно,

¹⁵Поскольку считалось, что потомки,

Которые будут по ним учиться,

Смогут их толковать и постичь их глубокий
смысл (дословно: «смогут обогатить их
дополнительным смыслом).

Как видим, на более поздней стадии (Мария писала общий пролог последним, после создания всех лэ) из эротической метафоры слово превращается в метафору познания и интерпретации: «высшее наслаждение», *le surplus*, которое достигается в половом акте, становится высшей точкой познания, достичь которую можно только в герменевтическом акте слияния новых авторов с авторами древними, слиянии, которое возможно лишь в акте толкования «новыми» автрами книг «древних», *li anciens*, и выходе через него в одновременность, «большое время», как сказал бы М.М. Бахтин.

Однако Марию Французскую и трубадуров связывает не только это слово. Уже в прологе к сборнику «Лэ», при описании короля Генриха II

Плантагенета, она оперирует ключевыми словами лирики трубадуров – здесь, в трех строках, их как минимум три : «pruz», «curteis», «joie».

En l'onur de vus, nobles reis,	Для вас, доблестный и любезный господин,
ki tant estes pruz e curteis,	Перед кем все склоняются с радостью...
a qui tute joie s'encline...	²⁷³

Все эти слова, как известно, чрезвычайно важны для поэтики трубадуров²⁷⁴, о чем нам еще представится случай говорить ниже. Пролог к сборнику лэ свидетельствует, таким образом, об осознанной ориентации Марии на провансальскую поэзию и систему куртуазных ценностей. Под влиянием провансальской поэзии Мария Французская, как можно предполагать, трансформирует свой материал, избавляясь от тех его черт, которые несут наиболее яркую, языческую окраску, и в то же время, вводит в «Лэ» ключевые термины куртуазной науки любви.

Более того: мы предполагаем, что Мария Французская обратилась к «бретонскому материалу», поскольку некоторые сюжетные элементы кельтских сказаний легко встраивались в систему куртуазных ценностей и представлений.

Мы проиллюстрируем эти тезисы, рассматривая ряд лэ Марии, с одной стороны, в их связи с кельтскими источниками, с другой, – в сопоставлении с поэмами трубадуров и другими произведениями куртуазной литературы, которые могли быть ей известны.

²⁷³ *Marie de France. Op.cit.* vv. 43-45. P. 24.

²⁷⁴ См., например: *Lazar M. Amours courtois et fin'Amors dans la littérature du XII siècle.* P., 1964; *Мейлах М.Б. Язык трубадуров.* М. 1975; *De Rougemont D., L'amour et l'Occident.* P., 1979 (2006).

Лэ о Ланвале называют «первым артуровским романом на французском языке»²⁷⁵. Речь здесь идет о том, что молодая прекрасная женщина влюбляется в рыцаря короля Артура и увозит его на прекрасный остров Авалон²⁷⁶. На первый взгляд может показаться, что перед нами квинтэссенция бретонских сказаний, не имеющая никакого отношения к лирике трубадуров. Действительно, любовь феи (жительницы сида – волшебного холма) к человеку – один из самых популярных мотивов ирландских сказаний²⁷⁷. Не вызывает сомнений сюжетное сходство этого лэ со скелами «Исчезновение Кондлы Прекрасного» (к Кондле, сыну

²⁷⁵ Hoepffner E. La géographie et l'histoire dans les Lais de Marie de France // Romania. 1930. Vol. 56. P. 25.

²⁷⁶ Интересно отметить, что подобный сюжет был широко распространен в народных шотландских балладах, посвященных поэту и пророку XIII века Томасу Рифмачу (Thomas the Rhymer). Вот что пишет об этом М.П. Алексеев: «...в основе этих баллад и всей легенды о Томасе Рифмаче лежат мотивы кельтских народных сказок. По этим легендам и балладам, Томаса уводит с собой королева фей. Томас садится на ее волшебного коня, и они вместе скачут по городам и долинам, проносятся через огромное озеро к распутию трех дорог, из которых одна ведет на небо, другая в ад, третья в королевство фей, страну вечной юности. Сюда, в эту обетованную страну, и увлекает Томаса королева фей, подобно тому, как в кельтских преданиях феи, полюбившие смертных, открывают им доступ в страну бессмертия и вечного блаженства...» (Цит. по: Алексеев М.П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М.: Высш. шк., 1984. С. 228-229). Баллады на этот сюжет («Томас-Рифмач», «Том Рифмач») можно найти в книге: Английская и шотландская народная баллада: Сборник. / сост. Л.М. Аринштейн. М., 1988. С. 153–157; др. перевод см. в книге: Воды Клайда: Английские и шотландские народные баллады и песни / пер. Игн. Ивановский. Л., 1987. С. 145–148.

²⁷⁷ См. следующие мотивы в «Указателе мотивов ранне-ирландской литературы» Кросса (*Cross T.P. Motif-index of Early Irish Literature. New York, 1969*): F300. «Брак или связь с феей» (р. 86), F302. «Любовница-фея» (р.256), «Фея в виде прекрасной молодой женщины» (р. 247), F234.2.5. F 302.30.1. «Фея навещает смертного и становится его любовницей» (р. 256), F304. «Сексуальные отношения с феей» (Р. 304).

короля Конна Ста Битв, приходит красавица, которой «не угрожают ни старость, ни смерть, и увлекает его в восхитительную страну, где живут только женщины и девушки»²⁷⁸), «Недуг уладов» (в дом к Крунху приходит прекрасная девушка, которая становится его женой и приносит ему богатство и счастье), «Болезнь Кухулина и единственная ревность Эмер» (Фея Фанд из чудесной страны сидов влюбляется в Кухулина).

Обстоятельства, в которых происходит встреча Ланваля с красавицей, также имеют кельтское происхождение. Опечаленный тем, что Артур не наделил его дарами, Ланваль отправляется на конную прогулку; он оказывается на прекрасном лугу и собирается отдохнуть у источника, причем его лошадь внезапно начинает сильно дрожать. Как известно, у кельтов вода часто является местом перехода в иной мир; в кельтской мифологии большую роль играют женские божества воды, на что указывал еще Т.П.Кросс²⁷⁹. Странное поведение лошади говорит о приближении потустороннего существа, и действительно, через некоторое время Ланваль видит двух прекрасных девушек, приближающихся к нему со стороны реки²⁸⁰. Это посланницы, которые отводят рыцаря в шатер своей госпожи, ибо она желает подарить Ланвалю свою любовь. Подобную ситуацию мы встречаем в ирландской саге «Болезнь Кухулина и единственная ревность Эмер», когда заснувшему Кухулину также являются две женщины, – служанки феи Фанд, которая его полюбила.

Став возлюбленной Ланваля, дама делает ему подарки²⁸¹ и дает обещание: когда бы он ни захотел встретиться с ней, она тут же появится

¹²⁷ Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М., 2005. С. 258

²⁷⁹ Cross T. P. "The celtic elements in the lays of Lanval and Graelant", *Modern Philology*. 12. 1915. P. 16.

²⁸⁰ См. в указателе Кросса мотив F 265.1. «Фея у брода» (р. 254).

²⁸¹ В указателе Кросса: мотив F340. «Дары от фей» (р. 177), F 342. «Человек получает деньги от фей» (р. 260), F 343.5. «Фея дает прекрасную одежду» (р. 261).

и выполнит любое его желание. Подобное обещание дает Кухулину и фея Фанд: «Куда бы ты ни призвал меня на свиданье любви, я приду»²⁸². Однако красавица предостерегает рыцаря: он не должен рассказывать никому о ней и их любви²⁸³. Т.П. Кросс видит в словах дамы намек на ирландский гейс и считает, что «...присутствие табу на имя в ранней кельтской литературе и бретонских лэ очевидно показывает кельтское влияние...»²⁸⁴.

Далее Мария рассказывает, при каких обстоятельствах рыцарь нарушает запрет. Возлюбленная Ланваля, в которой Кросс видит «оскорбленную фею» из ранней кельтской литературы, исчезает²⁸⁵. В финале красавица тем не менее прощает Ланваля и вместе, верхом на белой лошади, они отправляются на остров Авалон²⁸⁶. Кросс отмечает, что «мотив оскорбленной феи существует в ранней кельтской литературе как независимо, так и в комбинации с мотивом путешествия в иной мир»²⁸⁷. Потусторонний мир у кельтов (Авалон, «Страна яблок», «Стеклянный остров», «Страна женщин», «Страна юных») чаще всего расположен на островах; чтобы туда попасть, надо пройти водную преграду.

Итак, «визит феи в мир смертных в поисках возлюбленного, ее разговор с ним, ее странный приказ, ее связь с водой [...], ее

²⁰⁵ Саги об уладах. М., 2004. С. 174.

²⁸³ В указателе мотивов: С435.1. «Табу на произнесение имени сверхъестественной жены» (р. 90), С 999. 1.1.4. «Табу, наложенное феей» (р. 103).

²⁸⁴ Cross T.P. The celtic elements in the lays of Lanval and Graellant // Modern Philology. 1915. Vol.12. P.44.

²⁸⁵ Указатель мотивов: F302.5.4. «Любовница-фея покидает мужчину, когда он нарушает табу» (Р. 258).

²⁸⁶ Там же: F 66. «Путешествие в иной мир верхом на лошади» (р. 228), F 213. «Страна фей на острове» (р. 244), F 234.2.7. «Фея как проводник в страну фей» (р. 248), F 370. «Визит в страну фей» (Р. 264)

²⁸⁷ *Op.cit.* P. 9.

необыкновенная щедрость, пренебрежение ее предупреждением, [...], исчезновение и последующее раскаяние возлюбленного, наконец, финальное возвращение и отъезд в Иной мир вместе с возлюбленным [...] – все это может быть отнесено к ранней кельтской традиции»²⁸⁸; таков вывод, который делает Кросс и ряд других исследователей²⁸⁹.

То, что вышеперечисленные мотивы, например, мотив оскорбленной феи (богини) встречается и в ранних литературах Индии, Греции, Италии, отмечал еще Кросс²⁹⁰, хотя ни у кого не возникает сомнений в том, что Мария, как и ее современник Кретьен де Труа, вдохновились именно кельтским фольклором, в котором находят свои корни и роман о Тристане, и знаменитые романы «артуровского цикла»²⁹¹.

Сходство кельтских мотивов, содержащихся в лэ о Ланвале, с фольклором других стран обусловлено, на наш взгляд, немаркированностью, стертойостью их собственно бретонского колорита. Можно ли предположить, что сведения о кельтской мифологии, которыми располагала Мария, были ограничены и скудны? В пользу такого предположения говорит, как кажется, предельная краткость, с которой Мария описывает остров Авалон: «un isle qui mult est beals»²⁹² (она использует неопределенный артикль и немаркированное определение, которое может сопровождать в других лэ описание девушки («une fille bele»), а также рыцаря и возлюбленного («bon chevalier», «beus amis»)) или тот факт, что Мария называет подругу Ланваля лишь «*dame*»

²⁸⁸ *Op.cit.* P. 60.

²⁸⁹ См.: Ménard Ph. *Op.cit.*; Mickel E.J. *Op.cit.*; Jasinski R. Histoire de la littérature française. T. 1er. P., 1965. P. 22-23 etc.

²⁹⁰ Cross T.P. The celtic elements in the lays of Lanval and Graelant // Modern Philology. 1915. Vol.12. P.4 (588).

²⁹¹ См., например, книгу Е.М. Мелетинского: Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983.

²⁹² «Остров, который так прекрасен» (*Marie de France, op.cit.* v. 661. P. 166).

и «*dameisele*», но никогда не «феей», как делают современные исследователи, надо сказать, не без оснований.

В кельтских сагах, однако, не раз встречаются куда более подробные описания Авалона – этого языческого «рая», где нет ни горя, ни бед, ни смерти, где вечно юные герои находят любовь и забвение бед. Такое описание есть и в саге «Плавание Брана, сына Фебала», и в саге «Сватовство к Этайн». Как рассказывается в саге «Приключения Кормака в обетованной стране», там «царит лишь одна правда, ... нет ни старости, ни дряхлости, ни печали, ни горести, ни зависти, ни ревности, ни злобы, ни надменности»²⁹³. Лойг, возница Кухулина, описывает страну феи Фанд следующим образом:

«Видел страну я добрую, светлую,
Нет там обмана, и ложь неведома
.....
На пиру я видел много милых женщин,
Много девушек, прекрасных собою.
А на охоте, средь холмов лесистых,
Там состязались красивые юноши.
В доме – много певцов и музыкантов
Для увеселенья женщин и девушек»²⁹⁴.

Даже если Мария не слышала этих описаний Авалона от бродячих кельтских певцов, она могла получить их из письменных источников, – в том числе из книги Гальфрида Монмутского, который в «Жизни Мерлина» описывает Авалон следующим образом:

«Остров Плодов, который еще именуют Счастливым,
Назван так, ибо все само собой там рождается.

²⁹³ Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С.689.

²⁹⁴ Саги об уладах. М., 2004. С. 167–168.

Нужды там нет, чтобы пахарь поля взрывал бороздами,
 Нет земледелия там: все сама дарует природа.
 Сами собою растут и обильные злаки, и гроздья,
 Сами родятся плоды в лесах на раскидистых ветках.
 Все в изобилие земля, как траву, сама производит.
 Сто и более лет продолжается жизнь человека»²⁹⁵.

Итак, едва ли следует считать, что Мария вовсе ничего не знала о чудесном острове. По какой же причине ее описание столь лаконично?

На этот вопрос можно предложить два ответа. Первый как будто лежит на поверхности: Мария Французская пишет свои лэ в середине XII века, она христианка и, напомним, по одной из версий, в конце жизни стала настоятельницей монастыря²⁹⁶. Естественно, что она убирает все указания на связь Авалона с языческими представлениями древних кельтов о загробном мире, которые нашли отражение в сагах, а также в произведениях Гальфрида Монмутского и Васа. Однако только лишь христианским благочестием можно объяснить немногословность Марии?

Мария Французская, в эпилоге лэ об Элидюке, наделила древних бретонцев эпитетом «куртуазные»: «*li anciën Bretun curteis*». Логичным кажется предположить, что «куртуазным» она делает и «бретонский материал». Несомненное влияние куртуазных представлений и провансальской поэзии заметно и в анализируемом лэ о Ланвале, – несмотря на то, что оно, как мы отметили выше, многим обязано кельтским сказаниям.

Так, не будет преувеличением сказать, что Ланваль представлен как истинный куртуазный влюбленный. Он обладает доблестью (*valor*), храбростью (*prüesce*), физической красотой (*beauté*) и одной из главных куртуазных добродетелей – щедростью (*largesce*), в которой ему уступает

²⁹⁵ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 157.

²⁹⁶ Dictionnaire des lettres françaises. Vol. 4. Le Moyen Age. P. 499.

сам король Артур, забывший наградить этого рыцаря при раздаче даров. Используя анафору, Мария акцентирует наше внимание на этом качестве своего героя:

Lanval donout les riches duns,	Ланваль делал богатые дары,
Lanval aquitout les prisuns,	Ланваль освобождал должников,
Lanval vesteit les jungleürs,	Ланваль дарил одеяния жонглерам,
Lanval faiseit les granz honurs,	Ланваль совершал великие благодеяния,
Lanval despendeit largement,	Ланваль щедро тратил деньги,
Lanval donout or e argent:	Ланваль раздавал золото и серебро:
n'i ot estrange ne privé	Не было ни чужих людей, ни близких,
a ki Lanval n'eüst doné ²⁹⁷ .	которых Ланваль не одарил бы.

Любовь проникает в сердце Ланваля, так сказать, по куртуазным правилам: подобно трубадурам, он созерцает даму и восхищается ее телесной красотой, вовсе не упоминая о ее моральных качествах²⁹⁸. Точно таким же образом Ланваль восхищается «прекрасным и благородным станом»²⁹⁹, своей возлюбленной, чье лицо, шея и грудь были «белее цветов боярышника»³⁰⁰:

²⁹⁷ *Marie de France. Op.cit.* vv. 209-216. P. 144.

²⁹⁸ М. Лазар отметил, что моральные качества дамы для трубадуров по большей части не имели значения, поэтому они не находят отражения в провансальской лирике. Наиболее важным для них был «эстетический» элемент: именно «созерцание тела дамы, сверкающей белизны ее кожи, волнующей сладости ее взора рождает в сердце любовь...» (*Lazar M. Op.cit.* P. 64). Об этом же пишет Жак Ветштайн: «Трубадуры вдохновляются эстетикой Августина, но меняют соотношение между красотой и добродетелью; красота для них важнее всего, а добродетель становится лишь формой, способом сделать ее еще более выдающейся», см.: *Wettstein J. «Mezura». L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects. Genève, 1974. P. 84–85*; ср. также ниже: «трубадуры больше не обращают внимание на добродетель, для них на первом плане находится красота», *Op.cit.* P. 88.

²⁹⁹ «le cors bien fait e gent»

³⁰⁰ «Le vis, le col e la peitrine; // Plus ert blanche que flur d'espine»

Il l'esgarda, si la vit bele;
 Amurs le puint de l'estencele,
 Que sun quor alume e esprent.
 Il li respunt avenantment.
 «Bele, fet il, si vus pleiseit
 E cele joie me aveneit
 Que vus me vousissez amer,
 Ne savrïez rien commander
 Que jeo ne face a mien poeir,
 Turt a folie u a saveir.
 Jeo f[e]rai voz comandemenz...»³⁰¹

Он смотрел на нее и восхищался ее
 красотой;
 Искра любви зажгла Ланваля
 И воспламенила его сердце.
 Он любезно ответил ей:
 «Красавица, если таково ваше желание,
 И вы готовы доставить мне такую
 радость,
 Полюбив меня,
 Я буду исполнять все, что вы мне
 прикажете,
 Сделаю все, что смогу,
 Будь то глупо или умно.
 Я выполню любые ваши приказания...

Как и трубадур, Ланваль предлагает даме «служение», он готов исполнять любые ее приказания. Примеры такого поведения влюбленного бесчисленны в провансальской лирике, где поэт всегда предстает «вассалом» своей дамы, которая часто и зовется «сеньором» трубадура³⁰². Обратим внимание, что Мария использует здесь одно из ключевых слов поэзии трубадуров: «joie» (старопрованс. «joу») – «радость». «Радость» для трубадура – это и любовная страсть, и сладостное ощущение, рождающееся от взгляда или поцелуя дамы, радость – это то синоним

³⁰¹ Marie de France. Op.cit. vv. 117-127. P. 140.

³⁰² Такая «феодализация» любви, многочисленные примеры которой мы находим в лирике трубадуров, позволила ряду ученых выдвинуть «феодально-социологическую» теорию происхождения fin'amors трубадуров - см., например, Jackson W.T.H. The Literature of the Middle Ages. N.Y., 1960; на русском языке кратко об этом: Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2006., - С. 253; Матюшина И.Г. Древнейшая лирика Европы. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. С. 361-362.

самой любви, то синоним дамы, то синоним эротического наслаждения (к этому термину и его значениям мы еще вернемся)³⁰³.

О чем же мечтает «куртуазный влюбленный»? Судя по песням трубадуров, он мечтает о тайной встрече с дамой, как пишет М. Лазар: «...провести ночь с обнаженной дамой, в глубине ее алькова, ласкать ее белую кожу, целовать и обнимать ее прекрасное тело...»³⁰⁴. То же можно сказать и про Ланваля:

Mult li est tart	Ему не терпелось
que s'amie puisse tenir,	сжать в объятиях свою подругу,
baisier, acoler e sentir... ³⁰⁵	целовать, обнимать, чувствовать ее близость...

Впоследствии Ланваль отвергает любовь, предложенную ему самой королевой Гениеврой, что приводит его к утрате возлюбленной, поскольку он вынужден нарушить обещание и рассказать королеве о своей «фее». Как мы помним, Кросс видел причину исчезновения красавицы в нарушении гейса, однако, возможно, причину не следует искать так далеко, – ведь одно из главных правил *fin'amors* запрещает разглашать тайну своей любви, ибо, как свидетельствует Андрей Капеллан: «Любовь разглашенная редко долговечна»³⁰⁶. Андрею

³⁰³ Lazar M. *Op.cit.* P. 107; Wettstein J. «Mezura». *L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects.* Genève.1974. P. 91.

³⁰⁴ *Op.cit.* P. 133.

³⁰⁵ *Marie de France. Op.cit.* vv. 256-258. P. 146.

³⁰⁶ Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 400. В своем знаменитом трактате (с. 394) Андрей Капеллан приводит такой интересный для нас случай: Некоторый рыцарь разгласил постыдным образом сокровенные тайны своей любви. На сей поступок все, ратующие в стране любви, стали вызывать о суровейшем возмездии, да не станет безнаказанность столь великого вероломства примером для других.

Посему, в Гаскони собравшись, суд высоких дам единым гласом определил во веки веков быть тому рыцарю отказану в надеждах на любовь и быть ему от всякого схода рыцарей и дам в поношении и поругании. Если же какая женщина посмеет преступить сей приговор высоких дам, ущедривши его своею любовью, то да будет и

Капеллану вторят многие трубадуры: Бернарт де Вентадорн, Арнаут Даниэль, Арнаут де Маройль, Гийом де Кабестань, Пьер Раймон, и, отчасти, Жираут де Борнейль³⁰⁷. Итак, не исключено, что некоторые «кельтские», бретонские мотивы оказались привлекательными для Марии благодаря роли, которую женщина играла в кельтском обществе, – отразившейся в «кельтском» фольклоре и ранней кельтской литературе³⁰⁸. В этом отношении кельтские сказания созвучны поэзии трубадуров и куртуазному обществу XII века. Вслед за трубадурами Мария Французская начинает осознавать роль женщины в любовных отношениях, в ее лэ бретонские по происхождению сюжеты и концепция любви трубадуров не вступают в противоречие, но, наоборот, гармонически сочетаются. Можно предположить, кроме того, что не только христианская религия, но и влияние куртуазной культуры, а также и внимание к придворному этикету XII века заставляли Марию определенным образом смещать акценты в своих лэ.

В следующем лэ Марии Французской – лэ об Элидюке – куртуазные представления и система ценностей сходным образом накладываются на кельтский по происхождению сюжет. Как и подруга Ланваля, главная героиня этого лэ, прекрасная Гиядон первая влюбляется в Элидюка, который был «*curteis e sage, / Beau chevalier [e] pruz e large*»³⁰⁹, то есть обладал все тем же «набором» куртуазных добродетелей. Принцесса услышала (как и герои фольклорных

на ней вовеки та вина и да будет она оттоле ненавистна всем достойным женщинам (пер. М.Л. Гаспарова).

³⁰⁷ Wettstein J. «Mezura». L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects. Genève., 1974. P. 16.

³⁰⁸ См., например, главу «Женщина в кельтском мире» в кн.: Бондаренко Г.В. Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007. С. 195–216.

³⁰⁹ Куртуазен и разумен, прекрасный рыцарь, храбрый и щедрый. (*Marie de France*. Op.cit. vv. 271–272. P. 282.

произведений) об Элидюке и его славе: «La fille al rei l'oï numer / E les biens de lui recunter», а затем пригласила его к себе:

Icele l'a mult esguardé,
 sun vis, sun cors e sun semblant;
 dit: en lui n'a mes avenant.
 Forment le prise en sun curage.
 Amurs i lance sun message
 ki la somunt de lui amer;
 palir la fist e suspirer.
 Mes el nel volt metre a raisun,
 qu'il ne li turt a mesprisun.³¹⁰

Она внимательно рассмотрела
 Его лицо, стан и внешность,
 Сказала, что ей все нравится,
 По достоинству оценила его вид.
 Любовь отправила ей послание,
 О том, что она предписывает любить его;
 Девушка сделалась бледна и вздыхала,
 Но она не хотела ему признаваться,
 Опасаясь, как бы Элидюк не пренебрег
 ею.

Как в лирике трубадуров, так и в лэ Марии для возникновения любви между героями большое значение имеет их физическая красота. Небезынтересно отметить, что в этом фрагменте Мария, как, впоследствии, авторы аллегорического «Романа о Розе», олицетворяет любовь, которая и отправляет Гиядон послание.

Как и трубадуры, Мария описывает страдания влюбленных: девушка бледнеет и вздыхает; ее мучает бессонница: «Unkes anuit nen oï repes, / ne pur dormir les uiz ne clos»³¹¹. Как свидетельствует Андрей Капеллан в своем трактате «О любви», «кто терзается любовным помыслом, тот мало спит...», так что и в этом поведение принцессы соответствует поведению «куртуазной влюбленной».

Элидюк, со своей стороны, становится

Tuz est murnes e trespensez;
 pur la bele est en grant esfrei,
 la fille sun seignur le rei,

... мрачен и удручен;
 Он расстроен из-за красавицы,
 Дочери его сеньора короля,

³¹⁰ *Marie de France*. Op.cit. vv. 300-308. P. 284.

³¹¹ *Marie de France*. Op.cit. vv. 341-342. P. 286.

ki tant dulcement l'apela,
e de ceo qu'ele suspira.³¹²

Которая так сладко с ним говорила
И вздыхала из-за него.

Как и в «Ланвале», прекрасная принцесса снова выступает активной стороной в любовных отношениях, мечтая, что Элидюк станет ее «любовником»: «La pucele ki l'ot veü / Vodra de lui fere sun dru»³¹³, – здесь важно обратить внимание на эротический характер любви, о котором мечтает девушка, поскольку слово, которое она употребляет, то же самое, что употребила и Гениевра, делая, как мы помним, Ланвалю предложение стать его возлюбленной, - слово «dru». Это слово (и однокоренное существительное – «drüerie») имеют, в числе прочих, следующие значения: «любовник», «любовная связь», «развлечение», «ухаживание»³¹⁴.

Как трубадуры в своих песнях, так и Мария Французская в своих лэ большое внимание начинает уделять описаниям чувств героев, их мыслям и переживаниям.

Так, в лэ об Элидюке Мария вводит пространные внутренние монологи своих героев, отражающие их смятение и переживание неизведанного до ныне любовного чувства:

«...jeo eim le novel soldeier,
Eliduc, le bon chevalier. [...]
Se par amur me vuelt amer
e de sun cors asseürer,
jeo ferai trestut sun plaisir,
si l'en puet granz biens avenir;
de ceste terre sera reis.

Я люблю нового вассала,
Элидюка, хорошего рыцаря. [...]
Если он хочет любить меня
И довериться мне,
Я доставлю ему удовольствие,
И у него будет много благ:
Он станет королем этих земель.

³¹² *Marie de France*. Op.cit. vv. 314–318. P. 284.

³¹³ «Девушка, которая его увидела, //Захотела сделать (рыцаря) своим любовником» (*Marie de France*. Op.cit. vv. 326–327. P. 286.)

³¹⁴ Tobler-Lommatzsch. Op.cit. P. 2087-2090.

Tant par est sages e curteis,
 que, s'il ne m'aime par amur,
 murir m'estuet a grant dolor.[...]
 Lasse! cum est mis quers suzpris
 pur un hume d'altre païs!
 Ne sai s'il est de halte gent,
 si s'en ira hastivement;
 jeo remeindrai cume dolente.
 Folement ai mise m'entente.
 Unkes mes n'i parlai fors ier
 e or le faz d'amer preier.
 Jeo quid que il me blasmera;
 S'il est curteis, gre me savra...»³¹⁵.

Он так разумен и куртуазен,
 Что, если он не полюбит меня,
 Мне останется лишь умереть от большого
 горя.[...]
 О, как томится мое сердце
 По мужчине из чужой страны!
 Не знаю, благородного ли он
 происхождения,
 Он так быстро ушел,
 А я осталась печалиться.
 Безумие слушать себя.
 Я говорила с ним лишь раз, вчера,
 А сейчас прошу его о любви.
 Я думаю, он осудит меня.
 Но если он куртуазен, доверюсь ему.

А вот что чувствует Элидюк:

Mult se teneit a malbailli,
 kar a sa femme aveit premis,
 ainz qu'il turnast de sun païs,
 que il n'amereit se li nun.
 Ore est sis quers en grant prisun.
 Sa leialté voleit garder;
 mes ne s'en puet nient oster
 que il nen eimt la dameisele,
 Guilliadun, que tant fu bele,
 de li veeir e de parlere
 e de baisier e d'acoler;
 mes ja ne li querra amur
 ki li aturt a deshonor,
 tant pur sa femme garder fei,
 tant pur ceo qu'il est od le rei.³¹⁶

Он был очень несчастен,
 Так как обещал своей жене,
 Перед отъездом из своей страны,
 Что не будет никого любить, кроме нее.
 Но сейчас его сердце в плену:
 Он хочет сохранить верность,
 Но не может удержаться
 От любви к Гиядон,
 Девушке, котороая столь прекрасна;
 От того, чтобы ее видеть и с ней говорить,
 И целовать ее, и сжимать в объятьях.
 Но он никогда не попросит ее любви,
 Которая принесет ей бесчестье,
 Так как он хранит верность своей жене
 И королю.

³¹⁵ *Marie de France. Op.cit.*, vv. 339-396. P. 286-288.

Известно, что любовь, воспеваемая трубадурами, это любовь-адюльтер, которая невозможна между супругами, но всегда возникает между замужней дамой и воспеваящим ее рыцарем-трубадуром. Свидетельство этому – все провансальские песни; об этом же пишет и Андрей Капеллан в уже цитированном нами выше трактате: «...liquide constet inter virum et uxorem amorem sibi locum vindicare non posse»³¹⁷ («достоверно известно, что между мужем и женой любовь не может иметь место»). В лирике трубадуров *fin'amors* всегда противопоставлена отношениям между супругами. В определенном смысле любовь между Элидюком и Гиядон отвечает этим требованиям, хотя вместо традиционной для куртуазной литературы пары влюбленных – замужней дамы и не связанного узами брака трубадура, воспевającego ее и молящего о снисхождении и «радости», – в «Элидюке» мы встречаем женатого рыцаря и девушку, которая открывает ему свое чувство и мечтает о его любви.

Итак, как видим, многое в отношениях между влюбленными можно объяснить влиянием лирики трубадуров и придворного этикета XII века. Чувство Элидюка и Гиядон изначально носит характер адюльтера, его описание повторяют традиционные описания лирики трубадуров: мотив любовного страдания и любовной муки, включающую потерю сна, бледность, задумчивость и печаль, метафора любовного плена, чувственный характер любви (мечты Элидюка подобны мечтам Ланваля; и те, и другие согласуются с теми пожеланиями, которые высказывали трубадуры).

³¹⁶ *Marie de France. Op.cit. vv. 462-476. P. 292.*

³¹⁷ *Andreas Capellanus. De Amore Liber Primus. URL.: <http://www.thelatinlibrary.com/capellanus.html>*

В то же время героиня «Элидюка» мечтает о законном браке: «*ele l'amie de tel amur, / de lui vult faire sun seignur...*»³¹⁸ (она не знает, что у ее возлюбленного уже есть жена); это полностью противоречит концепции *fin'amors*, но является единственно приемлемым для христианского общества. И если Элидюка можно обвинить в грехе двоеженства, то его первая жена, «скромная» Гийделюэк, являет нам пример истинно христианского поведения, смирения и кротости. Она, видя, как Элидюк мучается и страдает, решает уйти в монастырь, давая возможность влюбленным быть вместе и жить в законном браке. Прожив, таким образом, вместе долгие счастливые годы, Элидюк и Гиядон в конце жизни также уходят в монастырь. Женщины молятся за него, он – за них. И, как свидетельствует Мария:

Mult se pena chescuns pur sei
de Deu amer par bone fei
e mult par firent bele fin,
la merci Deu, le veir devin!³¹⁹

Каждый старался
Искренне любить Бога;
И прекрасна была их кончина,
По милости Бога, которому только лишь и
известно грядущее.

Такое решение, казалось бы, неразрешимого любовного конфликта обуславливается влиянием христианства, которое не избежали ни лэ Марии Французской, ни романы ее современника Кретьена де Труа³²⁰. Однако основное внимание в лэ об Элидюке Мария уделяет описаниям чувств героев, процессу зарождения любви и анализу любовных переживаний Гиядон и ее возлюбленного, – в этом отношении влияние поэзии трубадуров на Марию Французскую не вызывает сомнения.

³¹⁸ «Она так любит его, что хочет стать его женой» (*Marie de France. Op.cit.* vv. 513-514. P. 294).

³¹⁹ *Marie de France. Op.cit.* vv. 1177-1180. P. 326.

³²⁰ См. в этой связи анализ его романов М. Лазара – Lazar M. *Op.cit.* P. 199-248.

Выводы, к которым мы пришли анализируя лэ о Ланвале и лэ об Элидюке, находят подтверждение и в лэ об Эквитане.

Здесь перед нами король, «*ki mult fu curteis*»³²¹. Характеризуя далее Эквитана, Мария делает важное замечание: «*Cil metent lur vie en nuncure / ki d'amer n'unt sen ne mesure...*»³²² («Кто безрассуден и неумерен в любви, тот не дорожит жизнью»). Обратим внимание, что она использует слово «*mesure*» («мера»). Как известно, мера («*Mezura*» на языке трубадуров) – одна из важнейших ценностей куртуазного универсума: «Кардинальная добродетель куртуазной личности определяется этико-интеллектуальной категорией *Mezura*, которая, отождествляясь с самим понятием *Cortezia*, регулирует весь комплекс куртуазного поведения»³²³.

Итак, настоящий куртуазный влюбленный должен обладать мерой; как пишет М. Лазар «нельзя быть куртуазным, не сохраняя меры во всех вещах»³²⁴. Практически все трубадуры воспевают Мерию в любви, в отношениях с Дамой, в поведении... А, например, для Фольке из Марселя сама Куртуазия есть ни что иное, как Мера³²⁵. Напротив, главный герой нашего лэ не умеет соблюдать «меру». Ниже мы увидим, к чему приведет его этот недостаток.

Как и «фея» из «Ланваля», король Эквитан влюбляется в жену своего сенешаля «заочно», ни разу не видя предмет своей страсти; как и трубадур, король мечтает о прекрасной замужней даме: в этом отношении чувство короля согласуется с куртуазной концепцией истинной любви (*fin'amors*) трубадуров, которая, напомним, может

³²¹ «который был очень куртуазен» (*Marie de France. Op.cit. v. 11. P. 72*).

³²² *Marie de France. Op.cit. vv. 17-18. P. 72*.

³²³ *Мейлах М.Б. Язык трубадуров. М., 1975. С. 96; Wettstein J. «Mezura». L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects. Genève., 1974. Ветштайн показывает, чем «Мера» трубадуров отличается от одной из главных христианских добродетелей.*

³²⁴ *Lazar M. Op.cit. P. 29*.

³²⁵ См. *Lazar M. Op. cit. P. 28*.

существовать только как адюльтер. Возлюбленная короля, подобно идеальной даме трубадура, обладает несравненной физической красотой; это совершенное творение, созданное Природой³²⁶:

La dame ert bele durement
e de mult bon afaitement.
Gent cors out e bele faiture;
en li former uvra nature.
Les uiz out vairs e bele le vis,
bele buche, nes bien asis, [...]
El reialme n'aveit sa per³²⁷.

Дама была очень красива
и обхождение ее было безупречным.
По милости природы
она была прекрасно и ладно сложена;
У нее были ясные глаза и красивое лицо,
Прелестный рот и изящный нос. [...]
В целом королевстве не было ей равных.

Таким образом, влюбленные в лэ «Эквитан», с точки зрения куртуазии и канонов лирики трубадуров, представляют идеальную пару.

Как и в «Элидюке», в «Эквитане» используется типичный для средневековой куртуазной литературы прием олицетворения:

Amurs l'a mis en sa maisniee.
Une saiete a vers lui traite,
ki mult grant plaie li a faite:
el quer li a lanciee e mise.
N'i a mestier sens ne cointise:
pur la dame l'a si suzpris,
tuz en est murnes e pensis.
Or l'i estuet del tut entendre,
ne se purra nient defendre.
La nuit ne dort ne ne repose,
mes sei meisme blasme e chose³²⁸.

Любовь включила Эквитана в свою свиту,
Поразила стрелой,
Которая нанесла ему глубокую рану,
Попала в самое сердце.
Рассудок оказался для него бесполезен,
Он был настолько поражен красотой
дамы,
Что стал печален и задумчив.
Теперь он должен ей полностью
покориться,
Эквитан не сможет освободиться из этого

³²⁶ Ср., в этой связи, описание Дамы Арно де Марьюэля: «...Дама, самое прекрасное творение, которое Природа когда-либо создавала...». Op.cit. P.70.

³²⁷ *Marie de France*. Op.cit. vv. 31-41. P. 72-74.

³²⁸ *Marie de France*. Op.cit. vv. 58-78. P. 74.

плена.

Ночью он не спит и не пребывает в покое,
Но лишь корит себя самого.

В приведенной цитате мы видим, кроме того, типичные для лирики трубадуров и лэ Марии Французской метафоры любовной раны и любовного плена, мотив служения Даме и любовной муки, которая лишает героя сна, делает печальным и задумчивым.

Для большинства лэ Марии характерно наличие пространственных внутренних монологов героев, – так, в лэ об Эквитане король ночью произносит длинный внутренний монолог, который свидетельствует о пробуждающемся интересе Марии к описанию внутренней жизни своих героев, их чувств и переживаний:

«Pur ceste dame qu'ai veüe
m'est une anguisse el quer ferue,
ki tut le cors me fet trembler.
Jeo quit que mei l'estuet amer.
E se jo l'aim, jeo ferai mal:
ceo est la femme al seneschal. [...]
Se par nul engin le saveit,
bien sai que mult l'en pesereit.
Mes nepurquant pis iert asez
que jeo pur li seie afolez.
Si bele dame tant mar fust,
s'ele n'amast u dru eüst!
Que devendreit sa curteisie,
s'ele n'amast de drüerie? [...]
Li seneschals se l'ot cunter,
ne l'en deit mie trop peser;
suls ne la puet il pas tenir:
certes, jeo vueil a li partir!" [...]
...De quei

«Из-за увиденной мною дамы,
Мое сердце испытывает страшную муку,
Которая заставляет меня дрожать.
Я знаю, что не могу не любить ее.
Но если я буду ее любить, я сделаю
дурной поступок:
Это жена моего сенешаля. [...]
Если он тем или иным образом об этом
узнает,
Конечно, очень опечалится.
Однако будет еще хуже,
Если из-за этого я сойду с ума.
Какое несчастье для такой прекрасной
дамы
Не любить и не иметь любовника!
К чему ей ее любезность,
Если у нее не будет возлюбленного? [...]
Если сенешалю расскажут обо всем этом,
Он не должен будет сильно страдать.

sui en estrif e en esfrei?
 Uncor ne sai ne n'ai seü
 s'ele fereit de mei sun dru; [...]
 E Deus! Tant a de ci qu'al jur!»³²⁹

Нельзя хранить даму только для себя,
 Я желаю разделить ее с ним" [...]
 "Почему я так смущен и мучаюсь?
 Я еще не знаю и не узнал,
 Готова ли она сделать меня своим
 любовником [...]
 О, Боже! Как день еще далек!"

Этот монолог напоминает о кансонах трубадуров, обращающимся к своим дамам, поскольку и в провансальской лирике разрабатываются две основополагающие темы: любовное страдание и радость от любви³³⁰. Мы видим, что Эквитан страдает почти физически: как и у трубадура, любовь вызывает у короля дрожь и озноб. Такое «симптоматическое» описание чувств героев, в средневековой литературе, характерное, как известно, для исландских родовых саг, показывает, что авторы XII века еще только учатся фиксировать психологические переживания, лежащие в глубинах человеческого сознания. Не вызывает сомнения, что Мария Французская и ее современники стоят у истоков психологической литературы.

Внутренний монолог главного героя (одна из основополагающих форм психологического изображения) содержит и риторический вопрос, который выражает самую сущность концепции *fin'amors* трубадуров: «Que devendreit sa curteisie / S'ele n'amast de drüerie?» («К чему ей ее любезность, если у нее не будет возлюбленного?»). Как и трубадур, Эквитан мечтает не о платонической любви, – он готов страдать из-за Дамы и служить ей, но в надежде на то, что она станет его возлюбленной, в надежде на «остальное» («surplus»).

³²⁹ *Marie de France. Op.cit. vv. 71-102. P. 74-76.*

³³⁰ См. *Lazar M. Op.cit. P. 106 etc.* В качестве примера можно привести хотя бы такие кансоны, как «Tart mi veiran mei amic en Tolzan» или «Ajostar e lassar» Пейре Видаля (*Peire Vidal. Op.cit. P. 78 et 37*) или «Ma bella dompna, per vos dei esser gai» или «Domna, eu pren comjat de vos» (*Folquet de Romans. Op.cit. P. 34 et 158*) и др.

А что же дама? Жена сенешаля ведет с Эквитаном настоящий диспут на тему любви, в чем сказывается, на наш взгляд, влияние жанра тенсоны – спора, а также знаменитых судов любви, описанных в трактате Андрея Капеллана. Итак, Дама:

«Amurs n'est pruz, se n'est egals. [...] Li riches huem requide bien que nuls ne li toille s'amie qu'il vult amer par seignurie»³³¹.

«Любовь ценится только между равными [...] Богатый человек всегда думает, Что обладает безраздельным правом на свою возлюбленную, Которую он хочет любить как господин».

Эквитан, со своей стороны, ей возражает:

«Dame, merci! Ne dites mes! Cil ne sunt mie fin curteis, ainz est bargaigne de burgeis, [...] Ne me tenez mie pur rei, me pur vostre hum e vostre ami! [...] Vus seiez dame e jeo servanz, vus orguilluse e jeo preiantz.»³³²

«Дама, благодарю! Ни слова больше! Это не истинные куртуазные влюбленные, Но, скорее, городские торговцы, [...] Не смотрите на меня как на короля! Я ваш вассал и ваш друг! [...] Вы будете дамой, а я слугой, Вы – гордой, а я – просителем.»

Еще раз отметим типичную для языка трубадуров вассально-сеньориальную лексику и терминологию. «Вассалом, другом и слугой» своей Дамы обещал быть и Бернарт де Вентадорн: «e.lh serai om et amics e service»³³³, и Фолькет де Романс: «qe vostr'hom soi e vostre sers»³³⁴.

³³¹ *Marie de France. Op.cit. vv. 141-152. P. 78.*

³³² *Op.cit. vv. 154-180. P. 78-80.*

³³³ Bernart de Ventadorn. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston; New York, 1999. P.96.

³³⁴ *Falquet de Romans. L'œuvre poétique. Aix-en-Provence, 1987. P. 164.*

Итак, король Эквитан становится смиренным вассалом своей дамы, за что и получает долгожданную награду, которая описана в типичных для лирики трубадуров и лэ Марии выражениях: «joie mener», «baisier», «estreindre», «acoler»³³⁵...

Но, как известно, вассал ни в чем не может отказать своему сеньору. А потому, когда дама решает избавиться от мужа, чтобы выйти замуж за короля Эквитана, и просит своего друга помочь совершить убийство, бедному «вассалу» не остается ничего, кроме как выполнить просьбу своего «сеньора».

Концовка лэ, сближающая его с фаблио, следующая: Эквитан с дамой весело проводят время на кровати ее мужа (еще раз обратим внимание на характер любви в лэ Марии):

Sur le lit al seignur cucherent

E deduistrent e enveiserent.

Pleoc unt ensemble geü...³³⁶

Вместе лежали на кровати мужа,

и наслаждались, и развлекались...

Так что, когда муж входит, Эквитану не остается ничего, кроме как голым прыгнуть в котел с кипящей водой, который заботливая жена приготовила для постылого мужа.

Итак, несоблюдение Меры (одной из основополагающих ценностей куртуазного универсума) в мире, который живет по законам Куртуазии, приводит короля к вынужденному самоубийству³³⁷. Заканчивая лэ, Мария дает своим читателям и слушателям моральное наставление, приближаясь, таким образом, к жанру религиозной литературы *exemplum*, примера. Лэ об Эквитане наилучшим образом согласуется с концепцией

³³⁵ «радоваться, целовать, сжимать в объятиях, обнимать».

³³⁶ *Marie de France. Op.cit.* vv. 287-289. P. 84-86.

³³⁷ Отметим, что отсутствие Меры стало причиной гибели еще одного героя лэ Марии – графа из «Двух влюбленных».

любви трубадуров и, на наш взгляд, может быть названо самым «куртуазным» лэ Марии Французской.

Лэ о Йонеке написано на распространенный сказочный сюжет о принце, который в виде птицы посещает принцессу³³⁸. Отметим, однако, что у Марии этот сюжет имеет иную, трагическую концовку, что само по себе может указывать на его близость к поэзии трубадуров, – напомним, в частности, что Дени де Ружмон называл эту поэзию «восхвалением трагической любви»³³⁹.

Сказочный «рыцарь» Йонек, как и другие (правда, женские) персонажи лэ Марии, назван «весьма вежественным» («mut fu curteis»³⁴⁰); он первым предлагает свою любовь даме (что, заметим, совпадает с распределением гендерных ролей в куртуазной литературе), которую, как и другие героини лэ, прежде начал испытывать «заочно»:

Guarder que seiez a seür,
si faites de mei vostre ami!
Pur ceo», fet il, «vinc jeo ici.
Jeo vus ai lungement amee
e en mun quer mult desiree...³⁴¹

Будьте уверены, что вам нечего бояться
И сделайте меня своим возлюбленным!
Ради этого, – говорит он, – я пришел
сюда.
Я давно вас люблю
И желаю всем сердцем...

Его дама – жена старого богатого сеньора, отчасти напоминает героиню средневековых песен о неудачном замужестве (*chansons de mal-mariée*): муж заключил ее в башню, где она дни и ночи напролет скорбела о своей горькой доле, проклиная ревнивца. В «Йонеке», как и в

³³⁸ Aarne A., Thompson S. Ph. D. The Types of the Folk-Tale. A Classification and Bibliography. Helsinki, 1928. P. 69: №432; ср. русскую сказку о Финисте-ясном соколе (Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 34).

³³⁹ De Rougemont D. L'amour et l'Occident. P. 1979 (2006).

³⁴⁰ «Был очень куртуазен»

³⁴¹ Marie de France. Op.cit. vv. 128-132. P. 188.

многочисленных песнях трубадуров и фольклорных по происхождению «песнях несчастливца в замужестве» или же средневековых романах (например, во «Фламенке»), несчастная в замужестве героиня («mal-mariée») жалуется на свою судьбу, произнося проникновенные монологи, и обращается к Богу с просьбой послать ей возлюбленного, прекрасного и куртуазного, доблестного и храброго: «Deus, ki de tut a poësté, / il en face ma volenté!»³⁴². Именно после этого обращения к Богу в окно и влетает рыцарь-птица, который, как и фея Ланваля, обещает являться на любовное свидание к даме, как только она того пожелает. Также и в этом случае кельтская мифология накладывается на концепцию куртуазной любви-адаультера трубадуров и труверов. При этом Мария вносит в лэ и христианскую ноту: выясняется, что волшебный рыцарь верит в Бога и по просьбе дамы причащается Святыми дарами, предварительно приняв ее облик (отметим, среди прочего, и отголоски фольклорной веры в оборотничество и перемену обликов, и пример типичного для средневекового сознания феномена двоеверия):

corpus domini aportot.

Священник принес тело Христа.

Li chevaliers l'a receü,

Рыцарь взял его

le vin del chalice a beü³⁴³.

и отпил вино из чаши.

Поступок замужней женщины, которая обращается к Богу с просьбой о любовнике может показаться предосудительным и греховным. Не будем забывать, однако, что «Бог всегда на стороне куртуазных влюбленных»: трубадуры нередко взывают к Богу, чтобы попросить помощи в завоевании дамы³⁴⁴; молитва о ниспослании возлюбленного,

³⁴² «Пусть Бог, который может все, исполнит мою волю!» (*Marie de France*. Op.cit. vv. 107-108. P. 186).

³⁴³ *Marie de France*. Op.cit. vv. 190-192. P. 192.

³⁴⁴ *Lazar M.* Op.cit. P. 146

которую произносит героиня лэ, полностью согласуется с их поэтикой. Видимо, из песен трубадуров Мария позаимствовала и типичный «весенний мотив» – мотив пробуждения и обновления природы, а вместе с ней и сердца человека для новой любви (психологический параллелизм, который трубадуры унаследовали из фольклорных, народных песен): «Ceo fu el meis d'avril entrant, / quant cil oisel meinent lur chant.»³⁴⁵.

Как мы отметили выше, лэ оканчивается трагически, поскольку дама не соблюдала меры в любви, о чем ее просил Йонек: «*Mes tele mesure esgardez / Que nus ne seium encumbrez...*»³⁴⁶. Мария, таким образом, вновь вводит в лэ это ключевое слово поэтики трубадуров; есть здесь и термин радость: «*Li chevaliers a tant s'en vait / a grant joie s'amie lait*»³⁴⁷.

Итак, мы показали, что в лэ «Йонек» присутствуют как характерные черты кельтских сказаний (мотивы, главным образом связанные с появлением феи-рыцаря и его страной фей, довольно подробно описанной Марией – см. ст. 349-396³⁴⁸), так и мотивы лирики трубадуров (тип героини *mal-mariée*, куртуазная любовь-адюльтер, помогающий влюбленным Бог, наконец, расплата за отсутствие Меры – одной из главных добродетелей истинно куртуазного героя). При этом кельтские по происхождению и куртуазные элементы не противоречат друг другу, но образуют единый сплав.

³⁴⁵ «Это произошло в начале апреля, когда стало раздаваться пение птиц...» (*Marie de France. Op.cit. vv. 55-56, p. 184*).

³⁴⁶ «Но храните меру, чтобы мы не были застигнуты врасплох» (*Marie de France. Op.cit. vv. 205-206. P. 192*).

³⁴⁷ «После этого рыцарь уходит, / оставляя свою возлюбленную в великой радости» (*Marie de France. Op.cit. vv. 215-216. P. 192*).

³⁴⁸ *Marie de France. Op.cit. P. 198-200*.

Лэ о Йонеке напоминает и еще об одном мотиве лирики трубадуров, – а именно о птице, несущей любовную весть³⁴⁹. В самом деле, трубадуры часто избирают птицу на роль посланника, оповещающего прекрасную даму о любви, которую трубадур испытывает к ней, а иногда и сами жаждут превратиться в эту птицу. С одной стороны, в такой «метаморфозе» мы можем увидеть отголоски психологического параллелизма, в том случае, если трубадур сравнивает себя или свое пение с пением птиц, как это делает, например, Маркабрюн, говоря, что «желал бы обратиться в птицу» («qu'ieu soi l'auzels»³⁵⁰) или же:

...aug lo reprim d'auzels menutz.	...я могу слушать напевы маленьких
Li prat vert e.il vergier espes	пташек,
m'ant si faich ab joi esbaudir	поющих на все лады повсюду в садах.
per que.m sui de chant entremes. ³⁵¹	Зеленые луга и густые фруктовые сады
	наполняют меня такой радостью и
	веселью,
	Что я тоже начинаю петь.

Также и Пейре Видаль уверяет, что он «счастливее птицы» («plus gais que l'auzell»³⁵²). В другом месте он сравнивает себя то с неразумной птицей, которая попала в капкан, позарившись на ложную приманку, и погибла («Co.l fols auzels, quant au lo bres, / Qui.s vai cochozamen aucir»)³⁵³, то с птицей, улетающей во Францию, даже если она знает, что летит на смерть: «Plus que l'auzels qu'esnoiritz lai part Fransa, / Quant hom l'appell'et

³⁴⁹ М. Зэнк называет этот мотив «если бы мое сердце было птицей и прилетело к Вам, моя дама»; разновидность этого мотива – «птица-любовный посланник». Курс М. Зэнка в Collège de France, 2008-2009 уч.г.

³⁵⁰ Marcabru. Op.cit. P. 214.

³⁵¹ Op.cit. P. 496.

³⁵² Peire Vidal. Op. cit. P. 94.

³⁵³ Op. cit. P. 54.

el respon cochos / E sap qu'es mortz... »³⁵⁴. На наш взгляд, эти мотивы лирики трубадуров сходны с сюжетом об Йонеке – волшебной птице, которая устремляется к возлюбленной, чтобы встретить смерть; в лэ Марии этот лирический мотив, так сказать, воплощается в сюжете.

Интересно отметить, что сходный мотив имеется и в кансоне Бернарта де Вентадорна, который, напомним, бывал при дворе Альеноры и посвящал ей свои песни; возможно, что именно этот поэт оказал непосредственное воздействие на «Лэ» Марии:

Ai Deus! car no sui irona,
que voles per l'aire
e vengues de noih prionda.³⁵⁵

О, Господи! Почему я не ласточка,
чтобы влететь, скрываясь от мрака
ночи,
прямо в ее (дамы, - Н.Д.) окно.³⁵⁶

Сходство этой последней кансоны с лэ о Йонеке, позволяет предположить, что Мария решила развить популярный в провансальской лирике мотив, – но при этом пойти чуть дальше, превратив (в прямом и переносном смысле) птицу, прилет которой извещает несчастную даму о приходе любви, в самого рыцаря, мечтающего о любви дамы.

В других лэ Марии птицы играют важную роль посредников между влюбленными: так, в «Соловье», речь о котором шла выше, соловей служил связующим звеном между ними и его гибель ознаменовала гибель зарождающейся любви; в «Милоне» важное место отведено переписке между дамой и любящим ее рыцарем, вынужденным

³⁵⁴ *Op.cit.* P. 125.

³⁵⁵ Bernart de Ventadorn. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston; New York, 1999. P. 270.

³⁵⁶ Боже, взвиться бы нежданно/ Ласточкой летучей – / Да и к Донне утром рано,/ Обгоняя тучи! (Перевод В. Дынник). *Бернарт де Вентадорн. Песни*. М., 1979. С. 10. Этот перевод, к сожалению, слишком далек от оригинала и не позволяет уловить сходства между кансоной и лэ, поэтому выше мы привели наш подстрочник.

быть вдали от нее, но регулярно пользующимся услугами лебедя-посланника, который в течение двадцати лет облегчает переписку между влюбленными, доставляя их письма друг другу. Не случайно эти два последних лэ следуют друг за другом в оксфордском манускрипте Н, единственным, сохранившем все двенадцать лэ Марии Французской³⁵⁷: в обоих птица служит связным между влюбленными, в обоих влюбленные дарят друг другу птицу (в «Соловье» – дама рыцарю, в «Милоне» – рыцарь даме) и в обоих важное место уделено коммуникации (устной или письменной) между ними.

Заметим также, что Мария в лэ о Соловье, возможно, заимствует мотив из кансоны уже упоминавшегося нами выше Бернарта де Вентадорна, – ведь и у Марии Французской, и в кансоне Бернарта «Сладкая песня соловья» («*Pel doutz chan que.l rossinhols fai*»), описывается сходная ситуация: влюбленный или влюбленная бодрствуют ночью, поскольку их будит прекрасное пение соловья: «*Pel doutz chan que.l rossinhols fai, / la noih can me sui adormitz*»³⁵⁸.

В трех лэ Марии герои – в том числе, влюбленные – вступают в переписку. В уже упоминавшемся нами «Соловье» дама вышивает письмо золотыми нитями на ткани; Тристан пишет послание королеве в «Жимолости» довольно оригинальным способом, о котором мы будем

³⁵⁷ В обозначении манускриптов используются аббревиатуры, предложенные Карлом Варнке в ставшем классическим издании «Лэ» 1885. Рукопись Н – самая древняя рукопись, сохранившая все лэ Марии. Эта рукопись считается наиболее авторитетной и признается в качестве базовой во всех современных изданиях Марии Французской. Подробнее об этой рукописи см., например, *Lais bretons (XIIe-XIIIe siècles): Marie de France et ses contemporains. Édition bilingue établie, traduite, présentée et annotée par Nathalie Koble et Mireille Séguy. Paris, Champion (Champion Classiques. Moyen Âge, 32). 2011. P. 109-127 ; Lais de Marie de France. Traduit, présentés et annotés par Laurence Harf-Lancner. Paris, Le Livre de Poche. 1990.*

³⁵⁸ Bernart de Ventadorn. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston, New York. 1999. P. 212.

говорить ниже. Что касается «Милона», то это лэ переполнено письмами: дама пишет их сестре, сыну, далекому возлюбленному, он регулярно отвечает ей тем же. Возможно, что Мария Французская была знакома с куртуазной практикой обмена любовными посланиями³⁵⁹.

В «Милоне» письма играют решающую роль, причем они во многом подобны эпистолярному жанру провансальской поэзии – так называемым «любовным приветствиям» («*salut d'amour*»)³⁶⁰. Сцена, в которой героиня получает первое «любовное приветствие», извлекая его из оперения лебедя и с нетерпением читая (vv. 151-288), занимает четвертую часть лэ (137 из 534 стихов) и композиционно находится в центре лэ³⁶¹. По мысли Элизабет По, весь этот эпизод, который обычно квалифицируется как «эпизод с лебедем», представляет из себя, помимо всего прочего, «эпизод с любовными приветствиями («*saluts d'amour*»»)³⁶². Э. По отмечает, что Мария Французская была не первая, кто интегрировал «любовные приветствия» в повествовательную ткань и указывает на письма в анонимном романе об Энее, написанном чуть раньше сборника «Лэ» Марии, и на знаменитые «Героиды» Овидия, возможно, послужившие моделью для средневековых авторов.

Э. По подчеркивает, что в посланиях, включенных в «Милон», прослеживается трехчленная структура, характерная, в частности, для провансальских любовных приветствий: *salutatio*, *narratio*, *petitio*³⁶³. В «Милоне», по словам исследовательницы, можно найти примеры нескольких таких «любовных посланий». Укажем на такие

³⁵⁹ См. об этом в статье: *Poe E.W. Marie de France and the salut d'amour // Romania. 2006. V. 124. P. 301-323.*

³⁶⁰ См. посвященную этому вопросу ст. Элизабет По: *Poe E.W. Marie de France and the salut d'amour // Romania. 2006. V. 124. P. 301-323.*

³⁶¹ *Op.cit.* P. 302.

³⁶² *Op.cit.* P. 303.

³⁶³ *Op.cit.* P. 308-309.

композиционные части посланий (отметив все же, что у Марии письма даны в восприятии читающих героев, – она их пересказывает, но не цитирует, поэтому точнее было бы говорить здесь о «квази-письмах»).

На первую часть письма – приветствие («salutatio») указывают стихи, из которых героиня узнает имя своего корреспондента: «Al premier chief trova ‘Milun’ / De sun ami cunut le nun...»³⁶⁴. Со второй частью письма, так называемым «рассказом» («narratio»), в котором содержится его суть, соотносится, как кажется, повествование о любовных страданиях Милона:

...les granz peines e la dolor	И ночью и днем Милон
que Milun suefre nuit e jur.	испытывает ужасные страдания.
Ore est del tut en sun plaisir	Лишь от воли дамы зависит,
de lui ocire u de guarir. ³⁶⁵	жить ему или умереть.

Наконец, на третью часть письма, просьбу («petitio») героя, указывают следующие строки:

S'ele seüst engin trover	Если бы она смогла изобрести уловку,
Cum il peüst a li parler,	чтобы встретиться с ним,
par ses letres li remandast	ей нужно лишь известить его письмом,
e le cisne li renveiaist.	отправив к нему лебедя.
Primes le face bien garder,	Для начала достаточно позаботиться о
puis si le laist tant jeüner	птице,
treis jurs que il ne seit peüz;	а потом оставить ее без еды на три дня,
li briés li seit al col penduz;	перед тем как прикрепить к ее шее письмо
laist l'en aler: il volera	и позволить птице улететь:
la u il primes conversa. ³⁶⁶	она отправится туда, откуда прилетела.

³⁶⁴ «В начале письма нашла имя своего возлюбленного «Милон» (*Marie de France. Op.cit.* vv. 227-228. P. 230.

³⁶⁵ *Marie de France. Op.cit.* vv. 233-236. P. 230.

³⁶⁶ *Marie de France. Op.cit.* vv. 237-246. P. 230-232.

Подчеркнем, что в тексте этого лэ Мария Французская использует слово «приветствие», которое непосредственно соотносится с интересующей нас жанровой номинацией («e des saluz se rehaita»³⁶⁷).

Как пишет Э. По, в «Милоне» можно найти два традиционных для жанра «любовных приветствий» мотива, встречающихся в соответствующих стихотворениях Арнаута де Марейля, Раймбаута Оранского или Фолькета де Романс. В «любовных приветствиях» этих поэтов, во-первых, содержатся уверения, что все благое исходит от адресата письма³⁶⁸. Этому мотиву соответствует приведенный выше стих, который описывает чувства Милона: «Ne puet senz lui nul bien avoir» (ст. 273). Во-вторых, трубадуры настаивают на том, что жизнь автора письма находится в руках его возлюбленной. Этому мотиву соответствует еще один стих, приведенный выше: «лишь от воли дамы зависит, жить ему (Милону, – Н.Д.) или умереть»³⁶⁹.

Итак, лэ о Милоне, в котором, отметим, Мария использует древнейший эпический сюжет о битве отца с сыном, осовременивается в духе куртуазной поэзии, благодаря вводу в текст лэ «любовных посланий» – распространенного жанра поэзии трубадуров.

В лэ о Жимолости любовное послание героя занимает также важнейшее место. Выше мы уже касались этого лэ и говорили о его сюжете (см. вторую главу). В этом лэ Мария разрабатывает знаменитую кельтскую легенду о Тристане и Изольде³⁷⁰. И, как пишет Мария, это «лэ

³⁶⁷ «И обрадовался приветствию» (*Marie de France. Op.cit. v. 272. P. 232*).

³⁶⁸ Многочисленные примеры этого мотива в лирике трубадуров смотри в ст. Элизабет По: *Op.cit. P. 310*.

³⁶⁹ *Poe E.W. Marie de France and the salut d'amour // Romania. 2006. V. 124. P. 309-310.*

³⁷⁰ О кельтских истоках легенды о Тристане и Изольде см. ст. А.Д. Михайлова «История легенды о Тристане и Изольде» в приложении к кн.: *Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.*

о Тристане и королеве, об их любви, что была так совершенна («fine»)³⁷¹. Обратим внимание на то, что Мария, характеризуя любовь Тристана и Изольды, единственный раз в сборнике употребляет сочетание *fine amur* (*fin'amors* на языке трубадуров, старопровансальском), используя, таким образом, одно из ключевых понятий средневековой куртуазной литературы, отождествляя тем самым любовь Тристана и Изольды и утонченную любовь рыцаря-трубадура к своей Даме. «Любовь к Даме, – как пишет М.Б. Мейлах, – порождающая самое содержание «куртуазности» у трубадуров, реализуется в бесконечном совершенствовании куртуазной личности. Она является источником всякого внутреннего движения и прогресса. Любовь становится абсолютным критерием духовной ценности и дает уникальные привилегии куртуазному индивидууму, нейтрализуя все традиционные иерархии, возрастные и прочие оппозиции и возводя его в сан куртуазии»³⁷².

Таким образом, лэ Марии созвучно с «куртуазной» версией романа о Тристане Тома, в котором, как доказал Лазар, «все согласуется с идеологией *fin'amors*»³⁷³. Тристан «Жимолости» – настоящий куртуазный влюбленный, уже почти забывший свое кельтское «прошлое». Он «несчастен и задумчив», «*dolent e pensis*», так как томится в разлуке со своей любимой, королевой Изольдой, замужней дамой. Как и трубадур, Тристан испытывает любовную муку, он даже близок к смерти, так как «не может удовлетворить свои желания», «*il nen ad ses volentez*».

³⁷¹ Прилагательное «*fin*», равно как и словосочетание «*fin'amors*» (*fine amur*) довольно сложно для перевода, тем более, что у нас, по понятным причинам, нет устоявшейся традиции передачи куртуазного языка. В словаре старофранцузского языка Греймаса (*Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français. Le Moyen Age. P., 1997*) оно имеет целый ряд значений: «совершенный», «нежный», «тонкий», а также высшая степень чего-либо.

³⁷² Мейлах М.Б. Цит. соч. С. 95.

³⁷³ Lazar M. *Op.cit.* P. 161.

Кульминация лэ – встреча влюбленных, которая принесла им «очень большую радость»:

Dedenz le bois celui trova	В лесу она нашла того,
que plus amot que rien vivant.	Кто любил ее сильнее всех,
Entre els meinent joie mult grant. ³⁷⁴	Они испытали очень большую радость.

Мария здесь избегает слов, типичных для описания любовных встреч в ее лэ (acoler, baiser, sentir, dru, estreindre) и говорит только о «радости», которую испытали влюбленные. Как «радость» («Joy») трубадуров, так и «радость» («Joie»³⁷⁵) Марии не имеет ни мистической, ни метафизической ценности, которую ей приписывали некоторые медиевисты³⁷⁶. Подтверждения этому можно найти и в романе о Тристане, и в лирике трубадуров.

Пытаясь понять характер «радости» куртуазного влюбленного, М. Лазар обратился к роману о Тристане, где есть строки, чудесно передающие то, что Тристан Тома понимал под этим важным понятием куртуазного универсума: «Тристан, удаленный от двора, думает о жизни, которую ведет королева Изольда и завидует Марку, который получает удовольствие, находясь рядом с ней»: «Pur vostre cors su jo em paine, / Li reis sa joie en vos maine...»³⁷⁷.

Об этом же характере радости пишет и другой исследователь лирики трубадуров, Жак Ветштейн: «подготовительный этап, завоевание счастья, тоже сопровождается радостью, но она не так сильна как та

³⁷⁴ *Marie de France. Op.cit.* vv. 92-94. P. 266.

³⁷⁵ См. Tobler-Lomatzsch. *Op.cit.* P.1715-1719.

³⁷⁶ Подробнее см. об этом: *Wettstein J. «Mezura». L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects. Genève., 1974. P. 110 ; Lazar M. Op.cit. P. 117.*

³⁷⁷ «Я мучаюсь от того, что не обладаю Вами, / эту радость Вы доставляете королю». *Lazar M. Op.cit.*

«абсолютная радость», которая достается возлюбленному милостью Дамы»³⁷⁸.

Небесполезным будет обратиться и непосредственно к текстам трубадуров XII-XIII вв. Так, Раймбаут Оранжский, беря в помощники самого Бога, надеется на радости, которые дама доставит ему вопреки всем льстивым предателям: «mas ar Dieu lau m'a lberga joys / mal grat dels fals lausengiers croys»³⁷⁹. Бернарт де Вентадорн, прося свою даму о милости, говорит, что будет осчастливлен, если получит «поцелуи, объятия и прочие удовольствия»: «s'ilh ja m'acola, ni.m baya»³⁸⁰. Гильом IX, ровно как и Маркабрюн³⁸¹, радуется довольно конкретным утехам и воспекает все плотские радости этого мира – «Totz lo joys del mon»³⁸²). Фолькет де Романс, чье творчество относится к началу XIII века, еще откровеннее заявляет, о какой «радости» идет речь: «q'en breu de temps m'auran li sospir mort / se eu a vos en chambra no-m deport», «в скором времени эти вздохи убьют меня, / если мы с вами не предадимся радости в вашей спальни»³⁸³.

³⁷⁸ Wettstein J. «Mezura». L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects. Genève., 1974. P. 91.

³⁷⁹ Raimbaut d'Orange. Quand resplendit la Fleur Inverse. Arles., 1990. P. 14.

³⁸⁰ Bernart de Ventadorn. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. Lewiston; New York., 1999. P.76.

³⁸¹ См. его кансону «En abriu», «В апреле», описывающую, как и V кансона первого трубадура, плотскую сторону любовных отношений трубадура с его дамой и так же содержащую obscene лексикой: *Marcabru. A critical edition*. Cambridge, 2000. В другой кансоне Маркабрюна мучает вопрос, как спит его дама: в одежде или нагой. Op.cit. P.348.

³⁸² Wettstein J. Op. cit. P. 110. См. кансоны «Compahno tant ai agutz d'avols conres» (III), «Farai un vers pos mi sonelh» (V), содержащую obscene лексикой, «Ben vueill que sapchon li pluzor» (VI), «Ad la dolchor del temps novel» (X), например, по изданию: *Guglielmo IX d'Aquitania. Poesie. Edizione critica a cura di Nicolo Pasero*. Modena, 1973.

³⁸³ Falquet de Romans. L'œuvre poétique. Aix-en-Provence, 1987.

Заканчивая повествование Мария сообщает, что воспоминания о встрече с королевой побуждает Тристана, как и трубадура, сочиняющего кансоны, вдохновляясь встречами с прекрасной дамой, создать лэ:

Pur la joie qu'il ot eüe
de s'amie qu'il ot veüe [...]
Tristram ki bien saveit harper,
en aveit fet un nuvel lai.³⁸⁴

Благодаря радости, которую он испытал,
Увидев вновь свою подругу, [...]
Тристан, который был искусным
арфистом,
Сочинил новое лэ.

Итак, мы показали, что характер героев и отношений в лэ «Жимолость» Марии Французской созвучен любовной концепции трубадуров, *fin'amors*.

Сосредоточим теперь наше внимание на фрагменте (ст. 51-82), в котором описывается, как была подготовлена встреча Тристана и Изольды и который несколько десятилетий вызывает оживленные дискуссии исследователей:

Une coldre trencha par mi,
tute quarree la fendi.
Quant il a paré le bastun,
de sun cultel escrit sun nun.
Se la reïne s'aparceit,
ki mult grant garde s'en perneit,
de sun ami bien conuistra
le bastun quant el le verra;
altre feiz li fu avenu
que si l'aveit aparceü.
Ceo fu la summe de l'escrit
qu'il li aveit mandé et dit,
que lunges ot ilec esté
e attendu e surjurné

Тристан отрезал ветвь орешника,
Обстругал ее с четырех сторон.
Когда он подготовил палку,
Ножом вырезал на ней свое имя.
Если королева заметит палку,
Обязательно обратит на нее внимание.
Раньше Изольде уже приходилось,
Замечать ее:
Она узнавала о своем друге,
По палке, которую видела.
Вот содержание написанного на палке,
О чем она извещала и что говорила:
Что долго Тристан был в лесу,
Жил там и ждал,

³⁸⁴ Marie de France. *Op.cit.* vv. 107-113. P. 266-268.

pur espier e pur saveir
 coment il la peüst veeir
 kar ne poeit vivre senz li.
 D'els dous fu il tut altres
 cume del chievrefueil esteit
 ki a la coldre se perneit:
 quant il s'i est laciez e pris
 e tut entour le fust s'est mis,
 ensemble poeent bien durer;
 mes ki puis les vult desevrer,
 la coldre muert hastivement
 e li chevrefueilz ensement.
 «Bele amie, si est de nus:
 ne vuz senz mei ne jeo senz vus!»
 La reine vint chevalchant.
 Ele esguarda un poi avant,
 le bastun vit, bien l'aparceut,
 tutes les letres i conut.³⁸⁵

Чтобы выследить и узнать,
 Как он может увидеть королеву,
 Так как он не может жить без нее;
 Они двое так же
 Как жимолость,
 Которая держится за орешник.
 Когда она соединяется и цепляется друг за
 друга,
 И жимолость обвивает весь ствол
 орешника,
 Они могут долго быть вместе,
 Но после, если кто захочет их разделить,
 Орешник быстро умрет,
 И жимолость тоже.
 «Прекрасная подруга, так и мы:
 Ни вы без меня, ни я без вас».
 Королева ехала верхом на лошади,
 Она смотрела по сторонам,
 Увидела палку, сразу ее заметила,
 Поняла все написанное на ней.

Посмотрим, для начала, на структуру этого послания и вспомним уже анализируемое нами выше квази-послание из «Милона». Есть основания полагать, что структура письма Тристана повторяет структуру «любовных посланий», «saluts d'amour» трубадуров. Действительно, мы легко выделим первую часть, «salutatio»: «de sun cultel escrit sun nun», «ножом вырезал на ней свое имя» (сравним с первой частью послания Милона: «в начале письма нашла имя своего возлюбленного «Милон»). Вторая часть – «narratio» – сообщает королеве (и читателям), что Тристан долгое время скитался и жил в лесу, наконец, в третьей части, «petitio», Тристан просит возлюбленную о встрече и сообщает, что его жизнь

³⁸⁵ *Marie de France. Op.cit. vv. 51-82. P. 264-266.*

находится в руках королевы. В этих строках мы узнаем мотив, характерный для «любовных посланий» трубадуров, о котором писала Э. По: «трубадуры настаивают на том, что жизнь автора письма находится в руках его возлюбленной».

Отметив в послании Тристана отголоски жанра «*salut d'amour*» трубадуров, обратимся к главному вопросу, уже несколько десятилетий возникающему у исследователей: что и как написал на палочке Тристан?

Итак, сначала Мария сообщает нам, что Тристан вырезал на ней ножом лишь свое имя («*De sun cutel escrit sun nun*»). Однако ниже приводится целая история бедствий Тристана, сравнение влюбленных со сплетенными орешником и жимолостью и даже обращение рыцаря к его прекрасной подруге (строки 63-78). Все это, по словам Марии, сообщит Изольде найденная ей палочка Тристана, но такое указание вызывает целый ряд недоумений, возникающих из-за неправдоподобности описываемого эпизода. Как, например, мог Тристан вырезать на палочке шестнадцать строк, как Изольда смогла прочитывать их, сидя верхом на лошади, почему Тристан не побоялся оставить на проезжей дороге столь откровенное послание своей возлюбленной...

На протяжении долгого времени ученые выдвигали различные гипотезы, касающиеся текста послания Тристана и способа его передачи³⁸⁶. Большинство исследователей отвергают возможность написания на палочке такого длинного письма и дают различные объяснения словам Марии. Так, некоторые ученые (Шпитцер³⁸⁷,

³⁸⁶ Их обзор можно найти в статье Мориса Кэгнона: *Cagnon M. Chievrefeuil and the ogamic tradition // Romania. 1970. Vol. 91. P. 238–255.*

³⁸⁷ *Spitzer L. La "Lettre sur la baguette de coudrier" dans le Lai du Chievrefeuil // Romania. 1946. Vol. LXIX. P. 80-90.*

Рикер³⁸⁸) давали символическую трактовку этому эпизоду, полагая, что Изольда поняла послание своего возлюбленного «сердцем» (Лео Шпитцер), а не прочитала его на палке. Другие (Хэтчер³⁸⁹, Фраппье³⁹⁰) предлагали компромисс: Тристан вырезал на палке лишь имя и, возможно, строки 77-78: «Bele amie, si est de nus: / Ne vuz sanz mei, ne mei sanz vus» (Пьер ле Жанти³⁹¹). Также было выдвинуто предположение о существовании письма, предвещающего Изольду о палочке, которая будет являться знаком скорой встречи влюбленных (Судр³⁹²).

Однако сама Мария ни словом не обмолвилась ни о символической роли ветки орешника, ни об отдельно вырезанных строках, ни о ранее посланном письме Тристана. Поэтесса очень ясно говорит: «Tutes les lettres i conut», «распознала на ней все буквы». Поэтому мы, вслед за рядом исследователей (Шоэпперл³⁹³, Франк³⁹⁴, Кэгнон³⁹⁵, Демоль³⁹⁶), склонны видеть в послании Тристана огамическую надпись.

³⁸⁸ Marie de France: Seven of her Lays Done into English. New York, 1901.

³⁸⁹ Hatcher A. Lai du Chievrefueil // Romania. 1950. Vol. LXXI. P.330–344.

³⁹⁰ Frappier J. «Contribution au débat sur le Lai du Chèvrefeuille», in *Mélanges de linguistique et de literature romanes à la mémoire d'Istvan Frank* («Annales Universitatis Saraviensis». No. 6, Universität des Saarlandes. 1957). P. 215–224.

³⁹¹ Le Gentil P. «A propos du Lai du Chèvrefeuille et de l'interprétation des texts médiévaux» // *Mélanges d'histoire littéraire de la Renaissance offerts à Henri Chamard*. P., 1951. P. 17–27.

³⁹² Sudre L. «Les Allusion à la légende de Tristan dans la literature du moyen âge» // Romania. 1886. Vol. XV. P. 551.

³⁹³ Schoepperle G. «Chievrefoil»// Romania. XXXVIII (1909). P. 196-218.

³⁹⁴ Frank G. Marie de France and the Tristram Legend // PMLA. 1948. Vol. LXIII P. 405–411.

³⁹⁵ Cagnon M. Op.cit.

³⁹⁶ Demaules M. Notices sur le lai du Chèvrefeuille // Tristan et Yseult. Les premières versions européennes. P., 1995.

Как свидетельствует Вандриес, «огам на протяжении всего Средневековья оставался хорошо известным эрудитам. Многие рукописи содержат огамический алфавит»³⁹⁷. Название алфавита «было известно латинским грамматикам, в частности Варрону и Присциану»³⁹⁸, на которого в общем прологе к сборнику «Лэ» ссылалась Мария Французская (ст. 10).

По данным А.А. Королева, на территории Южного Уэльса, Корнуолла и других графств Англии было найдено довольно много огамических надписей (напомним, что именно в этих местах происходит действие лэ Марии, которая создавала все свои произведения в Англии). Форма знаков кельтского огамического письма – «насечки в виде линий и точек, нанесенные направо и налево от ребра камня»³⁹⁹ или дерева. Отметим, что в лэ «Жимолость» Тристан сначала обстругал ветвь орешника «с четырех сторон». Палка, таким образом, приняла форму прямоугольника с четырьмя ребрами, на которых Тристан легко мог сделать насечки. Как германское руническое письмо, так и кельтское огамическое изначально использовалось только в магических целях: руны и огам служили для заклятий, колдовства, белой и черной магии, предупреждения несчастья⁴⁰⁰.

Однако мы предположили, что в «Жимолости» Тристан пишет им любовное послание. Знает ли средневековая литература подобные прецеденты? Обратимся к текстам. В одной из песен «Старшей Эдды» («Гренландские речи Атли»), Гудрун рунами написала письмо своим братьям, желая предупредить их об опасности. А в «Саге о

³⁹⁷ Op.cit. P. 244.

³⁹⁸ Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 2003. С. 7.

³⁹⁹ Иоганесс Ф. История письма. М., 2008. С. 143.

⁴⁰⁰ Подробнее о функциях огамических надписей см.: Королев А.А. Цит. соч. С. 9–13.

Гисли» Гисли, подобно Тристану, режет на палочке руны, чтобы вызвать на свидание своего брата: «Тогда Гисли берет палочку, режет на ней руны и бросает в дом. Торкель видит это, поднимает палочку и, взглянув на нее, встает и выходит к Гисли»⁴⁰¹. Руническое послание на дереве упоминается и в «Саге о Гамлете» из «Деяний датчан» Саксона Грамматика⁴⁰². Аналогичные эпизоды есть и в ирландских текстах, несколько примеров которых приводятся в статье Кэгнона. Мы же вспомним «Повесть о Байле доброй славы», которая интересна не только упоминанием сделанных из деревьев табличек, на которых старинным алфавитом (огамом) была вырезана история трагической любви Байле и Айлен, но и одним сравнением: «И тогда одна (табличка, - Н.Д.) сама прыгнула к другой, и они соединились так, как жимолость обвивается вокруг ветви; и невозможно было разъединить их»⁴⁰³.

Пьер ле Жанти писал, что «особый мотив жимолости, соединенной с орешником, не обнаруживается в кельтской традиции, он полностью определен вкусами французов»⁴⁰⁴. Далее исследователь предположил, что этот мотив впервые возникает у Марии Французской. Однако «Повесть о Байле доброй славы» убеждает нас в обратном и указывает на кельтское происхождение этого мотива.

Итак, мы привели несколько примеров использования рун и огама для частных писем из скандинавских и ирландской литератур. Но писались ли подобные письма на территории Англии? Мы можем положительно ответить на этот вопрос, вспомнив одно послание –

⁴⁰¹ Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 58.

⁴⁰² Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия / сост. Б.И.Пуришев. М., 2004. С. 75.

⁴⁰³ *Цит. соч.* С. 675.

⁴⁰⁴ *Cagnon M. Op.cit.* P. 245.

«Послание мужа» – древне-английскую элегию⁴⁰⁵. Это уникальное произведение, в котором лирический голос принадлежит дощечке с руническими знаками, адресованной женщине, находящейся в разлуке с мужем, с просьбой о встрече. Мы видим, что ситуация, описанная в «Послании мужа», во многом сходна с той, что обрисована в «Жимолости». В элегии, так же, как в лэ, приводится и текст послания, более того, он записан рунами (в латинской транскрипции: S, R, EA, W, M – «солнце», «дорога», «океан» или «земля», «радость», «муж»). Из этих рун несложно составить и сам текст послания. Так, английский исследователь Р.П. Эллиотт предлагает следующее прочтение: «Плыви солнечной дорогой по морю к радости с мужчиной, что ждет тебя»⁴⁰⁶. Итак, перед нами такое же, как и в «Жимолости» послание, записанное древним письмом, с просьбой о встрече, которая принесет радость, правда, если в VIII-IX века эту «радость» испытывал муж при встрече с женой, то в веке XII «радость» стала возможна только при встрече истинно куртуазных любовников.

Завершая разговор о долгой дискуссии вокруг послания Тристана, упомянем еще одно произведение средневековой литературы – сборник прозаических переводов французских лэ, выполненных через несколько десятилетий после создания лэ Марией, «Strengleikar»⁴⁰⁷ («Песни для струнных»). В нем есть и текст «Жимолости» на древнескандинавском языке. Норвежский средневековый переводчик, хорошо знакомый с

⁴⁰⁵ Пер. В.Г. Тихомирова под ред. О.А. Смирницкой см. в кн.: Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 57–60; современное англ. изд: The Anglo-Saxon World. An Anthology. Oxford, 1999. P. 57–59.

⁴⁰⁶ Elliott R.W.V. The Runes in the “Husband’s Message” // Journal of English and Germanic Philology. 1955. Vol. LIV, № 1. P. 7.

⁴⁰⁷ Cook R., Tveitane M. Strengleikar: an Old Norse Translation of Twenty-One Old French Lais. Edited from the Manuscript Uppsala De la Gardie 4-7 – AM 666b, 4°. Norsk historisk kjeldeskrift-institutt. Norrøne texter, 3. Oslo, 1979.

традицией рунического письма, очень просто и понятно переводит «темное» место, вызвавшее в свое время так много дискуссий у современных исследователей⁴⁰⁸.

Итак, мы пришли к выводу, что «куртуазное» лэ о Жимолости еще хранит память о своих бретонских, кельтских истоках, однако оно написано под влиянием концепции любви, воспетой в кансонах провансальских трубадуров и, возможно, провансальского жанра «любовных приветствий».

Подведем итоги. Мы показали, что Мария Французская обращалась к кельтским сказаниям, поскольку некоторые их мотивы могли быть легко встроены в куртуазную систему ценностей (и там, и тут женщина главенствует в любовных отношениях; и там, и тут любовь мыслилась прежде всего как адюльтер; и в кельтских повестях, и в поэзии трубадуров встречается мотив превращения влюбленного в птицу). Таким образом, в «Лэ» система ценностей куртуазного универсума накладывается на «бретонский материал», который вследствие этого глубоко трансформируется: Мария освобождает кельтские сказания от их наиболее архаичных языческих элементов, обогащает ключевыми понятиями лирики трубадуров (такими как радость и мера), развернутыми психологическими монологами, – быть может, наиболее ранними из тех, что были написаны на народном северофранцузском языке; в ее лэ можно заметить, наконец, и влияние отдельных жанров провансальской лирики – любовной эпистолы («salut d'amour») и тенсоны.

⁴⁰⁸ Op. cit. P. 197–199.

ГЛАВА IV

Ближайшие наследники Марии Французской и судьба жанра лэ в конце XII – начале XIII вв.

Авторы анонимных лэ, созданных в конце XII - начале XIII вв., по большей части подражают Марии Французской. Благодаря их произведениям жанр лэ складывается, обретая очерченные контуры: это характерный бретонский хронотоп, с соответствующими топонимами и упоминаниями бретонцев, а также характерные сюжетные элементы⁴⁰⁹.

В анонимных лэ мы то и дело встречаем бретонцев, которые, как в лэ Марии, «сложили это лэ» («firent le lai»). Так, если верить эпилогу лэ о Граэлане, лэ было создано бретонцами: «un lai en firent li Breton»⁴¹⁰, а приключение Граэлана (здесь анонимный автор использует ключевой для лэ Марии термин «авантюра»), «рассказывалось по всей Бретани» («fu par tote Bretaigne oïe»)⁴¹¹; при этом, главное действующее лицо в лэ – рыцарь Граалан – бретонец по рождению: «Graelens fu de Bretons nés»⁴¹². В еще одном анонимном лэ – лэ о боярышнике, мы также встречаемся с главным героем – выходцем из Бретани, а в эпилоге читаем обычную для лэ ссылку на бретонцев. Главный герой лэ «Желанный», отправляясь в Бретань, движется по тому же пути, который избрал Милон в одноименном лэ Марии Французской:

hastivement est mer passez ;
en Normandie conversa

Без промедления переплыл он море,
жил в Нормандии,

⁴⁰⁹ При анализе анонимных лэ мы будем использовать издание А. Миша, которое на сегодняшний день остается наиболее полным: *Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles*. P. 1992.

⁴¹⁰ Op.cit. v. 731. P. 60.

⁴¹¹ Op. cit. v. 730. P. 60.

⁴¹² Op.cit. v. 5. P. 20.

В лэ о рыси удивительное приключение происходит в Бретани, а в эпилоге мы вновь находим характерную ссылку на бретонцев; лэ о Набареце, должно быть, самое короткое из всех лэ, «было создано в Бретани», «en Bretaigne fu [...] fet»⁴¹⁴.

Что касается героев анонимных лэ, это те же рыцари, короли и дамы, которыми наполнены «Лэ» Марии. Король Артур, который, напомним, у Марии Французской появляется лишь однажды (в лэ о Ланвале), здесь персонаж несравненно более частый. В анонимных лэ встречаются и те же сюжетные мотивы и схемы, которые характерны для «Лэ» Марии.

Так, в лэ «Мельон» среди персонажей фигурирует король Артур, окруженный славными рыцарями, в числе которых и герой нашего лэ – рыцарь Мельон. Однажды рыцарь направляется в лес и встречает там молодую девушку, – подобно тому, как Ланваль встретил свою «фею». Анонимному автору, в отличие от Марии, присуща любовь к географической точности и он указывает, откуда прибыла юная красавица – из Ирландии. После множества приключений и исчезновения девушки (как в «Ланвале»), главный герой превращается в волка, что сближает данное лэ уже с другим лэ Марии – «Бисклавре».

В анонимном лэ «Тидорель» мы еще раз встречаем короля – правителя Бретани; он живет в Нанте. В Нанте разворачивается и действие лэ Марии «Несчастный»⁴¹⁵. В лэ «Доон» действие происходит сначала в Шотландии, где живет девушка, прекрасная, куртуазная и гордая своими богатствами. Ссылка на бретонцев дается в прологе:

⁴¹³ Op. cit. vv. 70-72. P. 108-110.

⁴¹⁴ Op. cit. v. 1. P. 344.

⁴¹⁵ *Marie de France*. v. 9. P. 248.

Doon, cest lai sevent plusor :	Многие знают лэ о Дооне,
n'i a gueres bon harpëor	любой хороший арфист сыграет его,
ne sache les notes harper ;	я же хочу рассказать вам о приключении,
nes ie vos voil dire e conter	которое бретонцы назвали
l'aventure dont li Breton	«лэ о Дооне».
apelerent cest lai Doon ⁴¹⁶ .	

В эпилоге же сказано: «firent les notes li Breton / du lay c'om apele Doon⁴¹⁷». Протагонист лэ, рыцарь Доон, живет в «заморской Бретани»: «en Bretaigne dela la mer»⁴¹⁸, иначе говоря, на континенте. Он женится на девушке, которую вынужден оставить тотчас после женитьбы; их сына отправляют к королю Франции, дабы тот посвятил его в рыцари, и сын смог позднее — уже в этом качестве — принимать участие в турнирах, сражаясь с бретонцами. Сражения бретонцев описаны здесь как рыцарские, — точно так же, как и в лэ Марии :

Au mont Saint Michiel en Bretaingne	Он собирался участвовать
ala li vallez tornoier,	в турнире на Монт-сен-Мишель,
as Bretons se volt acointier ⁴¹⁹ .	желая сразиться с бретонцами.

То же упоминание турнира на Монт-сен-Мишель мы встречаем в лэ Марии «Милон» (здесь сын и отец порознь пересекают море, чтобы отправиться в Бретань на турнир, происходящий, как и в «Дооне», в Монт-сен-Мишель). Есть в обоих лэ и мотив кольца, по которому отец узнает своего сына, во время боя с ним.

В анонимном лэ «Граэлан» фигурирует королева, которая, как и в «Ланвале» Марии Французской, предлагает рыцарю свою любовь. Те же

⁴¹⁶ *Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles.* vv. 1-6. P. 294.

⁴¹⁷ *Op. cit.* vv. 285-286. P. 310.

⁴¹⁸ *Op. cit.* v.67. P. 296.

⁴¹⁹ *Op. cit.* v. 214-216. P. 306.

сюжетные элементы присутствуют в лэ «Гингамор», также анонимном: Бретанью правит некий король; королева предлагает свою любовь его племяннику.

Иногда авторы лэ «облагораживают» жанр, сближая его с произведениями ученой словесности: они настаивают на «правдивости» повествования (порой так поступала и Мария Французская, – например, в лэ «Жимолость») и одновременно пишут о книжном происхождении этого жанра. Так, в в эпилоге лэ «Тидорель» автор заявляет: «Cest conte tienent a verai / li Breton qui firent le lai»⁴²⁰. Лэ о Тиолете, начинается с пролога, в котором анонимный автор объясняет процесс и механизмы создания лэ:

aventures beles trovoient
qu'ils disoient e racontoint.
A la cort erent racontees,
si conme eles erent trovees ;
Li preude clerc qui donc estoient
totes escrire les fesoient ;
mises estoient en latin [...]
Or son dites e racontees,
de latin en romanz trovees...⁴²¹

Они [рыцари] смело находили
приключения,
О которых впоследствии рассказывали и
повествовали.
При дворе об этих приключениях
говорилось так, как они и случились на
самом деле.
Ученые клирики тех времен записывали
их на пергамене, переводя на латинский
язык.
Ныне мы находим переложения этих
рассказов на романский язык.

Напомним, что Мария Французская напротив, противопоставляла переводы с латыни и лэ, восходящие к устным рассказам; таким образом, свидетельства двух средневековых авторов о процессе создания лэ расходятся. Анонимный автор лэ, в отличие от Марии, пытается описать

⁴²⁰ Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles. vv. 489-490. P. 178.

⁴²¹ Op.cit. vv. 24-35. P. 182.

лэ в терминах ученой куртуазной культуры, хотя и делает это не вполне логично и последовательно. С одной стороны, согласно ему, старофранцузские лэ оказываются переложениями латинских рассказов клириков; с другой, – рассказами, которые сочиняли бретонцы, причем в последнем случае трудно понять, имеются в виду устные или письменные повествования.

Как и в других лэ, здесь также задаются параметры характерного бретонского хронотопа:

Jadis au tens q'Artur regna,
que il Bretaingne governa
que Engleterre est apelee...⁴²²

Некогда, во время правления Артура,
Который управлял Бретанью,
Тогда носившей имя Англии.

Ниже автор создает портреты храбрых и прославленных рыцарей, странствующих ночами в поисках приключений; он не забывает упомянуть ни ключевое для складывающегося жанра лэ слово «авантюра» (см. приведенную выше цитату), ни о бретонцах – творцах и создателях лэ («Bretons en firent lais plusors»⁴²³).

Таким образом, уже к началу XIII века жанр лэ как бы застывает, обретая ясные и, по-видимому, хорошо узнаваемые читателями признаки: краткую повествовательную форму, сказочный бретонский хронотоп, короля Артура и бретонцев в качестве протагонистов и создателей лэ.

Процесс формирования жанра лэ сопровождается появлением пародийных текстов, в которых характерные жанровые признаки остраниются, переосмысляются, помещаются в новый контекст. О таком

⁴²² Op. cit.. vv. 1-3. P. 182.

⁴²³ Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles. v. 36. P. 184.

переосмыслении жанра свидетельствует, в частности, анонимное лэ «Развратник».

Это лэ, насчитывающее сто двадцать две строки и написанное парным восьмисложником, дошло до нас в одной рукописи, хранящейся в Парижской Национальной Библиотеке и обозначаемой сиглой S: BN. Nouvelles acquisitions fr. 1104, 43r-43v. Эта рукопись, детально описанная Гастоном Парисом⁴²⁴ и содержащая, помимо девяти лэ Марии, семь анонимных бретонских лэ (*Graalant* (f° 72 b), *Guingamor* (f° 23 b), *Desirré* (f° 10 c), *Tydorel* (f° 45 d), *Tyoulot*⁴²⁵ (f° 15 c), *l'Espine* (f° 27 c) и *Doon* (f° 33 a), является настоящим собранием лэ, самым богатым из трех, сохранившихся до наших дней⁴²⁶.

Манускрипт S содержит в общей сложности тексты двадцати четырех лэ, из которых большинство принадлежат Марии Французской; «Развратнику» предшествует лэ об Эквитане (f° 43d), следом за ним идет лэ «Ясень» (f° 39 d) – оба, как известно, написаны Марией. Каждое лэ в манускрипте начинается с красной рубрики «C'est le lay de...», «Это лэ о...» и иногда сопровождается маргиналией, оставленной скрибом для иллюстратора («*rubrique d'attente*»). Мы так подробно останавливаемся на этих палеографических деталях потому, что в случае интересующего нас лэ слово «развратник» зачищено и с трудом поддается прочтению; то же слово зачищено в «*rubrique d'attente*» внизу фолио 43⁴²⁷. Не потому ли, что это название – «Развратник» – не соответствовало истинному содержанию лэ и переписчик или средневековый читатель хотел заменить его на

⁴²⁴ Paris G. Lais inédit. De *Tyolet*, de *Guingamor*, de *Doon*, du *Lecheor* et de *Tydorel* // Romania. 1879. P. 29-72.

⁴²⁵ *Tyolet*, как указано в рубрике.

⁴²⁶ Вместе с лондонским манускриптом H, хранящим все двенадцать лэ Марии и норвежским сборником с переводами лэ. См.: Paris G. Op. cit. P. 30.

⁴²⁷ Отметим также, что в норвежском сборнике переводов лэ, «Стренглэйкар», текст этого лэ заканчивается после первого же стиха, листы с продолжением были вырваны. См.: Paris G. Op. cit. P. 32.

другое, само-собой подразумевающееся : «faisons du con le lai novel...»⁴²⁸, «сочиним новое лэ о п...», – название, которое, к тому же, зашифровано в следующем ниже придаточном предложении «C'on...»⁴²⁹?

Гастон Парис, издавая это лэ, писал, что «поэт хочет вызвать улыбку, а не хохот, провоцирующийся обценными фаблио»⁴³⁰. По мнению Ш.Х. Ливингстона, это лэ есть не что иное, как «циничная шутка по поводу истинных источников рыцарского вдохновения»⁴³¹; Филипп Менар полемизирует с «критиками, злоупотреблявшими термином пародия»⁴³², и считает, что в данном случае «мы находимся на границе между лэ и фаблио»⁴³³.

На наш взгляд, в данном случае есть все основания полагать, что перед нами пародия на сам жанр бретонского лэ, сконструированный Марией Французской и ее анонимными подражателями.

Известно, что категория жанра не всегда применима к средневековой литературе. Однако рассматривая нами рукопись показывает, что в это время корпус лэ воспринимается как собрание текстов, обладающих определенными, хорошо узнаваемыми чертами, иначе говоря, – как литературный жанр: не случайно переписчик манускрипта S подчеркивает, что его рукописный сборник состоит из одних только лэ, – более того, лэ бретонских: вверху первого фолио манускрипта мы читаем: «Ci commencent les lays de Breteigne», «Здесь

⁴²⁸ Chevalerie et grivoiserie, *Le Lay dou Lecheor*. P. 2003. v. 97. P. 230. Ниже мы цитируем лэ по этому изданию.

⁴²⁹ *Brusegan R.* Le lai du Lecheor et la tradition du lai plaisant // *Miscellanea Mediaevalia*, mélanges offerts à Philippe Ménard, étude réunies par J. Claude Faucon, Alain Labbé et Danielle Quérue. P. 1998. P. 256.

⁴³⁰ *Paris G.* *Op.cit.* P. 64.

⁴³¹ *Livingstone Ch. H.* Le jongleur Gautier Le Leu. Cambridge. 1951.

⁴³² *Op.cit.* P. 256.

⁴³³ *Ménard Ph.* Les lays de Marie de France, Contes d'amour et d'aventure du Moyen-Age. P. 1979. P. 77.

начинаются бретонские лэ»; концовка сборника гласит: «explicit les lays de Breteigne» (f° 79 c) (хотя, как отмечает Г. Парис, в их числе есть и такие, что не имеют ничего бретонского – как лэ об Аристотеле)⁴³⁴.

Даниэль Пуарьон различает три типа анонимых лэ. Одни из них – «сказочные, их действие происходит в Бретани; в них встречаются сверхъестественные персонажи (например, феи в «Граалане», «Гингаморе» и «Желанном») или рыцари, пришедшие из потустороннего мира («Тидорель», «Тиолет», «Терновый куст»). Другие – дидактические, и Бретань здесь становится только декором («Рысь»); наконец, третьи – бурлескные («Развратник»)⁴³⁵.

Р. Брюзеган даже говорит о бретонской «этикетке» шутивных лэ: «престиж, которым обладали лэ, способствовал тому, что к XIII веку авторы или исполнители, желающие обезопасить себя от плохих жонглеров и дурных сказителей, облагораживали свои рассказы, прилаживая к ним эту этикетку. По этой же причине в прологах шутивных лэ они продолжали ссылаться на бретонцев»⁴³⁶.

В «Лэ о Развратнике» речь идет о том, что самые прекрасные дамы и девицы бретонского происхождения собираются на праздник и рассказывают о славных подвигах и достойных деяниях рыцарей. Согласно существующему обычаю, из этих рассказов слагали лэ, чтобы увековечить эти приключения и, положив на музыку, исполнять в разных странах и государствах. Одна из восьми дам задается вопросом, ради чего рыцари совершают столь славные подвиги, участвуют в турнирах и сражениях, идут на безумства и безрассудные поступки, ухаживают за дамами, дарят им кольца, целуют и обнимают. Она находит причину такого поведения мужчин – п... и предлагает сочинить о ней новое лэ. Ее предложение встречает всеобщее одобрение.

⁴³⁴ Paris G. Op.cit. P. 30.

⁴³⁵ Dictionnaire du Moyen Age. Littérature et philosophie. 1999. P. 518-519.

⁴³⁶ Brusegan R. Op.cit. P. 259.

Как мы уже отметили, ссылки на Бретань и бретонцев являются характерной чертой, визитной карточкой всех лэ Марии Французской, ровно как и многих анонимных лэ. Лэ о развратнике имеет очень сильную бретонскую «окраску»: кроме традиционных ссылок на бретонцев («*Jadis a Saint Pantalion, / se nos racontent li Breton*», vv. 1-2), бретонцы, точнее бретонки, «цветки Бретани»⁴³⁷, являются главными героинями данного лэ. Такое обозначение бретонок, надо думать, иронично подчеркивает их благородство.

Между «Распутником» и лэ Марии Французской много сходства. Второй стих «Распутника» («*se nos racontent li Breton*») дословно повторяет последний стих «Ланваля». Пролог к «Распутнику» (vv. 1-36) является своего рода резюме пролога, который Мария Французская предпосылает «Эквитану» (vv. 1-8); ссылка на истинность повествования в «Распутнике»: «*sachoiz ce est la veritez*» (v. 30) перекликается с подобной ссылкой в «Жимолости»: «*que la verité vus en cunt*» (v. 3). К тому же, анонимный автор заявляет, что бретонцы играют мелодию этого лэ на виоле, арфе и роте: «*savoient de note / en vïele, en harpe et en rote*» (vv. 33-34). Это заявление очень близко к тому, что делает Мария в своем первом лэ, «Гижмаре»: «*que hum fait en harpe et en rote ; / bone en est a oïr la note*» (vv. 885-886). Обратим внимание, что анонимный автор сохраняет и рифму Марии Французской: «*note-rote*».

Что касается структуры лэ о развратнике, она сильно напоминает структуру «Жимолости», о которой нам уже приходилось говорить выше. Действительно, оба текста рассказывают нам не само лэ, но процесс его создания: «*coment fu fez, de quei e dunt*» («как оно было создано, о чем и по какой причине»). Читатель, таким образом, участвует в самом процессе создания лэ его героями: Тристаном – в случае «Жимолости», бретонками – в случае «Распутника»; сам текст лэ, однако, и в первом, и во втором

⁴³⁷ «... de Bretaigne la flors», v. 57.

случае отсутствует, и оба лэ являются скорее историями создания лэ, если угодно, мета-лэ.

Что касается стиля и словаря лэ о Развратнике, до девяностого стиха – то есть до момента появления истинного героя лэ – автор подражает возвышенному и благородному языку лэ Марии, как бы сказал М.М. Бахтин, стилизует *речь другого*, используя весь специфический куртуазный словарь «Лэ», – слова и словосочетания «благороднейшие и прекраснейшие дамы», «возлюбленные и любимые», «благородные рыцари», «авантюры», «благородный», «куртуазный», «доблестный и честный», «чудесный», «обнимать», «целовать»⁴³⁸ и т.д., не позволяя себе ничего лишнего, ничего обценного. Тем не менее, в девяностом стихе появляется настоящий герой, ради которого на самом деле создаются все лэ («se par l’entente du con non» – «чтобы услышать о п..., не так ли»), и ирония автора становится очевидна. Автор повторяет это слово дважды на протяжении семи стихов, чтобы впоследствии заменить его на слово «развратник», которое оказывается эвфемизмом для слова п...

Розанна Брюзеган, не цитируя М.М. Бахтина, анализирует это лэ, отсылая читателей к карнавальным переворачиваниям верха и низа, лица и изнанки: «мотив двойного названия лэ подчиняется карнавальному переворачиванию, которое заключается не в рассуждениях о материальном низе, сохраняющем значение и для куртуазной литературы, но в изображении *настоящего имени*»⁴³⁹. В «Лэ о Развратнике», и в самом деле, есть снижение и осмеяние, которое может быть названо «карнавальным», – «возвышенный» сюжет и «благородный» герой здесь подвергаются явному снижению.

⁴³⁸ «...dames les plus nobles et les plus beles, meschines et damoiseles, les amors et les drüeries, nobles chevaleries, aventure, franchises, cortoisies, la proesce et la valors, merveil, le tornoier et de joster, lor joieaus, lor treceors et lor aneaus, acoler, enbracier...».

⁴³⁹ Brusegan R. *Op.cit.* P. 257.

Мы действительно можем говорить о карнавальном моменте переворачивания в лэ, только перед нами скорее переворачивание сюжета и главного героя, переворачивание с ироническим реверансом куртуазному языку и куртуазным героям лэ Марии и ее подражателям.

Начиная с сотого стиха, лэ возвращается к традиционно-изысканному стилю, но стиль этот тем не менее уже «испорчен» низким сюжетом. Таким образом, автор добивается эффекта, который схож с эффектом, производимым на читателей знаменитым стихотворением Виктора Гюго «Лунный свет»⁴⁴⁰.

По всем этим причинам нам не кажется возможным говорить о бретонском «декоре», призванным облагородить «Развратника». Скорее, бретонский декор служит, как и другие детали, для создания пародии на жанр бретонского лэ, каким оно предстает в сборнике Марии.

Итак, бретонское лэ, основанное на «бретонском материале», становится настоящим предметом пародии. Случайно ли, что слово «лэ» появляется одиннадцать раз (двенадцать, вместе с заглавием) в довольно коротком тексте из ста двадцати двух стихов? Анонимный автор, так сказать, создает образ бретонского лэ, таким, каким оно оформилось к концу XII века, и каким оно представлено в сборнике «Лэ» Марии Французской.

Анонимные лэ свидетельствуют о том, что лэ Марии пользовались успехом в определенной среде: даже если число рукописей, сохранивших ее лэ, не столь многочисленно, анонимные произведения указывают, что «Лэ» Марии были известны читателям; сочинители анонимных лэ отвечали, так сказать, на некий читательский спрос. Вместе с тем анонимные лэ отражают и важнейшие процессы, характеризующие в это время французскую литературу в целом: кодификацию фольклорных по своему генезису жанров, которые включаются в область литературы и

⁴⁴⁰ Автор благодарит Доминика Буте за это замечание.

получают устойчивые черты; сближение народной и ученой литературы, которое в XIII веке будет все более и более интенсивным. Такому сближению способствует, в частности, известная размытость категорий «правды» и «вымысла», о которой мы писали в первой главе, – она имела значение и для некоторых латинских писателей конца XII века, и для самой Марии Французской, и для ее непосредственных наследников – авторов анонимных лэ.

Со временем, однако, жанр лэ начинает восприниматься как чрезмерно «возвышенный», «благородный» и, быть может, именно поэтому слишком сказочный, – так возникает потребность в снижающей и обновляющей жанр пародии. Собственно говоря, «бретонские сказания» и раньше вызывали известный скептицизм у некоторых авторов, о которых мы писали выше (см. Главу I), – в данном случае перед нами новое оживление спора между теми, кто воспринимали эти сказания без какой-либо отстраненности, и теми, кто относился к ним иронически, настороженно, а то и с прямым осуждением. К концу XIII века жанр бретонского лэ практически перестает существовать, хотя его отголоски периодически появляется в текстах позднего средневековья, например, в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались по возможности полно воссоздать литературный и социально-культурный контекст, в котором были написаны «Лэ» Марии Французской. Его органическими слагаемыми были, на наш взгляд, представления о соотношении «правды» и «вымысла», важные для литературной теории того времени, и складывающаяся в связи с ними историографическая традиция на латинском и народном языке, – произведения Гальфрида Монмутского и Васа, посвященные мифическому прошлому Бретани. Частью этого контекста являлись и написанные на латинском языке труды ученых клириков, как и Мария, проявлявших интерес к прошлому кельтов и их сказаниям или же размышлявших о правилах поведения, которые подобают светскому воспитанному человеку. Относятся сюда, вне сомнений, и ранние произведения Кретьена де Труа, с которым Мария вела постоянный диалог, а также наиболее ранние поэмы провансальских трубадуров – ее непосредственных современников. Эту общую картину дополняют, наконец, анонимные лэ, созданные ближайшими наследниками Марии.

Интеллектуальный климат, в котором творила Мария, отличался известным единством импульсов и интересов, – писатели, жившие при дворе Плантагенетов, создавали своего рода историко-культурный миф, призванный способствовать политической и социальной консолидации их королевства. В этот контекст, мы полагаем, вписываются и лэ Марии. Не случайно Мария обращается к творчеству историографа Васа, – ее лэ отмечены несомненным влиянием этого писателя, и не исключено, что и самый ее замысел, состоявший в написании сборника двенадцати лэ, внушен пространной стихотворной хроникой этого историографа. Вас вслед за Гальфридом Монмутским славил военную доблесть бретонцев и живописал их подвиги; задачей Марии становится рассказ о том, что уже в древние времена нравы бретонцев были вежественными, благородными

и утонченными, – иначе говоря, во многих отношениях отвечали новому в те времена куртуазному идеалу человека и видению общества.

В ее лэ, таким образом, эпическая традиция кельтских сказаний и стихотворной хроники Васа естественным образом сочетается с влиянием куртуазной лирики. Мария отдает предпочтение тем сюжетным элементам кельтских повестей, которые легко встраивались в куртуазный универсум, одновременно освобождая их от явного наследия язычества и обогащая ключевыми концептами куртуазной лирики, а также утонченным анализом психологических переживаний, монологами и диалогами или же метафорами и образами, которые непосредственно восходят к лирическим песням трубадуров.

Анализ лэ в сопоставлении с произведениями наиболее известного современника Марии – Кретьена де Труа позволил нам, кроме того, выявить многочисленные интертекстуальные связи между этими двумя писателями. Вне сомнений, Мария знала ранние произведения Кретьена, который был для нее, наравне с трубадурами, одним из литературных и культурных ориентиров: так, есть основания полагать, что кельтские по происхождению рассказы о превращении людей в животных в глазах Марии были своеобразной версией античных «Метаморфоз», – памятника, который переводил молодой Кретьен. Кретьен, во своей стороны, отдавал должное произведениям Марии, более или менее явно отсылая читателя своих романов к ее лэ.

Мария, таким образом, полностью меняет культурный и литературный статус бретонских сказаний, насыщая их французские переложения реминисценциями из произведений современных писателей, облагораживая героев в соответствии с новой светской моралью и сообщая своим рассказам известный лоск сказочной идеальности. У ее ближайших последователей этот лоск становится более ярким. Жанр лэ обретает очерченные контуры, складывается устойчивый бретонский хронотоп – неперенная составляющая лэ. Тем самым жанр лэ, как и

другие фольклорные по происхождению литературные формы, сближается с произведениями ученой культуры; сходные процессы характеризуют эволюцию и других жанров французской литературы XIII века. Со временем идеализация мира древних бретонцев становится столь очевидной, что вызывает создание пародий на жанр лэ, одной из которых мы уделили внимание. К концу XIII века жанр прекращает свое существование, постепенно сближаясь с фаблио и «сказками»⁴⁴¹.

⁴⁴¹ *Lee Ch.* Dinamica interna della narrativa breve antico-francese // *Medievo romanzo*. T.8. 1981–1983. P. 393.

Приложение I

Персеваль, Гавейн и три капли крови
Le Conte du Graal, ms de Paris, BnF, fr. 12576, f° 19
 Конец XIII века

Приложение II

Начало «Лэ о Жимолости» Марии Французской
 Ms de Paris, BN. Nouvelles acquisitions fr. 1104 (S), f° 32
 Вторая половина XIII века

Приложение III

Ниже мы приводим перевод общего пролога Марии Французской к сборнику «Лэ» и «Лэ о Жимолости». Эти переводы – часть академического издания «Лэ» Марии, которое автор настоящей работы готовит в данный момент.

Пролог

Кто в дар от Бога получил
 Ума и красноречья пыл,
 Не должен те дары скрывать,
 Но должен миру их являть.
⁵Слова благие, что цветы,
 Чуть распустивши лепестки,
 Когда же хвалят те слова,
 Знать расцвели цветы сполна.
 У древних был обычай, нам
¹⁰О том поведал Присциан,
 Туманно в книгах говорить:
 Потомкам будет что постичь,
 Ведь книги надо толковать,
 Чтоб тайный смысл их понять.
¹⁵То прежде знали мудрецы
 И понимали так они:
 Должно пройти немало дней,
 Чтоб люди сделались умней
 И лучше стали б то беречь,
²⁰О чем идет в тех книгах речь.
 Чтоб от порока нам уйти,
 К ученью надо путь найти.

Лишь так страданий избежим,
Себя от бедствий оградим.

²⁵А потому сначала я

Решила вот что для себя:
Латинский текст в основу взять
И по-романски передать.

Но славы б тем не обрела:

³⁰Писали так и до меня.

Тогда я вспомнила о лэ —
Их доводилось слышать мне.

Не сомневалась, знала я,
Что их слагатели тогда

³⁵Рассказывали свои лэ,

Чтоб люди помнили везде
О приключениях, что они
Когда-то раньше сберегли.

Рассказы те слыхала я,

⁴⁰И в памяти их сохраняя,

Лэ положила на стихи,
Чтоб от забвения спасти.

За той работой много я
Ночей бессонных провела.

⁴⁵Все это в вашу честь, король,

Любезны вы и храбры столь,
Что радость вам поклон дарит,
А в сердце вашем благ родник.

Его в основу я взяла

⁵⁰И лэ собрание создала.

От сердца вам их подношу,
И дар сей вас принять прошу;

Я буду счастлива всегда,
 Но не считайте вы меня
⁵⁵Столь дерзкой, что вам лэ дарю.
 Теперь послушайте – начну!

Лэ о Жимолости

Хочу поведать вам сейчас,
 О песне, слышанной не раз,
 О "Жимолости" - как она
 И кем была сочинена.

Тристан с Изольдой - я немало
 О них слыхала и читала -
 Любовь их истинна была
 И на страданье обрекла:
 Тристан из-за любви угас
¹⁰И королева в тот же час.

Марк на Тристана в сильном гневе:
 За страсть к Изольде, королеве,
 Изгнал племянника долой
 В Уэльс, на родину, домой.
 В родном краю уж целый год
 Тристан изгнанником живет
 И терпит, но взяла тоска
 Такая, что и смерть близка.
 Не диво то! Нет худшей доли,

²⁰Чем быть в разлуке поневоле!

Печален и задумчив тот,
Кто врозь с любимой живет.
Тристан без милой занемог,
Изгнанию не вышел срок,
Но он, покинув свой Уэльс,
Поехал прямо в Корнуэльс.
Весь день в лесу Тристан скрывался
И к людям выйти опасался,
Но, только мрак на землю лег,

³⁰Отправился искать ночлег

И вот нашел крестьянский дом.
Хозяев расспросил о том,
Как Марк, и где он держит двор.
Тристану говорят, что сбор
Баронов был, и что на нем
Решенье принято о том,
Что скоро в Тинтажель отбудут,
И к Троице с двором прибудут.
Для них устроен праздник будет,
⁴⁰Изольда на него прибудет.

Тристан, услышав эту весть,
Был рад – теперь возможность есть
Любимую наверняка
Увидеть хоть издалека.
Прекрасно знал он те края;
В лесу, где люди короля
Должны проехать, он сломал
Лещины ветку, обтесал
Ножом со всех сторон ее

⁴⁰Да имя вырезал свое.

Для королевы это - знак:

Тристан и раньше делал так.

Изольда сразу все поймет,

Посланье друга разберет.

И станет ясен ей тотчас,

Тристана горестный рассказ:

О том, что он в лесу скитался

И встречи этой дожидался,

Что удалось ему узнать,

⁶⁰Как королеву повидать,

О том, что пусть не едет мимо -

Им встретиться необходимо!

В разлуке, без подруги милой

Жизнь стала горькой и унылой.

Сказать бы можно, что они

Своею участью сродни

Орешнику, когда растет

С ним рядом жимолость и льнет

Побегами к нему. Вдвоем

⁷⁰Легко им жить так день за днем.

Но если ветви расплести,

И вместе им не дать расти,

Орешник сгибнет в цвете лет

И жимолость ему вослед.

Она поймет на ветке знак:

«Подруга милая, вот так

Не можем жить мы, как сейчас:

Вы - без меня, а я - без вас!"

Но вот бароны подъезжают,
⁸⁰Их рыцари сопровождают,
Изольда едет с ними рядом
И холм окидывает взглядом
Вдруг видит ветвь она Тристана,
Посланье ясно. Без изъяна
Написано оно; приказ
Изольда отдает тот час
Всем рыцарям на отдых стать,
Служанку к ней велит прислать.
Приходит верная Бранжьена,
⁹⁰Неведомы ей ложь, измена.
Они идут вглубь леса, вдруг
Изольда видит: милый друг!
И радости их нет предела!
Столь многое сказать хотела
Изольда другу, но близка
Разлука; встреча коротка!
Он с милой и тоска прошла,
Она сказать ему смогла
Что Марк, король, живет в печали:
¹⁰⁰Ему Тристана оболгали!
Приходит время расставанья,
И слезы в горький час прощанья
Влюбленные не могут скрыть.
Тристану нужно в Уэльс отплыть.
В родные едет он края,
Там ждать призыва короля.
Но думать об Изольде будет,
Свою подругу не забудет!

И вспоминая встречи радость

¹¹⁰И слов Изольды милой сладость,

Лэ новое Тристан сложил -

Арфистом он искусным был!

Я лэ, что сочинил Тристан, -

Короткое название дам:

Gotelef - британец назовет,

Chevrefeuille - француз произнесет.

Передала я вам рассказ

О лэ правдиво, без прикрас.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Манускрипты, содержащие лэ Марии Французской

1. London, British Museum, ms. Harley 978, f° 117-158 (H)
2. London, British Library, Cott. Vesp. (C)
3. Paris, Bibliothèque nationale de France, n. a. f. 1104 (S)
4. Paris, Bibliothèque nationale de France, fr. 2168 (P)
5. Bibliothèque nationale de France, fr. 2770 (L)
6. Paris, Bibliothèque nationale de France, fr. 24432 (Q)
7. Upsal, Bibliothèque de l'Université, codex D. G. (N)

Издания «Лэ» Марии Французской

8. *Die Lais der Marie de France* / herausgegeben von Karl Warnke. Halle, Bibliotheca Normannica, 1885 (2e éd.: 1900; 3e éd.: 1924).
9. *Lais bretons (XIIe - XIIIe) : Marie de France et ses contemporains* / Edition bilingue établie, traduite, présentée et annotée par Nathalie Koble et Mireille Séguy. P.: Champion, 2011.
10. *Les lais de Marie de France*, publiés par Jeanne Lods, P.: Champion (Classiques français du Moyen Age, 87), 1959.
11. *Les Lais de Marie de France* / éd. Par Jean Rychner, P.: Champion, 1966 (CFMA, 93).
12. *Les Lais de Marie de France* / éd. Par Jean Rychner. P.: Droz (Textes littéraires français, 66), 1969.
13. *Lais de Marie de France* / éd. Karl Wanke, prép. Par L. Harf-Lancner. LGF, 1990.
14. Marie de France. *Lais* / ed. by Alfred Ewert. Oxford, 1944 (Blackwell's French Texts).
15. Marie de France. *Lais* / éd. Par Philippe Walter. P.: Gallimard, 2000.

Переводы лэ Марии Французской на русский язык

- 16.«Жимолость», пер. С.Кулаковского: URL.:
<http://www.vekperevoda.com/1887/kulak.htm>
- 17.«О жимолости», пер. М. Замаховской // Пуришев Б.И. Зарубежная литература средних веков. Латин., кельт., скандив., прованс., франц. Литературы. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Просвещение». 1974. С. 250-253. Новое издание: Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия / Сост. Б.И.Пуришев. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк. 2004. С. 268-269.
- 18.«Жимолость», пер. Н.Я. Рыковой // Легенда о Тристане и Изольде. М.:Наука, 1976. С. 307–309.
- 19.«Йонек», пер. М. Морозовой // Кентавр. *Studia classica et medievalia*. 2005. №2. С. 329–350.
- 20.«Элидюк», прозаический пер. Джона Фаулза // Фаулз Дж. Башня из черного дерева. М.: АСТ, 2008. С. 185–220.
- 21.Мария Французская. Двенадцать повестей / Пер. со старофранц. В. Долиной. М.: Водолей, 2011.

Источники по другим произведениям средневековой литературы

- 22.Английская и шотландская народная баллада: Сборник. / Сост. Л.М. Аринштейн. М.: Радуга., 1988.
- 23.*Бернарт де Вентадорн*. Песни / Изд. подг. В.А. Дынник. М.: Наука, 1979.
- 24.Воды Клайда: Английские и шотландские народные баллады и песни / Пер. Игн. Ивановский. Л.: Лениздат., 1987.

25. *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984.
26. *Гийом де Лоррис, Жан де Мён*. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма / пер. и комм. И.Б. Смирновой М.: ГИС, 2007.
27. *Гильом де Лоррис. Жан де Мен*. Роман о Розе / пер. со старофранцузского Н.В. Забабуровой на основе подстрочника Д.Н. Вальяно. Ростов-на-Дону: Югпродторг, 2001.
28. Древнеанглийская поэзия / изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982.
29. Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993.
30. Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия / Сост. Б.И. Пуришев; предисл. и подг. к печати В.А. Луков. М.: Высш. шк., 2004.
31. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.
32. *Кретъен де Труа*. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980.
33. Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.
34. Памятники средневековой латинской литературы IV-IX вв., М.: Наука, 1970.
35. Памятники средневековой латинской литературы X-XII вв., М.: Наука, 1972.
36. Песни трубадуров / пер. со старопровансальского А. Наймана. М.: Наука, 1979.
37. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М.: Худ. лит., 1974.
38. Предания и мифы Средневековой Ирландии / под ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1991.

39. Прекрасная Дама: Из средневековой лирики / сост.: А.В. Парин, О.В. Смолицкая. М.: Моск. рабочий, 1984.
40. Роман о Лисе. М.: Наука, 1987.
41. Саги об уладах. М.: Аграф, 2004.
42. Средневековый роман и повесть. М.: Худ. лит, 1974.
43. Уэльс: Хроники бриттов. Книга сказаний / пер. с англ., сост. и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2005.
44. Фламенка / изд. подг. А.Г. Найман. М.: Наука, 1983.
45. *Alexandre de Paris*. Le Roman d'Alexandre / traduction, présentation et notes de Laurence Harf-Lancner (avec le texte édité par E.C. Armstrong et al.). P.: Le livre de poche, 1994.
46. *Andreas Capellanus*. De Amore: URL.: <http://www.thelatinlibrary.com/capellanus.html>
47. *André le Chapelain*. Traité de l'amour courtois / traduction, introduction et notes par Claude Buridant. P., 2002 (1974).
48. *Aristote*. Poétique / introduction, traduction nouvelle et annotation de Michel Magnien. P., 2011 (1990).
49. *Benoit de Sainte-Maure*. Le Roman de Troie / publié d'après tous les manuscrits connus par Léopold Constans. Tome I. P., MDCCCCIC.
50. *Bernart de Ventadorn*. A bilingual edition of the love songs of Bernart de Ventadorn in Occitan and English. New York, 1999.
51. Chevalerie et grivoiserie. Fabliaux de chevalerie / publiés, traduits, présentés et annotés par Jean-Luc Leclanche. P.: Champion classique, 2003.
52. *Chrétien de Troyes*. Romans. P.: La pochothèque, 1994.
53. *Chrétien de Troyes*. Perceval ou Le conte du graal / traduction inédite et présentation de Jean Dufournet. P.: GF-Flammarion, 1997.

54. *Cook R., Tveitane M.* Strengleikar: an Old Norse Translation of Twenty-One Old French Lais. Edited from the Manuscript Uppsala De la Gardie 4-7 – AM 666b, 4°. Norsk historisk kjeldeskrift-institutt. Norrøne texter, 3. Oslo, 1979.
55. *Danielis Becclesiensis.* Urbanus Magnus / edited by J. Gilbert Smyly. Dublin, 1939.
56. *Dante Alighieri.* La Commedia, testo critico secondo i più antichi manoscritti fiorentini / nuova edizione, a cura di Antonio Lanza, Anzio, 1995 (1996).
57. *De Rougemont D.* L'amour et l'Occident. P., 1979 (2006).
58. *Falquet de Romans.* L'œuvre poétique. Aix-en-Provence, 1987.
59. *Fraser V. M.* The songs of Peire Vidal / translation & commentary Peter Lang. N.Y., 2006.
60. *Geoffrey of Monmouth.* The history of the kings of Britain / an edition and translation of De gestis Britonum [Historia Regum Britanniae], edition by M.D. Reeve, translation by N. Wright. Woodbridge: The Boydell Press, 2007.
61. *Gervais de Tilbury.* Le livre des merveilles. Divertissement pour un Empereur (Troisième partie) / traduit et commenté par Annie Duchesne, préface de Jacques Le Goff. P.: Les Belles Lettres, 1992.
62. *Gervais of Tilbury.* Otia imperialia. Recreation for an Emperor / edited and translated by S.E. Banks and J. W. Binns. Oxford.: Clarendon Press, 2002.
63. *Gouiran G.* L'Amour et la guerre. L'oeuvre de Bertran de Born / édition critique, traduction et notes. Aix-en-Provence, 1985.
64. *Guillaume de Lorris et Jean de Meun.* Le Roman de la Rose / traduction, présentation et notes par Armand Strubel. P., 1992.
65. *Guglielmo IX d'Aquitania.* Poesie / edizione critica a cura di Nicolo Pasero. Modena, 1973.

66. *Jean de Grouchy*. De Musica / traduction proposé par D. Poirion. P., 1982.
67. *Jehan Bodel*. La Chanson des Saisnes / edition critique par Annette Brasseur. Tome I. Geneve, 1989.
68. Jordan Fantosme's Chronicle / edited with introduction, translation and notes by R.C. Johnston. Oxford: Clarendon Press, 1981.
69. *Kjellman H.* La Vie Saint Edmund le Rei. Poème anglo-normand du XIIe siècle par Denis Piramus / publié avec introduction, notes et glossaire. Genève, 1974.
70. La geste du roi Arthur / éd. E. Baumgartner et I. Short. P., 1993.
71. La partie arthurienne du Roman de Brut / éd. I. D. O. Arnold et M. M. Pelan. P., 1962.
72. Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles / présentation, traduction et notes par Alexandre Micha. P., 1992.
73. Le Roman de Partonopeu de Blois de Olivier Collet et Pierre Joris. P., 2005.
74. Le Roman de Renart. Tome I. /texte établi et traduit par Jean Dufournet et Andrée Méline. P., 1985.
75. Le Roman de Thèbes / publié par Guy Raynaud de Lage. Tome I. P., 1966.
76. Les Troubadours. T.1, 2. / édité par R. Lavaud et R. Nelli. P.: Declee de Brouwer, 2000.
77. *Macrobe*. Commentaire au songe de Scipion. Tome I. Livre I. / texte établi, traduit et commenté par Mireille Armisen-Marchetti. P.: Les Belles Lettres, 2003.
78. *Marcabru*. A critical edition. Cambridge., 2000.
79. *Marie de France*. L'Espurgatoire Saint Patriz / nouvelle édition critique accompagnée du De Purgatorio Sancti Patricii, éd. de

- Warnke, d'une introduction, d'une traduction, de notes et d'un glossaire par Yolande de Pontfarcy. Louvain; Paris: Peeters, 1995.
80. *Marie de France*. Fables. Babel.: Actes Sud, 2010.
81. *Martin de Riquer*. Los trovadores. Tomo I. Barcelona.: Planeta, 1975.
82. *Peire Vidal*. The songs. New York, 2006.
83. *Raimbaut d'Orange*. Quand resplendit la Fleur Inverse. Babel, 1990.
84. *Renaud de Beaujeu*. Le bel inconnu / publié, présenté et annoté par Michèle Perret, traduction de Michèle Perret et Isabelle Weil. P.: Honoré Champion, 2003.
85. The Cambridge Old English reader / by Richard Marsden. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
86. The deeds of the Normans in Ireland, La geste des Engleis en Yrlande, a new edition of the chronicle formerly known as The Song of Dermot and the Earl / ed. by E. Mullally. Dublin.: Four Courts Press, 2002.
87. Tristan et Iseut. Les poèmes français. La saga norroise / textes originaux et intégraux présentés, traduits et commentés par Daniel Lacroix et Philippe Walter. P., 1989.
88. Tristan et Yseult. Les premières versions européennes. P., 1995.
89. *Wace*. Le Roman de Brut / éd. I. Arnold. Tome I. P.: SATF, 1938.
90. *Wace*. Le Roman de Rou/ publié par A.J. Holden. Tome I. P.: SATF, 1970.
91. *Wace*. Le Roman de Rou /publié par A.J. Holden. Tome II. P.: SATF, 1971.
92. *Walter Map*. De Nugis Curialium /edited and translated by C.N.L. Brooke and R.A.B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1983.

Список использованной литературы

93. *Абрамова М.А.* Лэ (ле) // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под. ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 432.
94. *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М.: Высш. шк., 1984.
95. Английская и шотландская народная баллада: Сборник. / Сост. Л.М. Аринштейн. М.: 1988.
96. *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
97. *Ауэрбах Э.* Филология мировой литературы / Пер. Ю.В. Ивановой, П.В. Лещенко, А.В. Лызлова // Вопросы литературы. 2004. №5. С. 115–139.
98. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
99. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
100. *Бахтин М.М.* Эпос и роман. СПб., 2000.
101. *Биркхман Г.* Кельты: история и культура / пер. с нем. Нины Чехонадской. М., 2007.
102. *Бондаренко Г.В.* Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007.
103. *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика. М., 2006.
104. Воды Клайда: Английские и шотландские народные баллады и песни. Пер. Игн. Ивановский. Л., 1987.
105. *Евдокимова Л.В.* «Историческое зеркало» Жана де Винье: перевод-комментарий / Культура интерпретации до начала Нового времени [Текст] / науч. ред. О.С. Воскобойников, Ю.В. Иванова. М., 2009. С. 300–329.

106. *Евдокимова Л.В.* У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века. М., 1997.
107. *Евдокимова Л.В.* Французская поэзия позднего средневековья (XIV – первая треть XV в.). М., 1990.
108. *Евдокимова Л.В.* Natura, Ars, Imitatio. Образ «совершенного поэта» в произведениях двух великих риторик // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. М. , 2002. С. 381 – 411.
109. *Жильсон Э.* Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV века. М., 2004.
110. *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики. С.-Пб., 2003.
111. История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984.
112. *Калыгин В.П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006.
113. Кельты: первые европейцы / Пер. с итал. М., 2008.
114. «Кельты: язык, поэтика, мифология, история» (MACGNIMRADA. КЕЛЬТЫ: ЯЗЫК, ПОЭТИКА, МИФОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ): Материалы конференции: Молодые кельтологи – 2. М., 2009.
115. *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 2003.
116. *Лайсффт П., Михайлова Т.* Банши: Фольклор и мифология Ирландии / пер. с англ. Нины Чехонадской; Приложение Анны Мурадовой. М., 2007.

117. *Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж.* Кельтская цивилизация/ пер. с фр. Г.В. Бондаренко, Ю.Н.Стефанова / науч. ред. Г.В. Бондаренко. СПб., 2001.
118. *Ловернья-Ганьер К.* История французской литературы: Краткий курс: *Précis de littérature française*: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К. Ловернья-Ганьер, А. Попер, И. Сталлони, Ж. Ванье; под ред. Д. Берже; [пер. с франц. Т.А. Левиной; науч. ред. рус. текста Е.Д. Мурашкинцев]. М., 2007. С. 34–36.
119. *Лукасик В.Ю.* Миф до Ренессанса. Античная мифология во французской поэзии позднего Средневековья. М., 2010.
120. *Луков Вл. А.* История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 74–75.
121. *Матюшина И.Г.* Древнейшая лирика Европы. М., 1999.
122. *Мейлах М.Б.* Язык трубадуров. М, 1975.
123. *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. М., 1983.
124. *Менендес Пидаль Р.* Арабская поэзия и поэзия европейская // Избранные произведения. М., 1961. С. 466-509.
125. Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005.
126. *Михайлов А.Д.* Фантастический универсум бретонских лэ (рукопись).
127. *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе / отв. ред. Н. И. Балашов. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2006.

128. *Михайлова Т.А.* Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре / Ин-т языкознания РАН. М., 2004.
129. *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / пер. с фр. М.О. Гончар; Науч. ред., коммент. и послесл. Т.Д. Сергеевой; Предисл. А.П. Левандовского. М., 2001.
130. Полемиическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Ю.В. Иванова. М., 2012.
131. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.
132. *Рис А., Рис Д.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / пер. с англ. Т. А. Михайловой. М., 1999.
133. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003.
134. *Смирнов А.А.* Из истории западно-европейской литературы. М.; Л., 1965.
135. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 2006.
136. *Фридрих И.* История письма / под ред., с предисл. и коммент. И. М. Дьяконова. М., 2008.
137. *Широкова Н.С.* Мифы кельтских народов. М., 2005.
138. A new history of french literature / ed. by Denis Hollier, L. 1989.
139. *Aarne A., Thompson S.* The types of the Folk-Tale. A Classification and Bibliography. Helsinki, 1928.
140. *Alibert L.* La place de l'amour chevaleresque, de l'héroïsme amoureux, et du merveilleux dans Jaufre, les Lais (Marie de France)

et le Lai de Leithian (Tolkien): Master II d'études romanes, Université Paul Valéry – Montpellier III, 2006.

141. Amours et merveille. Les Lais de Marie de France / études recueillies par Jean Dufournet. P., 1995.
142. *Auerbach E.* Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie. Bern; München, 1967.
143. *Auerbach E.* Mimésis, la représentation de la réalité dans la littérature occidentale / traduit de l'allemand par Cornélius Heim. P., 1968 (1946).
144. *Aurell M.* La légende du roi Arthur 550-1250. P., 2007.
145. *Bakhtine M.M.* Esthétique et théorie du roman/ traduit du russe par Daria Olivier. P., 2011 (1978).
146. *Baum R.* Recherches sur les oeuvres attribuées à Marie de France. Heidelberg, 1968.
147. *Bédier J.* Les Allusion à la légende de Tristan dans la literature du moyen âge // Romania. 1886. Vol. XV. P. 397–400.
148. *Beer J.M.A.* Narrative conventions of truth in the Middle Ages. Genève, 1981.
149. *Bezzola R.R.* Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500-1200). Deuxième partie. La société féodale et la transformation de la littérature de cou., Genève; P., 1984 (1966).
150. *Bezzola R.R.*, *Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500-1200)*, troisième partie, *La société courtoise : littérature de cour et littérature courtoise*, Genève, Slatkine, P., Champion, 1984 (1967).
151. *Bloch O., Wartburg W.* Marie de France and the Tristram Legend // PMLA. 1948. Vol. LXIII. P. 405–411.

152. *Bloch O., Wartburg W.* Dictionnaire étymologique de la langue française. P., 1975 (1932).
153. *Bloch R.H.* The Anonymous Marie de France. Chicago; London, 2003.
154. *Boland M.M.* *Architectural structure in the Lais of Marie de France.* New York, , 1995.
155. *Boutet D.* Formes littéraires et conscience historique aux origines de la littérature française (1100-1250). P., 1999.
156. *Boutet D.* Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire P., 1992.
157. *Boutet D.* Histoire de la littérature française du Moyen Age. P., 2003.
158. *Brugger E.* The celtic element in the lays of *Lanval* and *Graelent* // *Modern Philology.* 1914. Vol. 12. P. 585–644.
159. *Brusegan R.* Le “Lai du Lecheor” et la tradition du lai plaisant // *Miscellanea Mediaevalia* / mélanges offerts à Philippe Ménard, études réunies par J. Claude Faucon, Alain Labbé et Danielle Quérue. P., 1998.
160. *Burgess G.S.* Marie de France. Text and context. Athens, 1987.
161. *Cagnon M.* Chievrefeuil and the ogamic tradition // *Romania.* 1970. Vol. 91. P. 238–255.
162. *Cargo R.T.* Marie de France’s Le Laustic and Ovid’s Metamorphoses // *Comparative Literature.* 1966. Vol. 18, No. 2. P.162–166.
163. *Celtic Culture: a historical encyclopedia* / ed. J.Koch. Santa-Barbara, 2006.

164. *Cerquiglini-Toulet J., Lestringant F., Forestier G., Bury E.* La littérature française : dynamique & histoire / sous la direction de Jean-Yves Tadié. P., 2007.
165. *Coitir Niall Mac.* Irish trees. Myths, legends & Folklore. Cork, 2003.
166. *Cross T.P.* Motif-index of Early Irish Literature. New York, 1969.
167. *Cross T.P.* The celtic elements in the lays of Lanval and Graelant // *Modern Philology*. 1915. Vol. 12. P. 585–644.
168. *Cross T.P.* The celtic origin of the lay of Yonec // *Revue celtique*. 1910. Vol. 31. P.413–471.
169. *Curtius E.R.* La littérature européenne et le Moyen Age latin / trad. de l'Allemagne par Jean Bréjoux. P., 1991 (1956).
170. *Damian-Grint P.* The New Historians of the Twelfth-century Renaissance : Inventing Vernacular Authority. Woodbridge, 1999.
171. *Damon S.F.* Marie de France psychologist of courtly love // *PMLA*. 1929. Vol. 44. P. 968–996.
172. *Daniel N.* The Arabs and Medieval Europe. London; Beirut, 1975.
173. *Darmesteter A.* Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII – e siècle jusqu'a nos jours. T.2. G-Z. P., 1890.
174. *Denomy A.J.* Fin'Amors. The Pure Love of the Troubadours, its Amoralité, and Possible Source // *Medieval Studies*. 1945. Vol. VII. P. 139–207.
175. Dictionnaire de littérature française et francophone. Henri Lemaître. P., 1985.

176. Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge / ouvrage préparé par Robert Bossuat, Louis Pichard et Guy Raynaud de Lage, P., 1992 (1964).
177. *Dictionnaire du Moyen Âge* publié sous la direction de Claude Gauvard, Alain de Libera, Michel Zink, P., QUADRIGE / PUF, 2002.
178. *Dictionnaire du Moyen Âge. Littérature et philosophie*, préface de Jean Favier, P., *Encyclopaedia Universalis et Albin Michel*, 1999.
179. *Dinaux A.* Trouvères, jongleurs et ménestrels du Nord de la France et du Midi de la Belgique. II. Trouvères de la Flandre et du Tournaisis. P., 1839.
180. *Dragonetti R.* Le lai narratif de Marie de France : pur quei fu fez, coment e dunt // *La Musique et les Lettres*. Genève, 1986. P. 99–121.
181. *Dubuis R.* Les formes narratives brèves // *Grundriss der romanischen Literatur des Mittelalters*. T. VIII, 1. P., 1988.
182. *Dufournet J.* Relire le *De Nugis curialium* de Gautier Map // *Le Moyen Âge*. 1989. Vol. XCV. P. 518–525.
183. *Eleanor of Aquitaine. Lord and Lady* / ed. by Bonnie Wheeler and John Carmi Parsons. New York, 2003.
184. *Elliott R.W.V.* The Runes in the “Husband’s Message” // *Journal of English and Germanic Philology*. 1955. Vol. LIV, № 1. P. 1–8.
185. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic* by Ranko Matasović. Leiden; Boston, 2009.
186. *Evdokimova L.* Les dénominations génériques des récits brefs au XIIIe siècle et leur place dans le système des genres : quelques réflexions sur la notion du genre au Moyen Age // *Etudes médiévales*. T. 3. Amiens, 2001. P.210–219.

187. *Ferguson Mary H.* Folklore in the *Lais* of Marie de France // *The Romanic Review*. 1966. Vol. 57. P. 3–24.
188. *Fleuriot L.* Dictionnaire des gloses en vieux breton. P., 1964.
189. *Fleuriot L.* Dictionnaire des gloses en vieux breton. P., 1964.
190. *Foulet L.* English words in the *Lais* of Marie de France // *Modern Language Notes*. 1905. Vol. 20, №4. P.109–111.
191. *Foulet L.* Marie de France et la légende de Tristan // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1908. Vol. 32. P. 161–183, 257–289.
192. *Foulet L.* Marie de France et les *lais* bretons // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1905. Vol. 29. P. 19–56, 293–322.
193. *Foulon Ch.* Marie de France et la Bretagne // *Annales de Bretagne*. 1950. Vol. 71. P. 330–344.
194. *Franc G.* Marie de France and the Tristram legend // *Publication of the Modern Language Association of America*. 1948. Vol. 63, №2. P. 405–411.
195. *Frappier J.* Contribution au débat sur le Lai du Chèvrefeuille // *Annales Universitatis Saraviensis*. 1957. No. 6. P .215–224.
196. *Frappier J.* Contribution au débat sur le Lai du Chèvrefeuille // *Annales Universitatis Saraviensis*. 1957. No. 6. P. 215–224.
197. *Genette G.* Palimpsestes. La littérature au second degré. P., 1982.
198. *Gertz Sun Hee Kim.* Echoes and Reflection: Memory and Memorials in Ovid and Marie de France. Amsterdam; New York, 2003. P. 372–396.
199. *Getz Sun Hee Kim.* Echoes and Reflections of Enigmatic Beauty in Ovid and Marie de France // *Speculum*. 1998. Vol. 73, No. 2. P. 372–396.
200. *Gilson E.* Héloïse et Abélard. P., 1984.

201. *Godefroy F.* Dictionnaire l'ancienne langue français et des tous ses dialects du IX au XV siècle. T. 4ième. P., 1985.
202. *Godefroy F.* Lexique de l'ancien français / publié par les soins de J. Bonnard et A. Salmon, préface de J. Dufournet. P., 2003.
203. *Green M.* Celtic Goddesses. London, 1997.
204. *Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français. Le Moyen Age. P., 1997.
205. *Guenée B.* Histoire et chronique. Nouvelles réflexions sur les genres historiques au Moyen Age // La chronique et l'histoire au Moyen Age, Colloque des 24 et 25 mai 1982 / Textes réunis par Daniel Poirion. P., 1984.
206. *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.
207. *Guiette R.* Li conte de Bretaigne sont si vain et plaisant // Romania. 1967. Vol. LXXXVIII. P. 1–12.
208. *Harf-Lancner L.* Les fées au Moyen Âge. Morgane et Mélusine. La naissance des fees. P., 1984.
209. *Harf-Lancner L.* La reine ou la fée: l'itinéraire du héros dans les *Lais* de Marie de France // Amour et merveille: les "lais" de Marie de France / éd. Jean Dufournet. P., 1995. P. 81–108.
210. *Haskins Ch. H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge M.A.; London, 1971.
211. *Hatcher A.* Lai du Chievrefueil // Romania. 1950. Vol. LXXI. P.330–344.
212. *Hatcher Anna-G.* Lai du Chievrefueil // Romania. 1950. Vol. LXXI. P.330–344.

213. *Hatzfeld A., Ménard Ph.* Les lais de Marie de France: contes d'amour et d'aventure du Moyen Age. P., 1979.
214. *Hermann Braet.* Note sur Marie de France et Ovide (lai de Guigemar, v. 233 – 244) // *Mélange Jeanne Wathelet-Willem.* Liège, 1978. P. 21–25.
215. *Hoepffner E.* La géographie et l'histoire dans les Lais de Marie de France // *Romania.* 1930. Vol. 56. P.1–32.
216. *Hoepffner E.* Les Lais de Marie de France dans Galeran de Bretagne et Guillaume de Dole // *Romania.* 1930. Vol. 56. P. 212–235.
217. *Hoepffner E.* Les Lais de Marie de France. P., 1971.
218. *Hoepffner E.* Marie de France et l'Eneas // *Studi medievali.* 1932. Vol. 5. P. 272–308.
219. *Hoepffner E.* Marie de France et les lais anonymes // *Studi medievali.* 1931. Vol. P. 1–13.
220. *Hofer S.* Chrétien de Troyes : Leben und Werke des altfranzösischen Epikers. Graz; Cologne, 1954.
221. *Hofer S.* Zur Beurteilung der Lais de Marie de France // *Zeitschrift für romanische Philologie.* 1950. Vol. 66. P. 409–442.
222. *Holmes U. T.* A Welsh motif in Guigemar // *Studies in Philology.* 1942. Vol. 39. P. 11–14.
223. *Illingworth R.N.* Celtic tradition and the lai of Guigemar // *Medium Ævum.* 1962. Vol. 31, № 3. P. 176–187.
224. *Illingworth R.N.* Celtic tradition and the lai of Yonec // *Etudes Celtique.* 1961. Vol. 9. P. 501–502.
225. *Jackson W.T.H.* The Literature of the Middle Ages. N.Y., 1960.
226. *Jasinski R.* Histoire de la littérature française. T. 1e. P., 1965.

227. *Jauss H.R.* Chanson de geste et roman courtois (Analyse comparative du Fierabras et du Bel Inconnu) // Chanson de Geste und Höfischer Roman. Heidelberg, 1963.
228. *Jauss H.R.* Littérature médiévale et théorie des genres // Théorie des genres. P., 1986.
229. *Jauss H.R.*, *Pour une esthétique de la réception*, traduit de l'Allemagne par Claude Maillard, préface de Jean Starobinski, P., Gallimard, 1990.
230. *Jauss H.R.*, *Pour une herméneutique littéraire*, traduit de l'Allemagne par Maurice Jacob, P., Gallimard, 1988.
231. *Jodogne O.* Le fabliau. Bepols, 1975.
232. *Johnston O.M.* Sources of the lay of the Yonec // Publications of the Modern Language Association. 1905. Vol. 20. P. 332–338.
233. *Jonin P.* Merveilleux celtique et symbolisme universel dans *Guigemar* de Marie de France // *Mélanges Jeanne Wathelet-Willem* / éd. Jacques de Caluwé. Liège, 1978. P. 239–255.
234. *Jonin P.* Merveilleux et voyage dans le lai de *Guigemar* // *Senefiance*. 1976. Vol. 2. P. 275–287.
235. *Joubert C.-H.* Oyez ke dit Marie. Etude sur les Lais de Marie de France (XIIe siècles). P., 1987.
236. *Knapton A.* A la recherche de Marie de France // *Romance Notes*. 1978. Vol. 19. P. 1–6.
237. *Laura A.* Fiction and history in England, 1066-1200. L., 2007.
238. *Lazar M.* Amours courtois et fin' Amors dans la littérature du XII siècle. P., 1964.

239. *Le Gentil P.* A propos du Lai du Chèvrefeuille et de l'interprétation des textes médiévaux // Mélanges d'histoire littéraire de la Renaissance offerts à Henri Chamard. P., 1951. P. 17–27.
240. *Le Gentil P.* A propos du Lai du Chèvrefeuille et de l'interprétation des textes médiévaux // Mélanges d'histoire littéraire de la Renaissance offerts à Henri Chamard. P., 1951. P. 17–27.
241. *Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Age. P., 2000 (1957).
242. Le Roman de Brut de Wace entre fiction et histoire, Actes du colloque de Bagnoles de l'Orne / dir. C. Letellier et D. Hüe. Orléans, 2003.
243. Le Texte Médiéval. De la variante à la recreation. P., 2012.
244. *Lee Ch.* Dinamica interna della narrativa breve antico-francese // Medioevo romanzo. 1981-1983.T.8. P. 381–400.
245. *Lee Ch.* Dinamica interna della narrativa breve antico-francese // Medioevo romanzo. 1981-1983. T. 8.P.381-400
246. *Livingstone Ch. H.* Le jongleur Gautier Le Leu. Cambridge,, 1951.
247. *Lobrichon G.* Héloïse. L'amour et le savoir. P., 2005.
248. *Loth J.* Le lai de Bisclavret: le sens de ce nom et son importance // Revue celtique. 1927. Vol. 44. P. 300–307.
249. *Maillard J.* Evolution et esthétique du lai lyrique des origins à la fin du XIVe siècle. P., 1963.
250. *Marchello-Nizia Ch.* L'historien et son prologue : forme littéraire et stratégies discursives // La chronique et l'histoire au Moyen Age, Colloque des 24 et 25 mai 1982 / Textes réunis par Daniel Poirion, P., 1984.

251. *Mehtonen P.* Old Concepts and New Poetics. Historia, Argumentum, and Fabula in the Twelfth-and Early Thirteenth-Century Latin Poetics of Fiction. Helsinki, 1996.
252. *Ménard Ph.* Les lais de Marie de France, Contes d'amour et d'aventure du Moyen-Age. P., 1979.
253. *Mickel E.J.* Marie de France. New York, 1974.
254. *Mikhailova M.* Le présent de Marie. P., 1996.
255. Moult obscures paroles. Etudes sur la prophétie médiévale / dir. R. Trachsler. P., 2007.
256. Où est la littérature mondiale? / Sous la direction de Christophe Pradeau et Tiphaine Samoyault. Vincennes, 2005.
257. *Paris G.* La littérature français au moyen âge. P., 1988.
258. *Paris G.* Lais inédits de Tyolet, de Guingamor, de Doon, du Lecheor et de Tydorel // Romania. 1879. T. VIII. P. 29–72.
259. *Paupert A.* Deux femmes auteurs au Moyen Age. Marie de France et Christine de Pizan // *Revue de la BNF*. 2011. Vol. 39. P. 6–13.
260. *Perugi M.* La poésie des troubadours. Un modèle européen de civilisation littéraire. Avignon., 2011.
261. *Poe E.W.* Marie de France and the *salut d'amour* // Romania. 2006. Vol. 124. P. 301–323.
262. *Pontfarcy Y. de.* Le *Lai des deus amanz* et la survie en Normandie d'un mythe celtique authentique // Actes du 14e Congrès international arthurien. T.2. Rennes, 1985. P. 500–508.
263. *Quérue D.* Silence et mort du rossignol: les réécritures médiévales de l'histoire de Philomèle // Philomèle. Figures du rossignol dans la tradition littéraire et artistique / éd. Véronique Gély, Jean-Louis Haquette et Anne Tomiche. P., 2006. P. 73-88.

264. *Ribard J.* Le Moyen âge : littérature et symbolisme. P., 1984.
265. *Ringer K.* Die Lais. Zur Geschichte einer Gattung der altfranzösischen Kurzerzählung. F/ a M., 1966.
266. *Rossi C.* Marie de France et les érudits de Cantorbéry. P., 2009.
267. *Salverda de Grave J.J.* Marie de France et Eneas // *Neophilologus*. 1925. Vol. 10. P. 56–58.
268. *Sargent-Baur B.N.* Veraces historiae aut fallaces fabulae? // Text and intertext in Medieval arthurian literature. New York, 1996. P. 25–39.
269. *Schoepperle G.* Chievrefoil // *Romania*. 1909. Vol. XXXVIII . P. 196–218.
270. *Schoepperle G.* Chievrefoil // *Romania*. 1909.Vol.XXXVIII. P. 196–218.
271. *Shaitanov I.* Pourquoi comparer ? Comparatisme et/ou poétique // *Slavica Occitana*. 2010. Vol. 30. P. 13–36.
272. *Short I.* Tam Angli quam Franci : self-definition in Anglo-Norman England // *Anglo- Norman studies*. 1995. Vol. XVIII. P. 153–175.
273. *Sienaert E.* Les Lais de Marie de France. Du conte merveilleux à la nouvelle psychologique. P.,1978.
274. *Smithers G.* Story-Patterns in Some breton Lays // *Medium Ævum*. 1953. Vol 22. P. 61–92.
275. *Spitzer L.* La “Lettre sur la baguette de coudrier” dans le Lai du Chievrefueil // *Romania*. 1946. Vol. LXIX. P.80–90.
276. *Sterckx C.* Mythologie du monde celte. Marabout, 2009.
277. *Suard F.* Bisclavret et les contes du loup-garou: essai d'interprétation // *Mélanges de langue et littérature françaises du*

- Moyen Âge et de la Renaissance offerts à Monsieur Charles Foulon.
T. 2. Rennes, 1980. P. 267–276.
278. *Suard F.* L'utilisation des éléments folkloriques dans le lai du *Frêne* // *Cahiers de civilisation medieval*. 1978. Vol. 21. P. 43–52.
279. *Sudre L.* Les Allusion à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge // *Romania*. 1886. Vol. XV. P. 534–557.
280. The reception and transmission of the works of Marie de France, 1774-1974 / edited with an introduction by Chantal Maréchal. New York, 2003.
281. *Thomas H.M.* The English and the Normans, Ethnic Hostility, Assimilation, and Identity 1066 – c.1220. New York , 2003.
282. *Tillette J.-Y.* *Opus oratorium*. L'écriture de l'histoire et l'exigence littéraire dans le Moyen Age latin // *L'oeuvre littéraire du Moyen Age aux yeux de l'historien et du philologue* / éd. L. Evdokimova et V. Smirnova. P., à paraître.
283. *Tobler-Lommatzsch A.* *Altfranzösisches Wörterbuch*, bd I-XI, Weidmannsche Buchhandlung, Berlin, 1955–2002.
284. *Trachsler R.* Tant de 'lettres' sur un si petit 'bustun' : le 'Lai du Chèvrefeuille' devant la critique littéraire (1200-2000) // *Medioevo Romano*. 2003. Vol. xxvii. P. 3–33.
285. *Walter von.* Dictionnaire étymologique de la langue française. P., 1975.
286. *Walters L.* Le rôle du scribe dans l'organisation des manuscrits des romans de Chrétien de Troyes // *Romania*. 1985. T. 106, Vol. 3-4. P. 303-325.
287. *Wettstein J.* «Mezura». L'idéal des troubadours, son essence et ses aspects. Genève, 1974.

288. *White-Le Goff M.* L'originalité de la figure de l'Irlandais dans la légende du purgatoire de saint Patrick // Bien dire et bien apprendre. 2008. Vol. 26. P. 259–270.
289. *Wilmotte M.* Marie de France et Chrétien de Troyes// Romania. 1926. Vol. 52. P. 353–356.
290. *Wind Bartina H.* L'idéologie courtoise dans les lais de Marie de France // Mélanges de linguistique romane et de philology médiévale offerts à M. Maurice Delbouille, professeur à l'Université de Liège. T.2 Gembloux, 1964. P. 741–748.
291. *Woledge B., Clive H.P.* Répertoire des plus anciens textes en prose française. Genève, 1964.
292. *Wolf-Bonvin R.* “Du Lai du Freisne à Galeran de Bretagne. La fabrique des filles-fleurs”, Ce est li fruis selonc la letre // Mélanges offerts à Charles Méla / éd. Olivier Collet, Yasmona Foehr-Janssens et Sylviane Messerli. P. 2002. P. 571–590.
293. *Writers of the Reign of Henry II. Twelve essays / ed. by Ruth Kennedy and Simon Meecham-Jones.* New York , 2006.
294. *Zanoni M.L.* “Ceo testimoine Presciens”, Priscian and the Prologue to the Lais of Marie de France // Traditio. 1980. Vol. 36. P. 407–415.
295. *Zink M.* Littérature française du Moyen Age. P., 2001.
296. *Zink M.* Une mutation de la conscience littéraire : Le langage romanesque à travers des exemples français du XIIe siècle // Cahiers de Civilisation médiévale Xe – XIIe siècles. T. XXIV. Poitiers, 1981.
297. *Zumthor P.* Essai de poétique médiévale / avec une préface de Michel Zink et un texte inédit de Paul Zumthor. P., 2000 (1972).